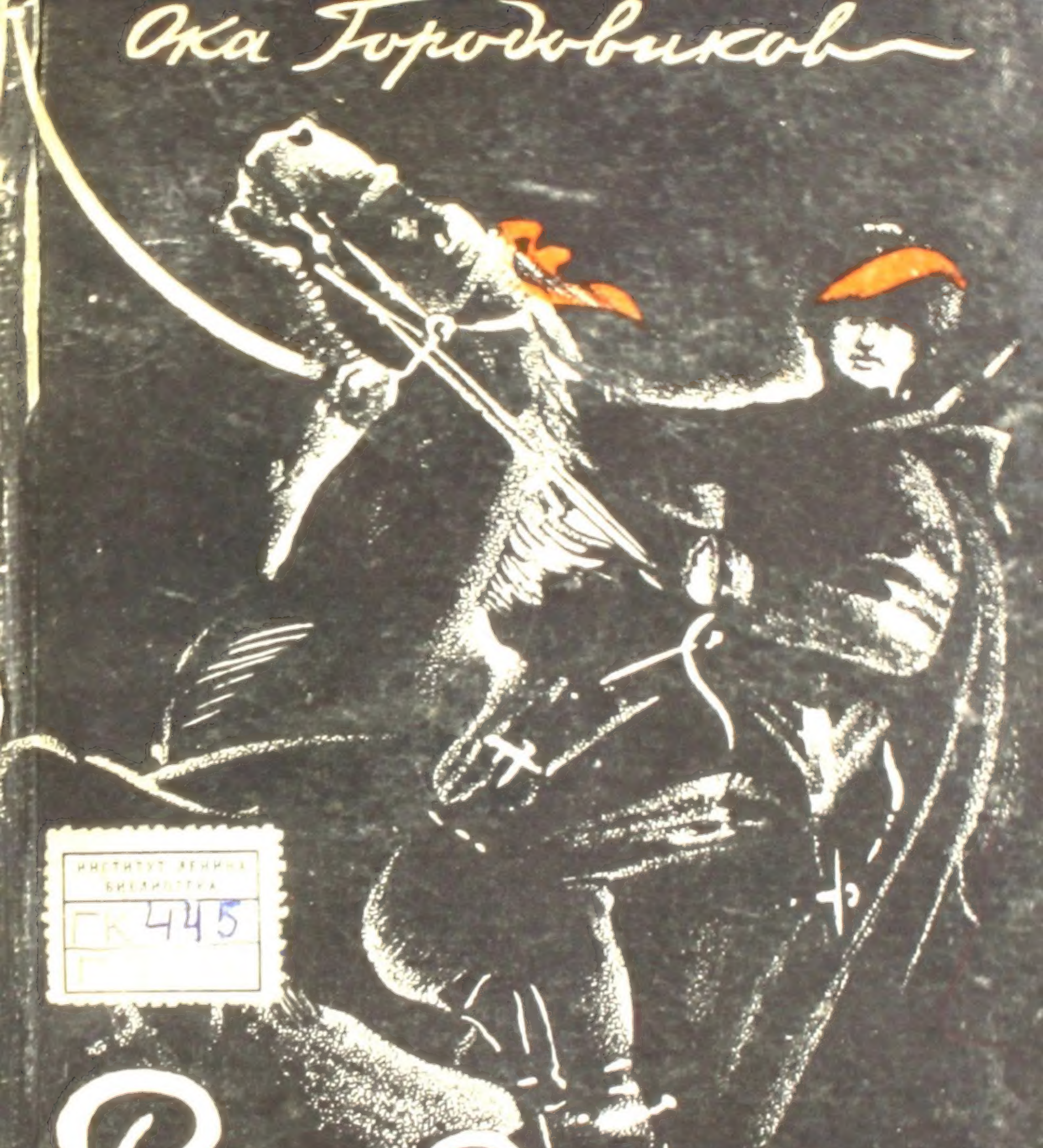
Ока Городовиков



ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГК 445

Рождение ПЕРВОЙ КОННОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УЗ. ССР

ОКА ГОРОДОВИКОВ

РОЖДЕНИЕ ПЕРВОЙ КОННОЙ

ГК445
Г731₂

OZDAVNASR

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УзССР
ТАШКЕНТ—1935

К 1985
П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
ГК 445 / Г 731₂ Р
ИЛ
БИБЛИОТЕКА ИМЭ при Ц.К.В.К.П.(б)
19331
~~19331~~ у
~~2317~~
~~33~~ ~~36~~

Отв. редактор *Г. Матвиевский.*

Художник *Кайдалов.*

Техн. редактор *Н. Копыткова.*

Корректор *Л. Предтеченская.*

Сдано в набор 2/VII — 1935 г. Подписано к печати 22/X — 1935 г.
Тираж 10000 + 125 Формат бумаги 72×100/32. Печ. листов 6.
Издат. листов 8,8. Узгиз № 535. Узлит № 559/1. Заказ № 1161.

ФЗУ типографии «Правда Востока», гор. Ташкент.

АННОТАЦИЯ

„Рождение Первой конной" — яркая и правдивая книга о героических днях буденновской армии, написанная одним из ближайших сподвижников С. М. Буденного, бывшим начдивом 4 Ока Ивановичем Городовиковым, впоследствии бывшим командующим 2-ой конной армии. Книга построена на живых личных воспоминаниях т. Городовикова, именно это и придает ей особую убедительность и силу.

Просто, без всяких прикрас он рассказывает о том, как была организована 1-я конная, как собирались из партизанских отрядов эскадроны, полки, бригады, дивизии 1-й конной, как раздетые, разутые, голодные буденновцы самоотверженно бились за советскую власть с вооруженными до зубов белогвардейскими генералами, как они своими стремительными налетами и передвижениями сеяли панический страх среди хорошо обученных кавалерийских корпусов Мамонтова, Шкуро и прочих атаманов. Книга незабываемо рисует вождей и командиров 1-ой конной — бывших рядовых, фельдфебелей, унтерофицеров из рабочих и крестьян, часто неграмотных и полуграмотных, творческие таланты которых так чудесно подняла и раскрыла пролетарская революция.

Эта книга т. Городовикова с большим интересом будет прочтена трудящимися Советского Союза, как бывшими участниками гражданской войны, так и молодежью.

(Книга написана без пользования архивными документами).

ОКА ИВАНОВИЧ ГОРОДОВИКОВ

НАЧДИВ 4

При царе Александре III, на хуторе Эльмута, в полукочевой калмыцкой семье, таскавшей свою кибитку по Сальским степям, у калмыка Ивана Городовикова родился сын. Нарекли его древним именем — Ока. Имена еще оставались старые, а фамилии были уже обрусевшие. Местный гелюнг, буддийский священнослужитель, записал, что в 1880 году такого-то дня, такого-то месяца родился младенец мужского пола. Мать ходила по степи, подбирала падалину и убоину, выдирала жилы и выделывала из них нитки. Мать выделывала и овчины, собирала в степи коренья, дубила и красила кожи и из отбросов калмыцких баев одевала и обувала семью в овчинные штаны, кожухи и самодельные сапоги. И в убогой нищете находила все-таки уменье и желанье — раскрашенными жилами делала мужу и детям узоры на голенищах.

Детей было шестеро. Требовали есть, пить, цеплялись, ползали. А русские переселенцы шли все гуще и гуще, жить было труднее, и восьми лет мальчишку Оку отдали внаймы за жалованье один рубль в месяц.

Год походил на год. Казалось, не существовало ни истории, ни даже маленьких личных перемен. И вот пришла перемена: осенью 1903 года забрали на военную службу, служить в коннице Войска Донского. Должен являться нищий калмык со своим конем, с полной обмундировкой — седлом, шинелью, мундиром, шароварами, фуражкой, сапогами, бельем, шашками, щетками. Ока Городовиков заложил свой земельный пай на 6 лет. За это дали коня и обмундировку. Сели верхами и поехали на север, в неизвестную страну Россию, служить русскому царю.

До службы о городе едва слыхал Ока Городовиков. Врали или хвастливо говорили казаки. Да и плохо по-русски понимал Ока. Ехал к станции вместе с другими и про

себя творил молитву Будде. Молча замерев, доверился непонятному поезду, поближе стал к коню и, когда дернуло, простился с Сальскими степями. Привезли в столицу Войска Донского. Оторопели: стали жмурить глаза, всюду стекло, зеркала, все блестит, и люди все блестят.

Повезли в Польшу, в г. Янов, Люблинской губернии, в 9-й донской казачий полк. Начали учить. Сотник объяснил: „Тут есть люди — евреи, они всех обманывают, деньги забирают. Поэтому вы деньги сдайте. В город ходите со старшими станичниками, тогда будете благополучны". Обучили русским словам: „Его императорское величество государь император Николай Александрович", а также про мать и про другое. Обучили ладонь подносить ко лбу.

По 4 месяца ходили донские казаки на маневрах вдоль и поперек Польши. Узнали здесь калмыки российские военные обычаи. Сотник в поле сказал: „Воровать от бога грех, от людей стыдно, но можно брать, чтобы никто не видал". Дальше: „У меня три дочери растут, нужно им три тысячи на приданое. Взводные командиры должны это понять". Взводные командиры стали понимать: овес перестали выдавать, обед дают, об ужине забывают, стараются на приданое. Казаки стали по крестьянам ходить, овес дергать, а то и копицы забирать. Крестьяне день и ночь караулят, но казак придет,—у крестьянина голос отнимается.

Многому научила царская служба Оку Городовикова. Видел он, как лупили народ, гнали арестантов. Пошел русское начальство спрашивать, куда гонят, — беды не обрался. И научился все в себе таить и про себя думать.

Одно, в чем отводил душу Ока Городовиков, — джигитовал. Лихой был всадник. На полном карьере соскочить мог с коня и тут же вскочить, с коня свеситься, платок поднять. На полном ходу обернуться и мишень прострелить. Срубить мог человека пополам, как догадывался, но пробовать не приходилось до самого 1918 года. Пока рубил лозу и глину. Рубил страшно. Лихого джигита заметили, послали в учебную команду. И кончил службу Ока Городовиков старшим урядником (унтерофицером).

Со службы приехал, полтораста верст проскакал по степи, пел, орал, счастлив был. Приехал — земли нет, земли

в залоге. В кармане жалованье — за месяц 6 рублей. Жена, родители, всех кормить надо — неизвестно как.

Приезжали со службы и другие. Приехал раз в отпуск драгунский унтерофицер Семен Буденный. Коренастый дядя сидел навеселе, растягивал двухрядную гармонь. В харчевню вошел, затаив некоторую робость, и Городовиков. Всяко могут русские обозвать. И тут случилось невиданное. Драгунский русский унтерофицер пригласил калмыка к столу: „Место ищешь, казаче? Садись". После нескольких слов здоровый и веселый гармонист сказал, что зовут его Семеном Буденным, что сам он из Воронежской губернии — от бедности переселились сюда. Поговорили. Через некоторое время дело определенно подошло к русской и гопаку. Всех переплясал Городовиков. Повелась дружба, разговоры.

Раз на взмыленном коне прискакал гонец, вручил станичному атаману пакет с сургучными печатями. Народ потянулся к правлению. Гонца засыпали вопросами А он, сплюнув, как ни в чем не бывало, сказал: „Война. На германцев пойдем". И сразу будто десяток покойников в станице — плач. Буденный тут рассказал другу Оке, какой была русско-японская война, прищурился. Подумали, поговорили. Но думай — не думай, надо было идти.

До самой Венгрии ходил старший урядник Ока Городовиков в рядах 43-го донского казачьего полка. Замечал, как она идет, эта война, замечал, кто откупался и сидел в тылу, а кто в Карпатах под снегом остался. Много вытерпел, был ранен, а в 16 м году, выйдя из госпиталя в Ростове, походил, подумал, плюнул и сказал: „Хватит". И пошел в 39-ю отдельную казачью сотню, что стояла на охране Сулина.

Отсюда начинается большой поворот в жизни казака. Сулинские рабочие имели в виду сотню. Тихо, осторожно, с умом прощупывали одного, другого казака, узнали, чем дышит Городовиков, проверили раз, два. Порассказали многое, и в зиму 1916 — 1917 года, решившись, взял Городовиков первое революционное поручение. Он снес в казарму и рассовал по койкам листовки.

В марте — революция. Увидел замечательные вещи Городовиков. Как портреты царя рвали, как сулинские

рабочие от радости не коленях пели и многое другое. Его знакомые приветствовали, не гнушались, что калмык, обнимали и целовали. И объяснили ему, что он является большевиком. И избрали на с'езд рабоче-крестьянских и казачьих депутатов в Новочеркасске.

Помалу с фронта шли казаки, шли себе офицеры и юнкера и к зиме начали постреливать. Рабочие Пастуховского завода в Сулине поднялись против Каледина. На рабочих была двинута 39-я отдельная донская сотня, карательная сотня. Городовиков пошел против своей сотни с сулинскими красногвардейцами. Восстание подавили, пришлось уходить. Забинтовал лицо Городовиков, чтобы не узнали случайно свои казаки и тут же не казнили бы, и влез в поезд.

В Сальских степях все кипело. Казаки богатые и казаки бедные, иногородние, тоже бедные и богатые, калмыки — и те тоже разные, слухи страшные, говорят, что велено русских резать, русские говорят — велено калмыков резать. Народ весь вооруженный. Городовиков становится во главе калмыков-фронтовиков. Буденный — во главе русского Ревкома. И оба стремятся создать единый Ревком. Но коннозаводчики, гелюнги, атаманы всячески мешают.

Тогда решили местную буржуазию посадить в подвал, остудить. Разговоры пошли: что же это делается, старых, почтенных людей сажают, а старые, почтенные люди — коннозаводчик Сарсинов и его дружки — весь советский караул ночью вырезали и бежали к Каледину. Тут у многих мозги начали проясняться. Но с богатых хуторов на Платовскую, где народ поднимали Буденный и Городовиков, двинули казачьи офицерские отряды.

В бою подстрелили коня Городовикова. Хотел срубить его один хуторской, да остановили его, закричали: „Да это Городовиков!“ Генерал, который был на хуторах, за голову Городовикова деньги обещал. Поволокли к генералу. Ему некогда было, у него военный совет был. Потащили в погреб. Городовиков смотрит — начальником караула один из его людей, которых он посылал для работы среди белых. Взглянул ему в глаза, у того лицо каменное — не поймешь, продался или остался верен.

Ночью замок щелкает, дверь скрипит. „Ну, на расстрел“.

Входит конвойный начальник и шепчет: „Бежим, со мной еще двое". Бежали на присоединение к Буденному.

Пошли великие бои. Вел свой взвод Ока Городовиков, вел дальше эскадрон. Во многих атаках бывал.

Подбирал и воспитывал людей Городовиков. Много пережил и много затаил в своем сердце и в своей памяти. Посылали белые лучших кадровых всадников. Сотни из них знал Городовиков по службе, а оглядывался вокруг и видел невоенную нищету. В конные партизаны шли пастухи, простые крестьяне: старых солдат было в эскадроне 5 — 6 человек. Правда, был лихой народ, бунтовавший еще до революции, ходивший в налеты на коннозаводчиков. Соберутся несколько таких „отлетов", 10 — 15 коней угонят, за ночь на 100 верст гонят, в балке выдержат день, вторую ночь — опять 100 верст. Бунтовали путей к жизни искали, находили по-своему.

Когда Буденный тронулся, тронулись за ним. Каких-нибудь раззяв в конные партизаны не брали. Проверяли людей строго. Но глядел на них Городовиков и молчал. В конной рубке ничего не умели эти парни. Городовиков стал гонять их каждый день с рассвета, ругаются, а он их гоняет, учит рубить. Народ вольный, погулять, в картишки поиграть, за бабами, а Городовиков свое: „Учитесь, курицыны дети". Подготовил их и про себя сказал: „А теперь проверим по живому мясу". Пустил эскадрон в атаку, а сам со своими шестью бойцами в атаку не пошел. Белые навалились, пареньки назад, тут Городовиков гикнул и с фангу со своей шестеркой. И показал, как шинкованную капусту делают. Так несколько экзаменов устроил, дело получилось.

Партизаны шли к Царицыну. Вся беднота снималась вместе с партизанами и шла тоже к северу. До ста тысяч народу шло. Отражали атаки и конные набеги белых донцов со всех сторон. Уходили поголовно в Красную Армию целые селения.

Царицын защищали яро, создав свою новую тактику. Пока белые по старому уставу развертывались, свертывались, наши конники ходили в стремительные ночные рейды, как некогда на коннозаводчиков. Крошили полк — два в темноте и отскакивали, и несколько дней отдыхали. И

польза была, и трофеи были, и люди и кони отдыхали. И так по всему огромному фронту под Царицыном перебрасывались конники и то тут, то там уничтожали регулярную кавалерию.

Но труднее всего было Городовикову с теорией, когда вызвал Городовикова командарм 10 тов. Егоров и попросил объяснить действия конницы. Городовиков сообщил коротко, что ночью ходил, белых рубил, сейчас отдыхает. Егоров подвел к карте, утыканной флажками. Городовиков задумчиво посмотрел на карту и сказал, что лучше каждый день два раза в атаку ходить, чем по карте лазать.

Ну, в старое время за это была бы насмешка или еще что-нибудь, а командарм Егоров стал водить пальцем по карте, стал объяснять, какие значки что значат, рассказал обстановку, месторасположение своих и белых, вообще хорошо обошелся, дал записку, чтоб всей бригаде выдали теплое обмундирование, пожал руку и произнес слово напутствия. После этого отношение к теории у Городовикова потеплело, стал себе штаб заводить и тоже карту завел. Значки, флажки стал изучать, красный, синий карандаш завел, вообще воевать стал культурнее. Заметил, что получается.

Пять раз был ранен Ока Городовиков во время боев на Южном фронте. Дивизию свою не бросал, раненый ездил в тачанке. Когда не мог сидеть или лежать, стоял днями и ночами на карачках, обучал своих заместителей, требовал, чтобы они знали карту, и все вел свою дивизию. Встречался со Сталиным и Калининым. Нашел их серьезными и обстоятельными и много рассказывал про них своей дивизии. Стал читать газеты, запоминать много русских слов, а также иностранных.

В январе 1920 года во главе дивизии бывший новобранец, испуганно бродивший среди стекол, зеркал и блеска столицы Войска Донского, ворвался в Ростов, выполняя приказ Сталина раздавить белую гадину.

Через месяц конники Городовикова проходили сквозь свои родные селения, и калмыцкий народ увидел во главе идущих красных частей своего старого друга, веселого и крепкого унтерофицера Буденного — командующего Первой Конной Армией, и Оку Городовикова — начальника 4-й

кавалерийской дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Городовиков слез с коня, перед ним стояли его жена и дочери. Все было до необычайности конкретно, как говорил Ленин. Равенство народов, земля трудящимся, права трудящимся... Огромен путь, пройденный начдивом 4. Поход на Польский фронт, бои с бандами на Украине, поход на Врангеля, снова бои с бандами. Потом военно-академические курсы. Особый факультет Военной академии, курсы при Военно-Политической академии. Один округ, другой округ...

Дочери выросли. Маленькие батрачки хутора Эльмута стали инженерами: одна — инженер-нефтяник, вторая — инженер-танкист. Неподвижное время, рванувшееся вперед в 17-м году, меняет все. Кажется, у Городовикова осталось неизменным его тело. У него мало седых волос, он легок, он не потерял ничего в джигитовке, он прибавил к невероятной монгольской выносливости большевистский общественно-гигиенический режим. Он постоянно в движении, жадно вбирает новое и новое и, сосредоточенно разобрав лучшие образцы европейской военной мысли, он начал теперь заниматься проблемами эстетики.

Окруженный в Ташкенте узбеками, таджиками, туркменами, он оживленно говорит с ними, крупный военачальник с четырьмя ромбами, тремя орденами, знаком Всесоюзного ЦИК.

65-градусный зной не выдерживают моторы и радиаторы, выдерживает 54-летний военачальник, легкий, стремительный, появляющийся то на Памире, то в пустыне. Зрение и слух не потеряли ничего: где-то, в пограничных камышах шорох. Несколько секунд — мелькнуло пятно, и зверь лежит убитый. Человек должен постоянно тренироваться. 32-летний военный опыт огромен, но неустанно проверяется и совершенствуется.

Всеволод Вишневский.

Я ИДУ В КАЗАКИ

Известие о солдатчине ворвалось в мою монотонную жизнь нежданно и безрадостно. Однажды, в осеннюю пору, когда в Сальских степях начинает задувать пропахший пыльной горечью ветряк, станичный писарь сунул мне в руку повестку о явке на военную службу в Девятый донской казачий полк.

Шел тысяча девятьсот третий год.

Помню, я долго рассматривал повелительный клочек бумажки с печатью станичного атамана, бессмысленно вертел в руках повестку и было такое чувство, будто избили.

По рассказам старых калмыков, я уже приблизительно знал свою будущую солдатскую жизнь и от этого стало тяжело на сердце и горестно в думах.

Калмыки Сальского округа издавна считались лихими наездниками, они слыли бесстрашными воинами, за это были выделены из среды других „инородцев", и с начала девятнадцатого столетия по „милости царской" служили в донских казачьих сотнях.

Военная служба ложилась тяжелым бременем на плечи бедного калмыка. Как известно, казак обязан был иметь свою лошадь и снаряжение и тем, кто победнее, часто приходилось, чтобы собрать денег на покупку коня и острой казачьей сабли, почти начисто продавать свой незавидный скарб, еще крепче впрягаться в кабалу к богатею, или униженно просить помощи у станичного атамана,тогда злая насмешка шла неотступно по следу казака.

Восемнадцать молодых калмыков вместе со мною были обречены на царскую службу. Провожала нас станица жен

скими слезами, пьяной песней и монотонным повизгиванием гармошки.

Полк, куда я был назначен, стоял в маленьком городишке Янове, бывшей Люблинской губернии.

Рассказы о царской казарме, слышанные когда-то от стариков, порождали непреодолимую робость и страх перед незавидным бытием.

Беседы бывалых людей о тяжелой службе царю не были преувеличенными. Казарма огорошила нас муштрой, убивающей всякую возможность по-человечески мыслить. С первого дня я почувствовал непреодолимую стену неприязни, возведенную усилиями начальства между нами — калмыками и остальными казаками. Нас, „нехристей инородцев", держали в таком состоянии, чтобы мы и возомнить не могли о каком бы то ни было правовом равенстве с остальными казаками. Не говоря уже о том, что на всех занятиях, начиная с уборки коня и кончая стрельбой, во время нудной, бестолковой и часто непонятной нам словесности, калмыки служили предметом постоянных насмешек и унижения. Когда обычно казаки отдыхали, мы выполняли всю грязную работу — убирали грязь, навоз, чистили уборные, таскали мусор — и так без конца. За день умаешься, как тощая лошадь на пахоте, еле шагнешь в казарму и опять издевка:

Эй, калмычье косоглазое!..

Попытаешься обороняться словом — обидные прозвища и всяческие анекдоты полетят со всех углов казармы, и нет им конца.

Как сейчас помню, особенно лют был урядник Куличкин, такое толстомордое, обрюзгшее животное с тусклыми глазами. Его любимым делом было допекать калмыков на словесности. Скажешь неправильное слово, или трехэтажный титул какой-нибудь царской особы забудешь—беда. Урядник в таких случаях свирепеет, тычет в лицо кулаком и заставляет до седьмого пота ходить гусиным шагом по казарме

Кулацкое и зажиточное казачество было зачастую из одних станиц с офицерством. Нередко их связывало старое знакомство, иногда родство, всякие там экономические ниточки тянулись между ними, и потому естественно — на-

чальство за наш счет облегчало службу землякам. Это облегчение непосильным бременем ложилось на калмыков. Взять хотя бы так называемые христианские праздники. Эти дни были для нас самыми тяжелыми: калмыки шли вне всякой очереди в караул, несли неисчислимые наряды. Муштра не оставляла времени для того, чтобы думать, и все-таки думалось. Хотелось всеми силами вырваться из опостылевшей казармы, уйти в степь, где хоть временами чувствуешь себя вольным. Но эти мимолетные думы исчезали так же быстро, как и появлялись. На самом деле, как можно вырваться из казармы? Дезертировать? Бесполезно, беда на всю жизнь! Куда идти калмыку? Домой в степь? Там все равно найдут и будет еще хуже: дисциплинарный батальон—тюрьма. Тогда прощайся, калмык, со степью зеленой.

Тяжелой была солдатская жизнь, — жутко вспомнить. Казармы мрачные, воздух вечно спертый, пропитан бьющим в нос запахом кислой шерсти и портянок. Спали вповалку на деревянных нарах. Постельного белья не полагалось. Привозили из дому мешочный матрац, набивали его гнилой соломой, подкладывали под голову соломенную подушку— вот и вся постель. Клопы, блохи, вши были постоянными жильцами казармы.

Кормили отвратительно. Продукты обычно доставлял подрядчик, понятно такого качества, которое на рынке не скоро продашь. Весь наш дневной рацион состоял из сырого, часто пополам с половой, хлеба, полуфунта мяса, кислой капусты, каши и кипятку. Чаю и сахару не полагалось. По утрам вместо чаю приносили на десятерых бачек кипятку, ели черствый, кислый хлеб, пили мутную жирную воду (бачек обычно был один для супа и кипятка), — вот и весь завтрак.

После такой пищи часто мучились животами и страдали и от изжоги. Помню, чтобы избавиться от изжоги, солдаты соскабливали, а иногда просто облизывали мел со стенок казармы. За это лекарство обычно по утрам расплачивались. Приходил урядник, выискивал виновника; если не находил, брал первого попавшегося под руку и ставил под ружье или, как метко выражались казаки „на солнце палас сушить".

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ

Прибавьте ко всему этому солдатское жалование 28½ копеек в месяц и получите приблизительное представление о жизни солдата.

После восстания на броненосце „Потемкин", испугавшись грозовых раскатов революции 1905 года, царское правительство несколько „улучшило" материальное обеспечение солдата. Прибавили четверть фунта мяса, стали выдавать сахар — 6 золотников в день и даже 48 сотых золотника чаю. Кипяток стал целый день. В котле появились свежие овощи. Выдали постельные принадлежности: две простыни, две наволочки, одеяло; белье, конечно, стирали сами. Даже жалования прибавили 50 копеек в месяц!

На тощем солдатском животе наживали большие капиталы подрядчики, каптеры и офицерье, особенно командиры сотен, которые получали с подрядчика за каждую поставку определенную долю барыша.

Вот характерный пример того, как начальство капитал наживало. Обычно, выезжая на маневры, сотенный созывал взводных урядников на „инструктаж" и говорил так:

— Чтоб воровать что,— ни под каким видом. Воровать, братцы, от бога грех, от людей стыд. Надо уметь по-казачьи взять так, чтобы никто не видел. Понятно?

Мы отвечали хором:

— Так точно, ваше благородие!

Командир сотни продолжал:

— Лошадям нагрузка будет большая, а овсеца придется уменьшить. Но, смотрите, чтоб лошади в теле не ушли. Ежели что, шкуру спущу... понятно?

— Так точно, ваше благородие, понятно!

— Имейте в виду: у меня три дочери; стало быть, им надо по крайней мере три тысячи приданого. Понятно?

Из этого мы делали соответствующие выводы. На маневрах, следуя указаниям начальства, мы промышляли у крестьян корм для коней, а добрая половина полагающегося коням фуража оставалась командиру сотни, как „экономия".

Был один секретный способ освободиться от службы, и о нем шептали иногда по ночам калмыки. Служил в полку некий медицинский фельдшер, который за 25 рублей всякими зельями доводил организм желающего освободиться

от службы до такого состояния, что комиссия увольняла его „по чистой“. Знали ребята, что дело это рискованное, и все же, доведенные до отчаяния муштрой и издевательствами, шли к фельдшеру. „Добрый человек“, взяв задаток, давал калмыкам неведомую бурую жидкость, научал как пользоваться ею. Снадобье было сильнодействующим ядом. Через некоторое время человек начинал болеть, шел на комиссию и увольнялся.

Из восемнадцати платовских калмыков, призванных вместе со мною в армию, тринадцать освободились по чистой. Помню, с какой радостью они говорили о возвращении домой к семье. Но, увы, радость их была коротка. Снадобье полкового лекаря и после ухода из казармы продолжало свое губительное действие. Когда я и мои товарищи, не рискнувшие воспользоваться чудодейственными каплями фельдшера, вернулись в станицу, там не было уже в живых ни одного из сослуживцев, ушедших раньше по воле лекаря. Тринадцать калмыков умерли от медленного отравления и разрушения организма.

ВСТРЕЧА С БУДЕННЫМ

На огонек харчевни, как мошкара, собирались станичники, чтобы развеять скуку, послушать новости, посудачить. Вернувшись со службы, вечером на второй день я зашел в харчевню, как говорят, „себя показать и людей посмотреть“. А народу в день праздничный в харчевне много, нелегко достать место за столом.

Пробираясь меж столами, я столкнулся с этаким коренастым дядей в унтерофицерской форме драгунского полка. Сидел он у стола и, будучи навеселе, растягивал двухрядную гармонь. И тут случилось невиданное дело: унтер посмотрел на меня веселыми глазами и пригласил к столу.

— Место ищешь, казаче? садись!

Неожиданно приятное чувство вошло в сердце. Как же мне, калмыку-казаку, унтерофицер первый предложил место у своего стола.

Незнакомец оказался живым и интересным человеком. После нескольких слов он сказал, что зовут его Семеном Буденным. Никогда до этого Буденного я не встречал, хотя о такой фамилии слышал. Знал, что семья их живет в Платовской, да еще говорил кто-то, что иногородники они и от бедности переселились сюда из Воронежской губернии.

Буденный забросал меня вопросами: откуда я? надолго ли в станице? что думаю делать? Беседа приняла задушевный характер. Несколько минут тому назад незнакомый унтер стал сразу близким и хорошим другом.

Столик Буденного был центром веселья. Двухрядка послушно изгибалась в руках Семена Михайловича. Играл он просто, хорошо и задушевно. Звуки гармошки переплетались с песнями и прибаутками, а он знал их много.

Через некоторое время дело определенно подошло, как говорят, к гопаку. И тут я перед новым другом не захотел ударить лицом в грязь. Семен Михайлович заиграл плясовую, и я в расступившемся кругу казаков пустился вприсядку. Пляска моя вызвала всеобщее одобрение. И не даром. Надо сказать, в дни молодости танцевал я лихо.

Так началась моя дружба с легендарным полководцем красной конницы. После первого вечера встречи мы стали запросто хаживать друг к другу. Неразлучно появлялись на вечерах, так же, как вместе, плечом к плечу, прошли славный, незабываемый путь Первой конной буденновской армии.

По характеру своему Семен Михайлович был жизнерадостным человеком. Однако нередко я заставал его в былые дни в станице задумчивым и злобным. А было над чем задуматься. Жизнь иногородних среди казачества была тяжелой. Придя в „вольные“ степи казачества, „иногородники“ чувствовали себя отщепенцами. Селились они по окраинам станиц, лепили мазанки, и лишь немногие, арендуя землю, с трудом обзаводились хозяйством. Большинство батрачило у казаков-богатеев. Конечно, никаких прав иногородние в станице не имели. Коренное казачество обкладывало их непомерными налогами. К примеру, если обзаводился кто коровой, брали налог — пятерку с головы.

В дни молодости танцевал в лихо.

Между богатым казачеством и беднотой-иногородними извечно была непримиримая вражда. Да иначе и быть не могло. У одних земли глазом не окинешь, у других нет и клочка. Часто общая неприязнь перерастала в кулачные схватки и кровавые побоища.

Помню, Буденный не раз в беседе со мной ставил вопрос:

— Почему так получается на свете? Разве мы не люди? А ведь нас за людей не считают!

Среди крестьян, особенно среди бедноты, Семен Михайлович пользовался непререкаемым авторитетом знающего человека, и поэтому часто ему приходилось выступать перед казачеством представителем иногородних во всех щекотливых делах, во всех спорах.

Налоговой вопрос был самым сложным во взаимоотношениях с казаками. Решалось это дело обычно так: собирались казаки на сход, которые старейшие и побогаче рассаживались чинно на скамейках, а молодежь и беднота устраивались сзади. Последним, в полной парадной форме, приходил станичный атаман. Он важно, не сгибая туловища, раскланивался поворотом корпуса и наклонением головы на все четыре стороны и объявлял сход открытым.

Казаки, обычно, старались провести высокий налог. А мы, голь станичная, изыскивали всячески лазейки и возможности как нибудь скостить сумму налога на иногородних. Тут пускались в ход все средства, чтобы уломать казаков.

Самым магическим средством размягчения казачьих душ была горилка. Буденный, как обычный делегат иногородней бедноты, дело начинал так: выходил к народу и прежде чем сказать слово, нарочито громко просил казаков подсобить ему снять с телеги боченок водки. Боченок водружался на место, неведомо откуда появлялись кружки, ломался суровый порядок схода, и боченок быстро опорожнялся.

„После горилки душа казака ласковей становится“,—говаривал Буденный и начинал свое выступление с доказательства невозможности для иногородних внести требуемую сумму налога.

После Семена Михайловича я, как коренной житель, просил слова и убеждал сход уважить просьбу. Дело обычно заканчивалось решением о снижении налога.

„ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО"

... Весть о войне вошла в станицу неожиданно. Помню, в жаркий августовский день, я, будучи инструктором по обучению детей казаков военному делу, как всегда занимался с ребятами. Вижу, у станичного правления поднялась суматоха. На взмыленном коне прискакал гонец и передал вышедшему на крыльцо атаману пакет с сургучными печатями.

Гонец с пакетом к атаману — это необычное дело для станицы. Любопытство стягивало казаков к правлению. Гонца засыпали вопросами, а он, свернув толстую махорочную папиросу, слюнявя и как ни в чем не бывало, сказал:

— Война! С немцами будем биться...

Слово было страшное и неожиданное, оно мгновенно перелетало из хаты в хату.

В станице сразу будто десяток покойников: завыли, запричитали бабы, набатно загудел колокол, созывая станичный сход.

Писарь бесстрастным голосом прочитал на собрании приказ и от себя к чему-то добавил:

— Ну-с, война объявлена...

Помню, писарь показался каким-то необычайно смешным.

Приказ прочтен, но все стояли молча с обнаженными головами. Тут вышел станичный атаман и, нарочито неестественно выпятив грудь колесом, начал свою патриотическую речь, закончив словами, знакомыми казаку с рождения и до смерти непонятными:

— За веру, царя и отечество.

Казаки расходились со схода молчаливые и угрюмые. Многие потянулись сразу в харчевню за водкой.

Идя домой, я встретил Буденного. Он поздоровался и озлобленно выругался.

— Воякн... Кому нужна эта война?

И как бы отвечая на вопрос, неизвестно кому, говорил:

— Вере, царю и отечеству...

Затем повернулся ко мне и в упор спросил:

— Тебе. Городовиков, нужна война?

Не думая, я ответил:

— Нет, не нужна!

Из бесед с Семеном Михайловичем я уже слышал—он знает, что такое война. В русско-японскую войну „на сопках Манчжурии“ у него не раз пытались отнять жизнь.

Казачье офицерство и богатеи разжигали патриотический угар:

— Немцы хотят казачьи вольные земли отнять.

Станица заливалась вином.

... Война развела нас с Буденным в разные стороны: меня угнали на австрийский, а Семена Михайловича — на турецкий фронт.

На мне опять солдатская, пропахшая кислой шерстью шинель. Вместе со мной десятки тысяч калмыков, татар и всякого другого народа везли на фронт, как скот на бойню.

... Окопы, грязь, вши, противный запах иодоформа, трупная смердь. Все чаще и чаще раздавался недоуменный вопрос.

— За что воюем?

Второй год войны. Нудно и тоскливо тянулась окопная жизнь. Веры в победу ни у кого не было. Дезертирство стало обычным явлением. Бежали даже из казачьих полков И при всяком случае, разговор — на одну тему:

— Скоро ли кончим воевать?

Чем ближе к семнадцатому году, тем больше „крамольных“ разговоров, тем чаще заявления солдат:

— Повоевали! довольно!

— Не кончат, сами кончим...

Как-то в окопах, я впервые нашел большевистскую листовку. В ней просто и ясно говорилось о причинах войны, указывалось, где враг и что надо делать, чтобы кончить войну. Особенно запомнились слова:

„Отобрать у помещиков землю...“

Эта фраза была родной многим. Повторяя ее, я вспомнил великолепные пастбища коннозаводчиков, богатые земли, которыми владеют они вокруг станицы Платовской. Яркими картинами вставала перед глазами нищая жизнь калмыцкой бедноты и безземельных иногородних.

О Ленине я впервые услышал от офицеров. Напуганные нарастанием крамольных мыслей у солдат, они вынуждены были беседовать с нами на политические темы. И, помню, даже поп переключился на политику.

— Большевики и их вожак Ленин — немецкие шпионы. Они продают Россию Вильгельму...

Таков основной тон бесед, которые вело офицерство. Ясно, что объяснения их мало кого убеждали. А тут появились большевики, ничем не отличные люди, они говорили простые слова, и смысл их был ясен каждому:

— Долой войну!

— Бери землю!

— Захватывай власть!

Армия разлагалась. Многие казачьи сотни становились ненадежными — правда, не все.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЕТЕР

Февральская революция застала меня в Донской области, куда я попал после ранения. Выздоровев, стал искать путей не вернуться на фронт. И вот, напоив до бесчувствия писаря и вручив „четвертной билет“ фельдшеру, получил назначение в 39-ю отдельную казачью сотню.

Сотня эта в районе станции Сулин охраняла завод и рудники, принадлежащие промышленнику Пастухову. Здесь впервые я узнал жизнь рабочих, ближе сошелся с большевиками.

Попал в политическую обработку к одному кузнецу. То книжку он подсунет, то листовку даст прочесть, разговор душевный заведет о том, что война для нас гибель, а для буржуев нажива, и что надо потрясти богатеев насчет земли.

В казачью сотню неведомыми для начальства путями настойчиво проникала „большевистская зараза“. Особенно подвержены ей были казаки, бедняки и молодежь.

Тайком от офицеров я стал бывать на сходках рабочих. Первое время ко мне приглядывались с опаской — ведь я носил казачью форму. Потом, видать, убедились, что свой

человек. Стали поручать кое-какие задания по работе в сотне. Давали мне брошюрки, листовки, книжки и часто, сам в них не разбираясь, я нес их в казарму, рассовывал под подушки, разбрасывал в уборной и клал в карманы шинелей.

Доходило до смешного. Начальство, приведенное в ярость большевистской литературой, мне — виновнику всей этой кутерьмы—как взводному давало секретное поручение: найти большевиков, выследить, кто это разбрасывает листовки. Понятно, что каждый раз докладывал, что большевики не обнаружены. Приходилось выдумывать нелепейшие предположения.

Однажды, внезапно прервав занятия, нас вызвали к командиру сотни на квартиру. Войдя в комнату, я увидел, что офицеры читали у окна какую-то бумажку, а есаул нервно ходил из угла в угол. Потом командир сотни сказал:

— Получена телеграмма... В Петрограде произошли великие события. — И, сделав глубокую паузу, добавил:

— Его императорское величество, царь Николай Второй отрекся от престола...

Повернувшись к висевшему на стене большому портрету Николая Романова, сотник засопел, затрясся и полез в карман за платком. Такого удара сердце старого монархиста не выдержало.

Мы стояли, переминаясь с ноги на ногу, ничем не выражая своих чувств.

Овладев собой, командир пригласил присутствующих сесть и начал беседу. Он говорил так:

Царя нет, а война с немцами не окончена. Войну будем продолжать до победного конца. В Петрограде созывается учредительное собрание, которое волею народа выберет власть...

О событиях в Питере я кое-что слышал от рабочих на Пастуховском заводе. Мысли мои в то время вертелись вокруг одного — как уйти домой. Развитие событий я представлял так: волнения, которые захлестывают страну, оборвут войну, так или иначе кончат ее. И тогда домой.

Казаки отнеслись к вести о свержении царя без особой радости, как-то выжидательно. Кто победней — таил надежды

на лучшую жизнь, а у богатого казачества появились опасения.

— Сравняют нас, казаков, с мужиками. Чего доброго, землю отрежут.

Вечером я пошел в рабочий поселок. Надо было рассказать рабочим о свержении царя. Но здесь уже знали об этом. Поселок выглядел празднично. Впервые свободно и без всякой опаски пели „Марсельезу" и „Отречемся от старого мира".

Безногий калека-фронтовик, остановив меня посреди улицы, радостно облапил, крича во все горло:

— Свобода, казачок, свобода! Царю по шапке двинули!

Войдя в квартиру знакомого кузнеца, я увидел замечательную картину: женщина, слезая с табуретки и держа в руках снятый портрет Николая, возбужденно и радостно раздирала его в клочки. А муж ее, посмеиваясь, сказал:

— Ну вот, с царем и покончили...

Дни, наполненные собраниями, митингами, спорами бежали быстро. Я начал понемногу разбираться в людях и партиях, стал активнее участвовать в революционной борьбе.

Свобода! А что изменилось? На заводе все по-старому. А у нас в сотне только в одном разница: офицеры вежливей стали и от мордобоя воздерживались.

Хозяин завода получил новый срочный военный заказ от временного правительства. Война продолжалась попрежнему.

Из станицы шли тревожные письма. Февраль прошел в Платовской мирно, и ничего в ней не изменилось. Коннозаводчики попрежнему владели своими необъятными землями и табунами коней Калмыков, иногородних и казаков продолжали в теплушках увозить на фронт. Для нужд войны забирали последних коней, скот и продовольствие.

Для меня все яснее и яснее становилась лживость обещаний временного правительства. Все эти разговоры о свободе, равенстве и братстве были обманом. Я окончательно примкнул к большевикам — у них все ясно.

Вскоре меня избрали от сотни делегатом на съезд рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, собравшихся в Новочеркасске.

Съезд проходил в напряженной обстановке. В Ростове-на-Дону восстали рабочие, красногвардейцы выбили казаков из города. Над зданием совета взвился красный флаг.

С фронта прибывали первые партии фронтовиков. Возвращались они злобные и сеяли всюду жгучую ненависть к буржуям, правительству Керенского, к войне. Малоземельные казаки и иногородние, следуя лозунгам большевиков, требовали раздела земли.

Вернувшись со съезда в Сулин, попал в боевую обстановку. Рабочие Пастуховского завода восстали. У меня не было сомнения, куда итти, я пошел к рабочим и на следующий день выступил вместе с ними против казачьей сотни, где служил.

Наш расчет на то, что большая часть казаков примкнет к восставшим, не оправдался. Получив подкрепление и артиллерию, казаки разгромили восстание. Мои товарищи по сотне, которым поручили вести работу с казаками, были арестованы.

После разгрома я решил итти домой в Сальские степи, чтобы там организовать калмыцкую бедноту и малоземельных против власти атаманов и коннозаводчиков.

Командир рабочего отряда, которому я рассказал свои мысли, одобрил их. В тот же вечер, перебинтовав лицо, чтобы не узнали случайно казаки, ушел на станцию к поезду.

Я — КРАСНОГВАРДЕЕЦ

Шагая ночью по железнодорожному полотну, истосковавшийся по дому, подавленный поражением, я был пленен нахлынувшими воспоминаниями о своем детстве. Годы мелькали в памяти, как кинофильм. Я подумал — „Неужели мои дети будут жить так же безрадостно"!

Вот сейчас, когда я хочу восстановить дни детства, получается сплошное, серое пятно. Одно хорошо помню — всегда был голоден.

Когда мне минуло 12 лет, батька отдал меня в пастушата. Ох, как я завидовал в те дни сыну хозяина, который учился в школе, который имел книжки с диковинными картинками!..

Думы оборвал свисток паровоза. Нагонявший меня товарный поезд шел медленно на подъем. Я ловко вскочил на подножку.

Станция, на которой я сошел с поезда, была забита уходившими с фронта солдатами. Стекаясь бесчисленными ручейками к станциям, солдаты безудержным потоком спешили домой, боясь опоздать к дележу помещичьих земель, о которых на фронте так хорошо говорили большевики. Ожидая поезда, познакомился с группой фронтовиков. Они оживленно обсуждали весьма существенный вопрос — как попасть на поезд? В те дни это было делом нелегким, поезда подходили к станциям переполненные. Люди ехали на подножках, на крышах, в тамбурах, на сцеплениях буферов.

За семафором прогудел паровоз. Поезд подошел к перрону, похожий на длинную, развороченную муравьиную кучу.

С боем влезли в новенький мягкий вагон. Не прошло полуминуты, как весь коридор заполнили солдаты. Вместе с ними в вагон ворвался тяжелый запах прокисших в окопах шинелей, прелых портянок и махорочного дыма.

В вагоне ехали офицеры, некоторые с женщинами, они вели себя спокойно. Из отрывочных разговоров, доносившихся из купе, нам стало ясно, что в центре очень неспокойно.

Прошла ночь. На рассвете выяснилось что дальше станции Александровск — Грушевск наш состав не пропустят. Подошедший к вагону опоясанный крест-на-крест красногвардеец говорил, что в двенадцати верстах идет бой с кадетами. Он твердо заявил: „Поезд дальше не пойдет. Кто хочет защищать бедноту, должен записаться в красногвардейский отряд!"

Солдаты зашумели:

— Мобилизнуть хотите!

— Хватит, навоевались!

— Это вам не старый режим!

— Попили солдатской кровушки...

Я с группой фронтовиков вышел из вагона. На вокзале шел митинг. Оратор, видать большевик, рассказывал:

— Керенскому, всем буржуям и помещикам — крышка. В Петрограде, в Москве, во всех больших городах-центрах рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки...

Тут же, на митинге, я с группой своих спутников записался в красногвардейцы. В отряде нам выдали винтовки и патроны. Через некоторое время, выстроив отряд, командир объявил:

— Сегодня ночью ожидается нападение кадетов. Быть в боевой готовности.

Ночью, по тревоге, вышли за город и рассыпались в цепь.

Дул холодный декабрьский ветер. Красногвардейцы собирались группами и разводили костры. Многие из рабочих неуклюже вертели в своих руках винтовки. Оказывается, многие не умели обращаться с оружием, не знали, как произвести выстрел.

Как только стало светать, командир отряда поручил мне, с помощью нескольких фронтовиков, обучить незнающих, как произвести выстрел. Здесь же в поле, под угрозой нападения белых, рабочие быстро овладевали винтовкой и пулеметом, правилами стрельбы.

Прошло много времени, а белые не показывались. Иззябшие, усталые от бессонницы красногвардейцы нетерпеливо спрашивали командира:

— Где же кадеты?

— Когда начнется бой?

Командир рассказывал, что белые находились ночью в десяти верстах от города. Где они сейчас, и сколько их — пока неизвестно.

Разумеется, разведки мы не вели, да и сторожевых дозоров тоже у нас не было. После завтрака, подвезенного из города в походных кухнях, я пошел по цепи, чтоб посмотреть расположение отряда. Там и тут раздавались выстрелы. Стрельба в „белый свет“ никого не удивляла.

— Куда палишь? — спрашиваю молодого паренька. Тот нехотя поднял голову.

— А што?

— Зря противнику себя выдаешь!

— Ну и чтож? Пускай идет. Прятаться от кадетов что ли?

Пулеметчики пробовали пулеметы, выпуская при этом в воздух длиннейшие очереди.

В победе над кадетами никто не сомневался. Молодежь горячилась, предлагая немедленно перейти в наступление на Новочеркасск и выбить оттуда офицерскую контру.

Мне было ясно, что в первом бою с малых лет обученные военному делу казаки и офицеры нас потреплют, так и случилось. Кадеты с большими силами обрушились на наш отряд и быстро сломили его сопротивление. После сулинского восстания я еще раз увидел, с каким мужеством, с каким героизмом дрались рабочие-красногвардейцы. Сражались до последнего патрона, убежавших с поля боя не было.

Это были первые столкновения красногвардейских отрядов с поднимавшей голову и организующейся казачьей контрреволюцией, первые бои за советскую власть на Дону.

Контрреволюционеры грязными ручейками стекались в донские степи. В Новочеркасск слеталась стая коршунов: генерал Алексеев, Деникин, Корнилов. Генерал Алексеев с благословения Каледина начал формировать офицерские и юнкерские добровольческие отряды, отряды контрреволюционно настроенного, главным образом, зажиточного казачества.

Остатки нашего отряда отошли по линии железной дороги, а через два дня мы узнали тяжелую весть: добровольческие отряды Каледина после ожесточенного боя разгромили большевиков в Ростове-на-Дону и заняли город.

Очевидец, бежавший из Ростова, рассказывал о кровавой расправе над большевиками, над рабочими:

— Их сотнями гнали в Балабановскую рощу. Прежде, чем расстрелять, юнкера и офицерье досыта издевались, били плетьми, кололи шашками, приговаривая: „Вот вам свобода! Вот вам советы..."

По городу расклеивали угрожающие приказы, примерно, такого содержания: „Оповещаю жителей Ростова и Нахичевани-на-Дону о нижеследующем телеграфном распоряжении командующего Донской армией. До моего сведения дошло, что некоторые обыватели и рабочие приобретают

оружие даже за деньги. Приказываю широко опубликовать населению путем расклейки объявлений, что в случае нахождения у кого-либо оружия, не считаясь с профессией,— из интеллигентов ли, или из рабочих,— всякий на месте отобрания у него оружия будет повешен, а семья будет немедленно выслана за пределы войска"...

„РЕВОЛЮЦИЯ В ОПАСНОСТИ"

Вскоре к нам в отряд прибыл из Ростова уполномоченный комитета большевиков. На совещании, где я присутствовал, мы ознакомились с обстановкой. Каледин, собравший к этому времени на Дон почти все казачьи полки, чувствовал себя все же неуверенно,— казаки-фронтовики, которым осточертела германская война, драться с большевиками не хотели. Близость дома, возможность побывать в семье,— все это неодолимо тянуло в станицы, и казаки уходили домой. Полки таяли, как вешний снег под солнцем.

В станицу Каменскую к фронтовому казачеству выехала большевистская делегация (в делегации участвовал один из будущих организаторов донских казаков и крестьян в Каменской станице тов. Щаденко). Делегация провела большую организующую работу. Был избран казачий Военно-революционный комитет. К этому времени мы имели уже обращение к казачеству Совета народных комиссаров, которое ясно ставило вопрос о борьбе с контрреволюцией. Я привожу этот исторический документ полностью.

ВОЗЗВАНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

„В то время, как представители рабочих, солдатских и крестьянских советов открыли переговоры с целью обеспечить достойный мир измученной стране, враги народа—империалисты, помещики, банкиры и их союзники,— казачьи генералы,—предприняли последнюю попытку со-

рвать дело мира, вырвать власть из рук советов, а землю из рук крестьянина и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания. Отечественная буржуазия дает им необходимые средства для борьбы против народа. Родзянко, Милюковы, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть и при помощи Калединых, Корниловых, Дутовых превращают трудовое казачество в орудие своих преступных целей. Каледин ввел на Дону военное положение, препятствуя доставке хлеба на фронт, и собирает силы, угрожает Екатеринославу, Харькову и Москве. К нему на помощь прибыл бежавший из заключения Корнилов, тот самый, который в июле ввел смертную казнь и шел походом на революционный Петроград. В Оренбурге Дутов арестовал Исполнительный и Военно-революционный комитеты, разоружил солдат и пытается овладеть Челябинском, чтобы отрезать сибирский хлеб, направленный на фронт и в города. Корнилов громит чеченцев и ингушей на Кавказе. Политическим штабом этого восстания является центральный комитет кадетской партии. Буржуазия предоставляет десятки миллионов контрреволюционным генералам на дело мятежа против народа и его власти. Буржуазная центральная рада Украинской республики, ведущая борьбу против украинских советов, помогает Калединым стягивать войска на Дон, мешает советской власти направить необходимые военные силы по земле братского украинского народа для подавления калединского мятежа. Кадеты, злейшие враги народа, подготовившие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую бойню, надеются изнутри учредительного собрания притти на помощь своим генералам — Калединым, Корниловым, Дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ.

Рабочие, солдаты, крестьяне! Революция в опасности. Нужно смести прочь преступных врагов народа. Нужно, чтобы контрреволюционные заговорщики, казачьи генералы, их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа! Совет народных комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контрреволюционное восстание будет подавлено, и виновные понесут кару, отвечающую их преступлениям.

Совет Народных Комиссаров **постановляет:**

1. Все те области на Урале, Дону и других местах, где обнаружатся контрреволюционные отряды, объявляются на осадном положении.

2. Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.

3. Какие бы то ни было переговоры с вождями контрреволюционного восстания или попытки посредничества безусловно воспрещаются.

4. Какое бы то ни было содействие контрреволюционерам со стороны местного населения или железнодорожного персонала будет караться со всей тяжестью революционных законов.

5. Вожди заговора объявляются вне закона.

6. Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны советской власти.

Совет народных комиссаров."

Это воззвание сыграло огромную роль в революционизировании фронтового казачества, в его классовом расслоении.

Казачий ревком послал донскому правительству, возглавляемому М. Богаевским и Калединым, такой ультиматум:

„Во избежание кровопролития немедленно передать власть областному казачьему Военно-революционному комитету... впредь до образования в области постоянной трудовой власти всего населения."

На ультиматум ревкома Каледин ответил внезапным ударом. Он начал громить революционно настроенные казачьи части.

СНОВА В ПЛАТОВСКУЮ.

Остатки нашей группы организационно распадались. Многие примыкали к другим красногвардейским отрядам. Многие уходили домой.

Чувствуя, что в станице я принесу больше пользы для дела революции, чем здесь, я решил пробраться в Платовскую.

Вернувшись в станицу, встретил несколько фронтовиков-калмыков; в тот же вечер собрались для беседы у меня в доме. Они рассказали, что калеты сумели крепко скрутить своим влиянием калмыков. В Платовской попрежнему правил атаман. Лучшие земли попрежнему были у коннозаводчиков и богачей.

Среди бедноты, особенно иногородников, нарастало недовольство. Это недовольство разжигали каждый день проезжавшие через станицу солдаты. Они рассказывали об Октябрьской революции, о том, что повсюду крестьянская беднота громит помещиков, отбирает земли.

Все настойчивее выявлялась необходимость организации фронтовиков в мощный кулак. На следующий день вечером я снова собрал у себя на квартире фронтовиков калмыков. Пришли: Лидше, Адучинов, Бембе, Пельшнев, Батырь Адучинов и Эревижен, Кулишев и др. С этой группой актива я договорился об организации калмыцкого революционного комитета. Здесь же наметили план борьбы за советскую власть в нашем районе. Начали работу с того, что объединили вокруг ревкома солдат-калмыков.

Вскоре в станицу вернулся Семен Михайлович Буденный.

Вместе со столяром Никифоровым он приступил к организации революционного комитета из фронтовиков иногородних.

В один из вечеров мы встретились с ним. Он внимательно слушал мой рассказ о работе среди калмыков. Я рассказал ему о настроениях некоторой части калмыков, которые не хотят объединяться с русскими для борьбы против атамана и богачей—они, примерно, рассуждали так: „Зачем нам объединяться с русскими? Свои калмыцкие дела должны решать сами калмыки"...

Семен Михайлович насупился.

— Надо разъяснить, что настроения эти распространяют враги Богачам, независимо от того, русские ли это или калмыки, казаки или иногородние, невыгодно, чтобы беднота объединилась. Мы должны приложить все силы, чтобы объединить бедноту против богачей...

Вскоре был созван первый съезд фронтовиков-калмыков. Организовали его большевики. На съезде я поставил вопрос о необходимости объединения с русскими солдатами и их ревкомом для того, чтобы легче покончить с атаманами и с калмыцкими богачами.

Предложение о слиянии ревкомов было провалено. Местные богатеи во главе с монархистом-коннозаводчиком Сарсиновым Абуше были еще сильны, они провели свою подготовку к съезду. Сарсинов и группировавшаяся вокруг него богатая и зажиточная часть калмыков хорошо понимали, что если революционные силы русских фронтовиков и калмыцкой бедноты объединятся, власти богачей придет конец.

Богатеи и священнослужители вели неустанную обработку калмыцкого населения, они говорили:

„Сальские степи — калмыцкие степи. Никому из русских не надо позволять вмешиваться в наши дела..."

Богачи, руководимые Сарсиновым, напрягали все силы, чтобы сорвать нашу работу по объединению ревкомов. Однако, после съезда, мы все же сумели организовать из фронтовиков калмыцкий отряд. Ревком решил арестовать местных богачей. Мы провели эту операцию легко и снова созвали уже второй съезд фронтовиков.

Еще до съезда ревком принял решение о том, чтобы Сарсинова, как самого опасного врага революции, расстрелять. Решения этого мы не выполнили. Уступая требованиям некоторых фронтовиков, мы поставили вопрос о Сарсинове на широкое обсуждение.

На съезде Сарсинов вел себя, как овечка. Он умолял фронтовиков отпустить его. Мнения раскололись, и вопрос о расстреле отпал. Ночью приверженцы Сарсинова, зарезав охрану, организовали побег арестованных. Сарсинов бежал в Новочеркасск.

Узнав о побеге, я созвал ревком. На заседание пригласил товарищей — Буденного, Никифорова и Сердечного. Заседание было очень бурное. В результате решили объединиться с русским ревкомом и организовать общестаничный совет.

Приняв решение, ударили в набат, созывая жителей станицы на сход. Фронтовики пришли вооруженными. Станичный атаман Докуганов, узнав о причине схода, ускакал из станицы.

Впервые за время своей совместной жизни калмыки, казаки и крестьяне-иногородники собрались вместе. С речью выступил столяр Никифоров:

— Атаманской власти конец. Мы, товарищи, должны сами управлять собой. Русская беднота, калмыки, иногородние, солдаты-фронтовики должны организовать свой совет. Это будет наша бедняцкая власть.

На сходе образовались два лагеря: в одном — крестьяне-иногородники и калмыки-фронтовики, в другом — зажиточные казаки и калмыки-старики. После долгих споров в совет прошли кандидатуры, выдвинутые ревкомом: от русских Семен Михайлович Буденный, Сердечный, Сорокин, Никифоров и др., от калмыков — Городовиков, Адучинов, Кулишев, Емгенов. Председателем выбрали Сорокина.

На сход торжественно явился старший бакша (священнослужитель) Буренов. Встретили его без обычного почета и не дали, как полагалось, особого кресла. Духовенство сильно скомпрометировало себя участием в организации побега Сарсинова. Два — три раза пытался бакша выступить. Никто не слушал. Он молчком ушел с собрания.

Объединенный совет немедленно приступил к организации вооруженного отряда, на который он мог бы опереться в борьбе против врагов советской власти; калмыцкий революционный отряд влился в платовский партизанский отряд. Командирами были избраны товарищи Буденный и Никифоров.

Все попытки местных богачей противодействовать мероприятиям совета терпели неудачу. Богатеи, чиновники и все контрреволюционно настроенное казачество были взяты под контроль. К этому времени мы установили связь с Великокняжеской, где находился окружной ревком.

Потерпев несколько поражений в боях с отрядом Каледина, революционный казачий комитет решил объединить свои действия с красногвардейскими отрядами. На имя Совета народных комиссаров была послана телеграмма о признании центральной государственной власти Российской Советской Социалистической Республики. На помощь революционному казачеству двинулись красногвардейские отряды. Развивается наступление на Новочеркасск, в Таганроге вспыхнуло восстание рабочих.

„АТАМАНОМ НЕ БЫТЬ"

Добровольческая армия очистила Ростов. Генерал Корнилов телеграфировал Каледину о том, что уходит на Кубань. Зажатый красногвардейскими отрядами и отрядами революционного казачества Каледин собрал на совет большой войсковой круг. После обсуждения создавшегося положения, было решено призвать в войско всех казаков от 17 до 55 лет, собрать войско и двинуться на Новочеркасск для „спасения родины от большевистского нашествия"...

Была зима... Казаки только что вернулись с фронта. Война осточертела, часть казаков очень неохотно, с ворчанием бралась за оружие, большая же часть воевать не хотела. Большевистские лозунги начали проникать и в казачьи станицы. Казаки тянулись к земле, к семьям.

Убедившись, что подавляющее большинство казачества воевать не хочет и что отдельные группы казаков все

чаще и чаще переходят на сторону красных, Каледин вновь созвал совещание большого войскового круга и сложил с себя полномочия атамана.

— Казачество отказывается воевать, — сказал Каледин, — значит казачества больше не существует. А если нет казачества, не должно быть и атамана...

Потом мы услышали весть:

— Каледин застрелился в атаманском дворце.

Новочеркасская станица передала власть походному атаману Войска Донского генералу Назарову.

Вскоре после этого Новочеркасск захватил отряд полковника Голубева, который арестовал, а затем повесил генерала Назарова.

Первым заместителем Каледина был некто Богаевский, слывший за ученого, грамотного человека. И вот, когда Каледин застрелился, Богаевский, переодевшись простым крестьянином, на кляче уехал в Сальские степи, в станицу Денисовскую, где вместе с женой скрывался у калмыцкого архиерея Бороменжинова.

Буденновский отряд, узнав о пребывании в станице Денисовской Богаевского, арестовал его и отправил в Платовскую.

Здесь вспоминается интересный эпизод. В Платовской Богаевский попросил разрешения выступить на красноармейском митинге. Не помню, из каких соображений, но выступить мы ему разрешили.

Говорил Богаевский исключительно занимательно и красиво.

— Я ваш враг. Вы не можете меня помиловать, как врага. Но посмотрите на эту вот акацию, — он показал рукой на дерево, — она покрыта сучьями. Посмотрите на вон тот, — он вторично показал рукой на дерево, — кривой, никуда негодный сучок. Бесполезный кусок древесины, достойный того лишь, чтобы быть сожженым. Но если этот сук, кривой и никуда негодный, попадет в руки отличного мастера, мастер сделает из него красивую и полезную вещь. Я похож на этот сук. Я нуждаюсь в мастере, который бы сделал из меня нужного, полезного человека...

В это время в Полтавскую прибыл полковник Голубев, он

выступил на митинге с яростной речью против Богаевского:

— Богаевский — заклятый враг, его нужно ликвидировать...

Голубев убедил всех, что Богаевский знает, где спрятаны документы и казна донского казачества. Он попросил отправить с ним в Новочеркасск Богаевского. Мы отпустили их.

В Новочеркасске их арестовал отряд ростовского ревкома. Богаевского расстреляли, а Голубев удрал.

После этого полковник Голубев ездил по станицам и злобно агитировал:

— Большевики уничтожают казачество. Мы должны восстать на защиту казачьих интересов...

Однажды на митинге после очередной речи полковника, к трибуне подошел студент из казаков.

— Скажи, почему ты защищаешь казачество, а сам повесил генерала Назарова? Видать, сам хочешь быть атаманом...

Не успел ничего ответить Голубев.

Студент сказал:

— Атаманом тебе не быть, — и застрелил полковника тут же на трибуне...

ШАРА-БУЛУК

Из Новочеркасска, занятого революционным казачеством, убегал в Сальские степи походный атаман Войска донского генерал Попов. С ним было около 1500 сабель, 5 орудий и свыше сорока пулеметов.

Генерал Попов не хотел оставлять Донской области, не хотел отступить вместе с Деникиным на Кубань, он надеялся организовать кавалерийские полки из казаков-калмыков и двинуть их против большевиков.

Генерал мечтательно говорил своим приближенным:

— Тысячи лихих всадников. Сотни тысяч лошадей у коннозаводчиков. Не надо много ума, чтобы понять, что это — такая сила, против которой никому не устоять...

Сальский округ представлялся контрреволюционерам хорошим плацдармом для развертывания борьбы против совет-

ской власти. В Сальские степи, на хутор Шара-Булук, в зимовники коннозаводчиков сбегалось офицерье, здесь они находили, пока что, надежный приют.

В Шара-Булуке, богатом калмыцком хуторе, по сведениям наших разведчиков, находилось несколько офицеров, вербующих калмыков в отряды генерала Попова, который продвигался к Великокняжеской. Несмотря на то, что во всех станицах между Салом и Манычем была установлена советская власть, Шара-Булук не признавал советов. Нашу делегацию жители хутора прогнали ружейной стрельбой.

Старые казаки-калмыки, все, кто побогаче, кто в царское время ходил в чине, объединились вокруг Шарабулукского хутора.

Окопался контрреволюционный Шара-Булук.

Богатеи боялись открыто выступить против советов. Они злобно выжидали момента, когда можно будет ударить в спину. Грозили беднякам — „Подождите, скоро придет генерал Попов."

Богатым считался хутор Шара-Булук. Дома под железными крышами. Амбары полны пшеницей. У каждого хозяина десятки здоровенных быков. Жили в Шара-Булуке богачи припеваючи. Плодоносные земли сдавались в аренду иногородним и малоземельным калмыкам, была беднота в кабале у богатеев.

Много злобы накопилось против Шара-Булука. Весть о том, что на хуторе собираются офицеры — подожгла ярость.

Воззвание Совета народных комиссаров о том, что земля, фабрики, заводы есть народное достояние, было в это время объявлено на митинге, созванном нашим гражданским комиссаром Сорокиным, и понято превратно. Зашумела станица Платовская.

— Разобрать Шара-Булук!

— Срубить гнездо гадово под корень!..

Не ждали хозяева хутора, что так повернется дело. Не успели организовать отпор. Удирали на конях за Маныч к зимовкам Королькова, где сидел генерал Попов, собирая белогвардейщину.

Беднота громила Шара-Булук. Растаскивали по домам тяжелые букари, сеялки, насыпали в мешки отборную

янтарную пшеницу. Думали, к весне закончится революция, готовили семена к пахоте, запасались орудиями и приглядывались к жирным землям богачей...

Шара-Булук в Первой конной остался историческим наименованием. Даже в оперативной сводке в перечне трофеев и пленных указывалось, сколько в отдельности захвачено шарабулуковцев.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

Для Платовской наступили тревожные дни. Вокруг станицы шакальими стаями рыскали группы белогвардейцев. Не решаясь заглянуть в станицу, они через своих людей распространяли листовки, пускали слухи о разгроме советской власти.

Все чаще и чаще приходилось по утрам срывать наклеенные на ворота воззвания такого рода:

„Донцы!

Все, кому дорога истинная свобода, кто любит беззаветно свой Донской край, кто стремится к объединению в одно целое всех здоровых сил Дона, помните:

Враг поколеблен, но еще не сокрушен!

Необходимо еще усилие, еще натиск, и кровавый большевистский туман рассеется, а там взойдет заря казачьей свободы — свободы, истинно несущей нам мир, законный порядок и спокойную трудовую жизнь.

Да не погибнет начатое народное дело!

Все казаки, крестьяне, иногородние, кто идет с нами, — немедленно становитесь в ряды нашего отряда“...

Генералы Попов и Семилетов засыпали такими воззваниями станицы. Гелюнги (буддийские попы) всячески убеждали калмыков, колеблющихся между красными и белыми, вступать в генеральские отряды. Они сулили им богатство и спокойную жизнь после изгнания большевиков.

Генеральские вербовщики прельщали блеском формы, щедрой раздачей чинов, крестов и медалей.

Гелюнги, получающие щедрые дары от богачей, генералов и коннозаводчиков, разъезжали по хуторам и станицам, устраивали богослужения, выступали с требованием изгнать врагов будды — большевиков.

Абуше Сарсинов, предложивший свои услуги генералу Попову в формировании калмыцких полков для борьбы с большевиками, вел бешеную агитационную работу среди калмыцкого казачества. Белогвардейщина зашевелилась. Враги нового порядка начали расправлять плечи, поднимать голову и проверять спрятанное в тайниках оружие.

Вскоре в Платовской произошли события, сыгравшие большую роль в революционизировании калмыков.

Окрыленные надеждами на помощь продвигавшихся к Северному Кавказу немецких войск, уже оккупировавших Украину, разрозненные отряды полковника Гнилорыбова, генерала Мамонтова, Попова и других делают первые попытки нанести удар рабочим центрам и революционно настроенным станицам. Генерала Попова особенно беспокоили вооруженные отряды самообороны железнодорожников по линии Царицын — Тихорецкая.

Мы получили сведения, что Попов решил внезапным ударом разгромить Великокняжескую, Котельниково и Платовскую с тем, чтобы утвердиться в Сальском округе до весны, когда по всему Дону будет предпринято общее наступление донского войска на Царицын.

Станицу тревожили сведения о готовящемся налете генеральских отрядов. Из Великокняжеской (ныне Пролетарской) прибыли представители красногвардейских отрядов. Необходимо было во что бы то ни стало до прихода помощи из Царицына задержать наступление Попова, не допустить его к Великокняжеской, куда одновременно продвигались отряды генерала Мамонтова и полковника Гнилорыбова.

Разработав план обороны, совет объявил станицу на осадном положении. На следующий день наши разведчики донесли, что зимовник коннозаводчика В.Королькова занят кадетами, отряды белых двигаются в Платовскую. Эта весть подняла на ноги всю бедноту. На призыв советов шли

В совет приходили старики и упрашивали, чтобы их записали в революционный отряд.

добровольцы. Собралось около 300 человек. Больше половины оказалось без оружия, без лошадей. С помощью железнодорожников Великокняжеской вооружились винтовками.

В совет приходили старики, вооруженные дробовиками, обрезами, косами; они упрашивали, чтобы их записали в революционный отряд.

Обстановка требовала решительных действий. Белые уже заняли мост через реку Мапыч, находящийся в восьми километрах от хутора Шара-Булук. Партизанский отряд Платовской столкнулся с белыми на окраине Шара-Булука. Запели пули, многие партизаны впервые участвовали в бою.

Мы окопались против моста, имея одну роту в двести штыков, эскадрон — 100 сабель, из них 40 калмыков под моим командованием. Белые были сильнее нас намного.

Ночь прошла в перестрелке. На рассвете белые открыли сильный артиллерийский огонь. Стреляло шесть орудий, о наличии которых мы и не предполагали. Увлеченные боем, мы не заметили, как конница белых ударила с фланга, а пехота, развернувшаяся цепями под прикрытием 20 пулеметов, повела наступление.

Началась паника; партизаны, впервые участвовавшие в бою, начали разбегаться. Фронтовики, прикрывая отступление, отходили к хуторам Сухое, Соленое.

Сломив наше сопротивление, генерал Попов занял Шара-Булук. Началась кровавая расправа. Заподозренных в сочувствии большевикам отгоняли к хуторскому управлению, били плетьми и прикладами, требовали выдачи главарей.

Вот, один старик не выдержал плетей, он сказал:

— Во дворе Куняра спрятаны двое красных.

Толпа белогвардейцев бросилась к дому Куняра. Через несколько минут вывели из дома трех человек, связанных одной веревкой. Шестидесятилетний старик Куняр, седой, как лунь, бесстрашно встал под дуло винтовок, сказав:

— Расстреливайте, я укрывал красных...

Подошел офицер и в упор сделал несколько выстрелов в старика, затем вынул шашку и зарубил красногвардейцев.

Железным кольцом сжимали белые Платовскую. Вооруженные отряды партизан отходили на Север. Последними

вышли из Платовской члены станичного совета. Не успев прорваться за реку, они были захвачены вместе с председателем Сорокиным разведкой белых и тут же расстреляны. В это время здесь был Абуше Сарсинов.

Случайно оставшийся в живых товарищ Панченко рассказывал потом, что расправа была жестокой, волчьей.

— Били плетьми. Рубили шашками. Один из казаков,— говорит Панченко, — ударил меня по лицу плетью. Треснула кожа, потекла кровь. Теряя сознание, слышу команду: „Пли!..“ При первом выстреле упал, притворился мертвым. Когда расправа закончилась, убитых раздевали, с меня сняли сапоги. Помню, казак сказал, вероятно, разглядывая мою окровавленную голову: „Этот не встанет“.

До ночи лежал я меж трупами. Ночью потихоньку встал и ушел. С тех пор голова моя покрыта сединой, как черное поле первым снежком, — так закончил свой рассказ Панченко.

„ПОЛУЧИТЕ В НОС ГРАНАТУ“

... С гиком и свистом ворвались белые в Платовскую. Началась зверская расправа. Толпами сгоняли на площадь избитых, изуродованных, истекающих кровью „большевиков“. Абуше Сарсинов расправлялся с беднотой, осмелившейся посягнуть на собственность богачей. Заподозренных в сочувствии советской власти после побоев выводили за околицу и расстреливали, милиционера Долгополова и начальника почты вывели за околицу, облили бензином и сожгли живьем.

Главный огонь был направлен на иногородних, однако при расправе не забывали и калмыцкую бедноту. После тяжелых мучений были расстреляны Балданов Василий и Болдырев, до полусмерти избит Шармаджанов. Больше трехсот трупов валялось по станице. Пьяные бе огвардейцы стреляли в лицо прохожих. Хоронить расстрелянных кадеты не разрешали — „Пусть лежат на страх большевикам“.

Когда крестьяне обратились с мольбой к бакша Буренову, чтобы он прекратил резню, бакша поднял руки к небу.

— На все воля всемогущего будды!

Белые усиленно разжигали национальную вражду, натравливая русских на калмыков и наоборот. За несколько ночей в Платовской было вырезано 90 калмыков, среди них старики, детишки и женщины. Во время налета на станицу белые насиловали девушек, зверски над ними издеваясь.

Во время резни я был дома, в Платовской, и каждую ночь ждал „гостей". Организовал охрану св ей семьи. Обычно на ночь ребят устраивал под кровать, а сам ложился на полу и клал под руку винтовку и гранаты. Думал, если хулиганы вздумают напасть — даром не дамся.

Два раза приходили ко мне ночью под окно и вызывали на улицу. Зная, что под окном враг, я отвечал из темноты:

— Если добрые люди, то сейчас ночь. Приходите завтра. Если же хотите угробить меня, то лучше уходите, иначе сейчас получите в нос гранату...

Больше ночные „гости" не приходили.

Когда я попал в Платовскую, там не было ни Буденного, ни Сорокина, ни Сердечного. Личность моя, видать, кой-кому показалась подозрительной, и меня, приняв за шпиона, арестовали. На другой день приехал Буденный, и я был освобожден.

Однажды я чуть не стал глупой жертвой национальной вражды, разжигаемой белыми. Как-то раз во время митинга на станичном дворе ко мне подошел красногвардеец и позвал за собой — буд-то по делу. Я пошел за ним. Приходим к какому-то сараю, и тут он мне говорит:

— Молись своему калмыцкому богу, сейчас буду тебя расстреливать.

Спрашиваю:

— За что?

— Калмыки вырезали триста человек русских.

— Так ведь это же, — говорю, — белые.

— Так что ж? Все одно — калмыки.

Я рассказал ему, что я в отряде Буденного и воюю против белых за власть советов. Красногвардеец меня отпустил.

— Ну, коли так, иди...

„Я ЕСТЬ ВЕЛИКИЙ АТАМАН"

В станице Платовской жил один слабоумный калмык Баренов. Болел человек манией величия и все мечтал быть атаманом.

Баренов, юродствуя, постоянно вертелся около станичного управления. Одевался в старое атаманское тряпье, которое атаман ему давал ради посмешища.

После боя с Поповым, до прихода красных, в Платовской получилось безвластье. Баренов, успев взять в атаманском доме одежду получше, атаманскую насеку (палка с позолоченным орлом), пошел в станичное правление и сел в пустом атаманском кабинете. Сколько он там сидел, изображая атамана, неизвестно. А когда в Платовскую подошел красногвардейский отряд, и дозор заскочил в станичное правление, разыгралась такая сцена.

Красногвардеец входит в кабинет атамана и видит: сидит кто-то в форме.

— Ты кто есть? — спрашивает дозорный.

Баренов, не подымаясь, важно отвечает:

— Я есть великий и могучий атаман казацкий.

Дозорный прицелился в самозванного атамана, сказал — „Точка, гад!" — и выстрелил.

ПЛЕН И ПОБЕГ

Бой на Бугуевском мосту реки Маныч был первым вооруженным выступлением калмыцкой бедноты и иногородних против своих вековых угнетателей.

Расчеты генерала Попова на организацию калмыцких полков для борьбы с большевиками не оправдались. Калмыки, пришедшие с фронта, не хотели драться с большевиками, большинство из них уходило с остатками партизанского отряда к станице Великокняжеской.

Тогда Попов объявил мобилизацию калмыцкого населения. На общественной сходке Абуше Сарсинов горячо убеждал казаков-калмыков итти в отряды Попова. Он говорил:

— Скоро наступит весна. Если не разобьем красных, они отберут лучшие казачьи земли. Заставят калмыков работать на русских... Сальские степи издавна принадлежат казакам и калмыкам. Будем бороться против красной заразы...

Мобилизованным обещали, что они поедут в зимовник Королькова, возьмут там оружие и вернутся обратно для охраны станицы. Это был обман — платовские казаки в станицу не вернулись, из них организовали две сотни и присоединили к отрядам генерала Попова.

Среди мобилизованных начиналось брожение. Кто-то сообщил в штаб, что Хургунов Бадма ведет среди калмыков большевистскую агитацию. Его арестовали. Когда доложили Попову, тот приказал:

— Всыпать мерзавцу пятнадцать плетей, чтоб другим неповадно было...

Отступая под натиском белых, наш отряд был внезапно атакован казаками, завязался горячий бой. Мой конь, простреленный пулеметом, со всего маху грохнулся на землю, нога, застрявшая в стремени, хрустнула, и я мгновенно был окружен казаками. В тот момент, когда один из казаков уже замахнулся шашкой, кто-то заорал:

— Оставить! Ведь это же сам Городовиков!

Генерал Попов обещал за меня награду, и поэтому казаки оставили меня в живых и повели в штаб.

В доме, куда меня привели, было пусто. На лавке спал, свернувшись, пушистый кот. Мои конвоиры нетерпеливо покашливали, посматривая на полураскрытую дверь другой комнаты, откуда доносились оживленные голоса.

Я сел на лавку и стал прислушиваться. Оглянувшись на конвоиров, я увидел, что они дразнят кота, совсем не обращая на меня внимания. По голосу из соседней комнаты я узнал генерала Попова. Как сейчас помню его речь. Он говорил:

— Господа офицеры, я только что прибыл с совещания у генерала Корнилова. Обстановка для Добровольческой армии складывается так: 9 февраля войска эвакуировались из Ростова. Сейчас Добровольческая армия сосредоточилась в станице Ольгинской. Генерал Корнилов настаивает на том, чтобы итти на Кубань. Он предлагал мне присоединить-

ся к нему, чтобы не распылять сил. Я, господа офицеры, не согласился покинуть Донскую область. Для вас не секрет, что казаки, в особенности калмыки, на Кубань не пойдут. Я настаивал, что было бы благоразумней итти в Задонские степи, здесь есть резервы казаков-калмыков и в зимовках продовольственная база. Генерал Корнилов со мной не согласился. Добровольческая армия уходит на Кубань...

Было слышно, как Попов тяжело откашлялся. После паузы он продолжал:

— Итак, господа офицеры, мы остаемся в Сальском округе. Будем пополнять наши отряды, будем ждать весны. Сейчас казак не хочет воевать ни за большевиков, ни против большевиков... Если до весны большевики начнут теснить наши отряды, наш путь не на Кубань, а в Астраханские степи... Там хотя мало хлеба, зато много маханы (конского мяса), одним словом, прокормимся. А в апреле мы должны во что бы то ни стало вернуться в Сальские степи. Начнется весна, казак выйдет пахать, и тут неизбежны раздоры казаков с иногородними. Казак спросит иногороднего, „Где ты был, когда мой прадед кровью завоевывал этот земельный паек?“ Мы этот раздор должны использовать...

Из комнаты вышел молодой лысый офицер. Он окинул меня этаким рысьим взглядом и вполголоса стал расспрашивать конвойров По мере того, как он приподнимал свои брови, я видел, что моя фигура представляет для белых большой интерес.

В это время вошел генерал Попов. Он посмотрел на меня и усмехнулся.

— А, сам Городовиков. Повернулся к офицеру и приказал:

— Сейчас же выстройте обе сотни мобилизованных калмыков.

Когда сотни были построены, Попов вышел к калмыкам. Вывели меня. Генерал начал демагогическую речь.

„...Из донских калмыков большевиков не должно быть. О судьбе Городовикова надо решать сейчас, помня, что рано или поздно он подставит ножку. Его надо ликвидировать!“

В сотнях раздались отдельные голоса:

— „Правильно, ваше превосходительство. Ликвидировать!“

Явился дежурный по караулу. Каково было мое удивление и радость, когда я узнал в нем одного из наших активистов-красногвардейцев, посланного ревкомом для работы среди калмыков.

Меня отвели в подвал. С напускной суровостью дежурный толкнул меня в бок. Я наклонился к нему и попросил закурить, прошептав:

— Я притворюсь больным, буду вызывать тебя, приходи.

Чиркнув спичку, он утвердительно и едва заметно кивнул головой.

В подвале было темно и сыро. Я прилег на кучу рогож, вытянул ноги, и только тут почувствовал, как сильно болит нога, прижатая лошадью. Внимательно ощупав ногу, я убедился, что ничего серьезного нет. Начал думать о побеге.

Услышав шаги часового, я нарочно громко начал стонать, часовой подошел к двери. Я стал просить, чтобы он вызвал дежурного.

Кулишев Эренижен пришел один. Он плотно прикрыл дверь, подошел ко мне и начал быстро рассказывать о том, что в калмыцких сотнях идет разложение. Многие хотят бежать к большевикам.

Я внимательно выслушал Кулишева и сказал:

— Ты мой друг. Ты понимаешь, что через несколько часов меня убьют, как собаку. Я должен бежать. Ты — дежурный, будешь в ответе, но прошу — не обижайся на меня.

Кулишев крепко пожал мне руку.

— Я от тебя не отстану.

Я обрадовался: — Значит, бежим вместе?

Кулишев кивнул головой и спросил:

— Может, еще сказать кому?

— Скажи братьям Адучиновым.

— Ладно.

План побега был прост. Кулишев как дежурный по сотне, выводит лошадей, будто бы для проверки постов. Берет с собой братьев Адучиновых, сменяет часового своим парнем, и с наступлением темноты мы бежим.

План побега был выполнен без сучка и задоринки. Выехав за околицу, мы облегченно вздохнули, пришпорили лошадей и галопом понеслись на север в отряд Буденного.

Ночь в степи темна, как грива вороного скакуна. Проскакав километра два, мы услышли все нарастающий топот погони. Резко свернув на юг, укрылись в балке, решив биться до последнего патрона.

Погоня проскакала стороной...

Блуждая по степи, объезжая хутора, усталые и разбитые от бессонницы и волнения, мы наткнулись на овчарню. Лай собак разбудил пастуха, стали расспрашивать, как выйти на казенный мост. Пастух рассказал дорогу. Устали кони. Вот и мост через Маныч. Остановились в нерешительности. А что, если мост охраняют белые?

Уговорились, если окликнут, сразу открыть стрельбу и затем с криком „ура" стремительно прорваться через мост.

Крякая из-под моста вылетела утка. Где-то недалеко ей ответил селезень.

Значит, на мосту никого нет. Копыта коней дробно застучали по настилу...

ВЫРУЧКА МАРТЫНОВЦЕВ

Семен Михайлович с группой всадников только что совершил смелый налет на белых в Платовской. Трофеями этого налета были батарея, винтовки, несколько пулеметов и много патронов.

Вот этот конный отряд, примерно в составе эскадрона, и послужил ядром будущей буденновской армии.

В станицах и на хуторах возникали казачьи партизанские отряды.

Вокруг нас — плотным кольцом бабы с ребятишками. Как услышали, что партизаны уходят из Платовской, заголосили, запричитали:

— Без мужиков не останемся!

— На изделку казакам достаться что ли?

— От мужиков не отстанем!

На повозке, рядом с приготовленным к бою пулеметом, мать кормит грудью ребенка.

... Когда день клонился к вечеру, потянулся из Платовской отряд с обозом. Ехали с семьями, с ребятишками к станции Гошун – к месту сбора партизанских отрядов Сальского округа.

Скрипят колеса. Наполнились степи говором.

На ночлег располагались табором. Кругом посты и дозоры. У каждой телеги костер. Хозяйки домовничают, готовят ужин, как будто и не воюем, а так, всей станицей в ночное собрались.

Станция Гошун превратилась в огромное становище. Собралось больше трех тысяч кавалеристов, тысяч десять пехоты, несколько батарей. Куда ни глянь — любопытные картины. Вот группа ребятишек играет на зарядных ящиках. На повозке, рядом с приготовленным к бою пулеметом, мать кормит грудью ребенка...

По замыслу товарища Сталина, конные отряды партизан должны быть сведены в конные дивизии для создания больших конных масс.

На станции Гошун под руководством Климентия Ефремовича Ворошилова была закончена реорганизация партизанских отрядов. Пехота была объединена под командой Шевкоплясова, а конница в составе 12 эскадронов и трех батарей — под командой Думенко и Буденного.

Бурные, суматошные дни переживали партизаны. Эскадроны непрерывно митинговали, многим не хотелось уходить из родных мест, бросать свои семьи, поэтому на первых порах очень крепко выступали против сведения эскадронов в полки.

Я был назначен командиром эскадрона. Не теряя времени, сразу приступил к учебе—многие из иногородних хорошо управлялись с конем, но не умели действовать шашкой, поэтому в сабельном бою робели.

С большим старанием обучались сабельному искусству партизаны, каждый старался познать тонкости этого дела, обрушить сильный удар с потягом на противника, выбить у него неуловимым движением клинка оружие.

Но не пробовали еще партизаны шашку на живой цели, не было у них поэтому веры в холодное оружие. Станица Зимовник не раз была местом ожесточенных

боев. Казачьи отряды пытались охватить наши фланги, зайти в тыл, разгромить обозы и не дать партизанам выйти в направлении на Царицын.

В один из боев мой эскадрон прикрывал левый фланг. Я стоял на пригорке и наблюдал за ходом боя. Вижу, по лощине передвигаются казачьи сотни. Навстречу им пошел эскадрон. Вместе с пятеркой старых рубак я остался в резерве. Ой, и не любили же партизаны сидеть в резерве. Как же это без дела сидеть, когда другие бьются!

Лавиной выскочила белая сотня. Низко пригнувшись к шее коня, ведет ее офицер. Глянул я на своих партизан и холодно стало. Идут вразброс. Если ударят казаки по эскадрону, сомнут, изрубят.

Мгновенно подал команду:

— За мной, в атаку!

И приподняв поводья, на полном карьере, ястребиной стайкой взметнулась наша пятерка. Я наметил себе целью головного офицера... Взмах клинка, и тот, качнувшись, сполз с коня.

Неожиданный удар с фланга внес смятение в белую сотню. Партизаны перешли в атаку. Преследуя белых, некоторые бойцы впервые пробовали шашку на живой цели. После этого вера в холодное оружие укрепилась.

Издали прямо на нас на золотистом коне скачет всадник. Сникнув к шее лошади, он, видимо, из последних сил держится на коне. За ним второй всадник, а вдалеке погоня.

— На выручку, товарищи, вперед!

Не посмели белые преследовать беглецов. Всадник на золотистом жеребце оказался матросом Хохулиным, второй — партизаном из Мартыновки. Они прорвались через засаду и, преследуемые белогвардейским разъездом, прискакали к нам за помощью.

Окруженный со всех сторон в селе Мартыновке дерется партизанский отряд. Дети, старики, женщины рыли окопы, воздвигали укрепления. Детвора и женщины под огнем белых разносили бойцам патроны и пищу. Все население Мартыновки оборонало родное село. Патроны приходили к концу, и все труднее приходилось отряду отражать волчьи атаки белых.

Матрос Хохулин рассказал на совещании командиров о героической борьбе мартыновских партизан. Он просил помощи.

На совещании присутствует товарищ Ворошилов. Буденный в раздумьи крутит усы.

— Выручать надо.

На этом согласились все. На рассвете четыре эскадрона под командой Буденного ввязались в бой в десяти километрах от Кутейниковской. Несмотря на наше настойчивое наступление и лихие атаки, белые не отходили ни на шаг. Семен Михайлович решил испробовать еще один удар левым флангом. Развернул я в атаку свой эскадрон и, при поддержке всех остальных, ударил с фланга. В тыл к белым галопом проскочил пулемет на тачанке. Это решило исход боя — казаки в панике завернули лошадей, мы гнались за ними на хвосте. Пятнадцать километров продолжалась бешеная скачка. Великолепные англо - донские кони после дневного марша и боя все время шли полевым галопом.

Сумерки застали нас в семи километрах от Мартыновки. К ночи мы вступили в село.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ САЛ

Освободив партизан, мы двинулись на станцию Куберлу, чтобы соединиться с главными силами, от которых оторвались.

После отъезда товарища Ворошилова, становище беженцев начало последний отход к Царицыну. Мы торопились отойти за реку Сал, иначе грозила опасность быть отрезанными от Царицына.

С боями продвигались вперед. Обозы с семьями шли в середине, как бы конвоируемые нашими отрядами, которые, отражая атаки, организовали своеобразную круговую подвижную оборону.

Вот и река Сал. Хоть близко до другого берега, но не переправишься — белогвардейцы взорвали мост. С шипеньем затормозил колеса паровоз нашего бронепоезда, дохнул в небо черным дымом и остановился.

Кроме бронепоезда с нами было около десяти составов, взятых на станции Великокняжеской. Двигались они живой мускульной силой. Паровоз был только у бронепоезда. К вагонам припрягались лошади, быки, сзади подталкивали люди. Такие составы двигались со скоростью 2 километров в час.

Река остановила многотысячный поток сальских партизан и беженцев. Решили строить мост.

Раскинулись по широкой степи становища беженцев. Перекликаются платовские, орловские, мартыновские, великокняжеские. А на далеких курганах уже вспыхивают белые пушистые облачка выстрелов. С визгом и грохотом летят снаряды в становище, рвут повозки, калечат людей, женщины и дети создают панику.

Под огнем приступили к наводке моста, она велась по способу времени Тамерлана или Александра Македонского. Возводили мост, насыпая землю. На подводах подвозили песок и щебень, сотни ребятишек в подолах истрепанных рубашенок, в мешках, в корытах таскали землю. Все чаще и чаще рвутся снаряды. Белые хотят задержать переправу через Сал.

Мысль простая, но остроумная родилась в голове одного из партизан. В сторону казачьих батарей наметали стога соломы, подожгли, и едкий желтый дым прикрыл строительство моста. Единственный раз в жизни я видел такую дымовую завесу.

Через двое суток огромная насыпь, высотой в 30 метров была готова. Уложили рельсы и легонько, вагон за вагоном, перекатили составы. Насыпь сползает, размывается. Едва успели переправиться, как бурливая вода размыла наше сооружение. Это хорошо, — казакам теперь не переправиться через реку.

ПАРАД НЕ СОСТОЯЛСЯ

Перейдя Сал, расположились в станицах — Ремонтная и Ильинка. Обессиленные непрерывными боями, отдыхали.

По настоянию командования 10-й армии надо было приступить к объединению эскадронов в полки, к созданию

кавалерийской бригады. После долгих митингов была организована бригада под командой Думенко и его помощника товарища Буденного. В бригаду вошло два полка, первым командовал Мослаков, вторым Гончаров. Меня назначили помощником командира полка.

Вновь сформированной бригаде назначили парад. Приказ, подписанный Думенко и Буденным, еще с вечера был прочитан в эскадронах (к сожалению, текст этого первого приказа, как многие документы того времени, безвозвратно пропал).

Едва забрезжил рассвет, командиры уже расталкивали спящих на возах, на земле, в палатках партизан — отныне бойцов кавалерийской бригады.

Протирая заспанные глаза, бойцы шли к своим коням. Лагерь ожил как во время тревоги. Незнакомое слово „парад" больше всех волновало детвору. Ребятишки, проснувшись раньше взрослых, своей суматошливостью изрядно мешали взрослым чистить коней и приводить себя в праздничный вид.

Эскадроны построились по полкам, в каждом до 2 тысяч сабель. Разношерстно одетые, вооруженные кто винтовкой, кто обрезом, у одних пики, у других шашки — красноармейцы гордо сидели на конях.

Смотреть парад собрался весь лагерь. С пригорка начал речь командир бригады Думенко.

Вдруг подскакал всадник. Раздвигая широченными плечами толпу, он пробрался к Думенко. Комбриг прервал речь, выслушал сообщение и, перекинувшись несколькими фразами с Буденным, громко сказал:

— Товарищи, красные воины! Белые гады окружили в Котельникове партизанский гарнизон. Дерутся ребята третий день в тяжелых условиях, просят и ждут нашей помощи...

Эскадроны загудели:

— Выручить!

Парад не состоялся.

Зацокали копыта о твердую землю — бригада выступила на выручку.

Под Котельниковым смелым ударом с тыла мы разнесли в клочья белогвардейский отряд. В станице встречали

восторженно и радостно. Полки лихо гарцовали по улицам. Сзади вели пленных — около тысячи пехотинцев и триста кавалеристов. Конвоиры ворчали, зло поглядывая на белых.

— Моду придумали — в плен казачье забирать!

— Рубить их на месте, а не цацкаться.

Бойцы были озлоблены жестокостью казачьих расправ с партизанами. Обычно красноармейцы в плен не сдавались — все равно расстреляют. А у нас приказ по бригаде категорически запрещал расстрел и рубку пленных.

После боя в Котельникове мы стояли около трех дней, заканчивая формирование. Котельниковский отряд был включен в бригаду. За эти три дня белые нас окружили. Прорвав окружение, с боями бригада выдерживала натиски противника до подхода пехоты.

Продвигаясь к Царицыну, в непрерывных боях закалялись полки. До Царицына еще сотни километров, а силы слабнут, патроны на исходе. Среди беженцев появляются болезни, истощенные долгими переходами лошади еле тянут повозки.

ЦАРИЦЫН ИЛИ АСТРАХАНСКИЕ СТЕПИ?

Мрачен ходит Думенко. Чувствуется, что какая-то мысль не дает ему покоя, но боится высказать ее. Вспыльчив и груб стал комбриг необычно и однажды, в приступе гнева, он высказал свои думы.

— К чортовой матери! Связались с бабьем, со стариками, как цыганский табор. Бросить все и двинуться кавалерии в астраханские степи.

Окаменело лицо Семена Буденного, яростью блеснули глаза.

— Брось панику разводить, разве можно семьи наши бросить на расправу казакам?

Присутствующие в хате озлобились на комбрига.

— В степи астраханские захотел!?

— Номер не пройдет!

— Бросать беженцев не позволим!

Хлопнул дверью Думенко, выбежал во двор, вскочил на копя и в бешенстве, нахлестывая его нагайкой, поскакал карьером. К вечеру вернулся на взмыленном коне. Сник.

Комбриг был хороший рубака и лихой наездник. Он умел увлечь за собою бойцов в бою, но был политически неграмотен и к тому же отчаянный демагог. Часто его выступления на митингах давали повод для разжигания национальной розни.

Однажды после боя взяли пленных, с ведома Думенко русских оставили, а калмыков порубили. Такие явления, не содействуя укреплению интернационального единства, вызывали законный ропот масс.

Окончательно Думенко потерял свой авторитет, когда женился в селе Аброгенове на дочери крупного торговца.

Прямой противоположностью был Семен Михайлович Буденный. Слава непобедимого, бесстрашного укреплялась за ним каждодневно. Бойцы видели в Буденном отличного командира и душевного товарища. Семен Михайлович проводил вместе с комиссаром большую политическую работу среди красноармейцев, укрепляя их классовое сознание.

Хочется сказать самое хорошее слово о покойной жене Семена Михайловича, Надежде Ивановне Буденной. Она провела с нами все боевые дни. Бойцы и командиры чувствовали ее материнскую заботливость, не один раненый с благодарностью вспоминает внимательный уход, который оказывала Надежда Ивановна. Любили ее большой и хорошей любовью.

Отход к Царицыну был труден. Все время шли с боями, окруженные белыми. У многих прорывались нотки подавленности, безвыходности.

— Войну затеяли не по-плечу!

— С белыми не совладать.

— Белых силища. Им буржуи всего света помогают!

Сильнейшим оружием в борьбе с подавленностью боевого духа были простые, яркие, доходившие до сердца слова Ленина, которые проникали к нам всеми путями. Ильич вселял в нас бодрость, смелость, отвагу и веру в победу.

По жаре и безводью шло вперед ядро будущей конной армии. Недалеко от Царицына встретились с частями 10-й армии. Воспрянули духом бойцы, облегченно вздохнули семьи — ушли все-таки от кровавой расправы кулачья и офицерства.

„ВОТ КОТЕЛ, ТАК КОТЕЛ"...

После соединения с частями 10 й армии мы встали на левый фланг армии, на линии Гнило-Аксайское, Обгонерово. Около двух месяцев шли бои с частями Краснова.

Станица Аксайская была в руках белых. Оттуда ежедневно выходил бронепоезд противника и систематически обстреливал расположение моего участка. Это причиняло нам много беспокойства.

Буденный приказал — „Разбить бронепоезд".

Я вызываю командира батареи Григорова и спрашиваю

— Можешь ночью незаметно подвести свою батарею лощинку, что около километра от станции Аксайская?

— Могу!

— А можешь прямым выстрелом из лощины разбить бронепоезд?

— Могу!

— Ну, так вот, я тебе приказываю сегодня ночью пробраться с батареей в лощинку и прямым выстрелом, как только выйдет бронепоезд, ударить в котел.

Будет исполнено, — говорит Гончаров.

— Я еще раз напоминаю:

— Смотри же, Гончаров, бей сукина сына прямо в котел! Батарея удачно пробралась в лощину и замаскировалась. На рассвете, как обычно, вышел бронепоезд. Когда он подошел на расстояние прямого выстрела, Гончаров сделал несколько выстрелов. Результата нет.

Вдруг со станции Аксайская развертывается кавалерийский полк белых с двумя бронемашинами. Вот-вот атакуют нашу батарею (она ведь даже без прикрытия!). Нет! Лихие батарейцы успели подхватить орудия на передки (а в передках по 4 выноса англо-дончаков) и

вихрем понеслись к нам в Аксайское. Я едва успел собрать полк для боя.

Налет белых был внезапен. Мы едва успели спасти лихую батарею и вывести полк из под удара.

Ошибка наша заключалась в том, что не было разведки на станцию Аксайскую. Оказывается, белые подвезли туда кавполк и готовились атаковать нас на рассвете, батарею послал я без прикрытия и дал Гончарову задание — стрелять обязательно в котел.

После этого случая Семен Михайлович долго смеялся:

— Вот котел, так котел!

СТАЛИН УКРЕПЛЯЕТ „КРАСНЫЙ ВЕРДЕН"

Царицын — в этом слове звучали чаяния и надежды революционного Дона. Царицын был организующим центром борьбы против южной контрреволюции.

Раскинувшись на берегу Волги, Царицын был крупным узлом железнодорожных, водных и грунтовых путей. Тот, кто обладал городом, господствовал над нижним Поволжьем, над северным побережьем неспокойного Каспия и теми областями, где проходили Юго-восточная, Донецкая и Владикавказская дороги. Революционный Царицын стоял угрозой контрреволюционному Дону.

В силу своего географического положения Царицын оказался на правом фланге того широкого фронта, который создали генералы и атаманы в борьбе с советами. Борьба за „Красный Верден" — так называли тогда Царицын — была решающей задачей, которую поставил себе Деникин.

Огромное значение этого города было учтено товарищем Лениным. По инициативе Владимира Ильича, на Царицынский фронт был послан товарищ Сталин. Приезд товарища Сталина в Царицын положил начало огромной по своему значению работе, которую он провел в борьбе за укрепление революционного фронта, за разгром донской контрреволюции.

В своих воспоминаниях, посвященных пятидесятилетию товарища Сталина, Климентий Ефремович Ворошилов пишет.

„...Тов. Сталин развивает колоссальную энергию и в самое короткое время из чрезвычайного уполномоченного по продовольствию превращается в фактического руководителя всех красных сил царицынского фронта. Это положение получает оформление в Москве, и на тов Сталина возлагаются задачи: „Навести порядок, объединить отряды в регулярные части, установить правильное командование, изгнав всех неповинующихся“ (из телеграммы РВС республики с надписью: „Настоящая телеграмма отправляется по согласованию с Лениным)“.

К этому времени к Царицыну подошли остатки украинских революционных армий, отступающих под натиском германских войск через донские степи.

...Во главе с тов. Сталиным создается Революционный военный совет, который приступает к организации регулярной армии. Кипучая натура тов. Сталина, его энергия и воля сделали то, что казалось еще вчера невозможным. В течение самого короткого времени создаются дивизии, бригады и полки. Штабы, органы снабжения и весь тыл радикальнейшим образом очищаются от контрреволюционных и враждебных элементов. Советский и партийный аппараты улучшаются и подтягиваются. Вокруг тов. Сталина объединяется группа старых большевиков и революционных рабочих и вместо беспомощного штаба вырастает на Юге, у ворот контрреволюционного Дона, красная большевистская крепость...

... Физиономия Царицына в короткий срок стала совершенно неузнаваема. Город, в котором еще недавно в садах гремела музыка, где сбежавшаяся буржуазия вместе с белым офицерством открыто толпами бродила по улицам,

превращается в красный военный лагерь, где строжайший порядок и военная дисциплина господствовали над всем. Это укрепление тыла немедленно сказывается благотворно на настроении наших полков, сражающихся на фронте. Командный и политический состав и вся красноармейская масса начинают чувствовать, что ими управляет твердая революционная рука, которая ведет борьбу за интересы рабочих и крестьян, беспощадно карая всех, кто встречается на пути этой борьбы.

Руководство товарища Сталина не ограничивается кабинетом. Когда необходимый порядок наведен, когда восстановлена революционная организация, он отправляется на фронт, который к тому времени растянулся на 600 с лишним километров. И нужно было быть Сталиным и обладать его крупнейшими организаторскими способностями, чтобы не имея никакой военной подготовки (тов. Сталин никогда не служил на военной службе!), так хорошо понимать специальные военные вопросы в тогдашней чрезмерно трудной обстановке.

Помню, как сейчас, начало августа 1918 г. Красновские казачьи части ведут наступление на Царицын, пытаясь концентрическим ударом сбросить красные полки на Волгу. В течение многих дней красные войска во главе с коммунистической дивизией, сплошь состоявшей из рабочих Донбасса, отражают исключительной силы натиск прекрасно организованных казачьих частей. Это были дни величайшего напряжения. Нужно было видеть тов. Сталина в это время. Как всегда, спокойный, углубленный в свои мысли, он буквально целыми сутками не спал, распределяя свою интенсивнейшую работу между боевыми позициями и штабом армии. Положение на фронте становилось почти катастрофическим. Красновские части, под командованием

Фицхалаурова, Мамонтова и других, хорошо продуманным маневром теснили наши измотанные, несшие огромные потери войска. Фронт противника, построенный подковой, упирался своими флангами в Волгу, с каждым днем сжимался все больше и больше. У нас не было путей отхода. Но Сталин о них и не заботился. Он был проникнут одним сознанием, одной единственной мыслью — победить, разбить врага во что бы то ни стало. И эта несокрушимая воля Сталина передавалась всем его ближайшим соратникам и, невзирая на почти безвыходное положение, никто не сомневался в победе. И мы победили".

Климентий Ефремович Ворошилов одновременно и вместе с товарищем Сталиным вел огромную работу, сколачивая многочисленные партизанские отряды в боеспособные войска. Работа эта была чрезвычайно тяжелой. Среди отдельных отрядов были сильно развиты партизанские настроения. Нужна была железная сталинская воля, чтобы объединить революционные силы в единый кулак, организовать победоносный разгром белогвардейских полчищ

ЖЛОБИНЦЫ.

В начале декабря 1918 года в селе Бекетовке, по приказу тов. Ворошилова, из конных отрядов Буденного была сформирована четвертая кавдивизия. В ее состав вошли два полка бригады и Крымский конногвардейский полк.

Грозные события надвигались по всему фронту. Добровольческая армия, главным образом ее конные части, почти ликвидировала красный кавказский фронт, вынудив наши части к отходу в астраханском направлении. Жлобинский отряд прорвался к северу через Ставрополь и пошел по южному участку Царицынского района.

По замыслу командования 10-й армии из жлобинских 1-го и 2-го кавполков было решено создать 4-й кавполк нашей дивизии. Это было в тот момент, когда Жлоба был отстра-

ней от командования и отозван в Москву. Среди жлобинцев шло сильное брожение. Были разговоры, что надо идти в Астрахань, где будто бы находится арестованный Жлоба.

В один из декабрьских дней мы получили приказ Революционного военного совета о ра формировании жлобинских полков. Жлобинцы выстроились на плацу и настороженно слушали речь товарища Буденного, оглашавшего приказ Реввоенсовета. Решение о создании из жлобинских полков 4-го полка нашей дивизии встретили неодобрительно. На митинге выступил командир жлобинского полка, открыто высказавшийся за неподчинение приказу.

— Действовали самостоятельно до сих пор, так и будем действовать дальше!

Жлобинцы криками одобрения поддержали своего командира.

Отказ подчиниться приказу мотивировали наивно — не желают, якобы, менять название и нумерацию полков.

Части Жлобы, действовавшие до сих пор самостоятельно в богатых станицах Северного Кавказа, были сильно распущены. В них глубоко сидела партизанщина. Поэтому, когда потребовалась железная дисциплина, появилось тяготение уйти обратно на Кубань и партизанить.

С митинга жлобинцы разошлись озлобленные и возбужденные.

Командование бригады созвало экстренное совещание. Товарищ Буденный выехал на станцию к прямому проводу для разговора с товарищем Ворошиловым.

Указания Ревсовета были ясны:

„Приказываю действовать быстро и энергично. В случае, если полки не подчинятся приказу, — разоружить..."

Командиром 4-го кавполка был назначен бывший командир 2-го жлобинского полка тов. Степанов.

ПОЛИТПРОСВЕТРАБОТА И ЛОШАДИ.

Буденновская конница пополнялась все новыми и новыми бойцами. Нужны были кони, много коней.

Семен Михайлович посылает меня в Царицын, чтобы я получил в инспекции кавалерии пополнение конского состава, хотя бы сотню коней.

В инспекции кавалерии принимают меня вежливо. Оживленно расспрашивают о делах на фронте. Я, в свою очередь, интересуюсь, каковы у них запасы конского состава. Говорят, что пятьсот коней есть.

Я обрадовался: шутка сказать, пятьсот коней!

С радостным сердцем я шел на базу выбирать коней для буденновцев. Однако радость была недолговременной. На базе я увидел жуткое положение. Полтысячи замечательных коней киргизской и калмыцкой породы были умирающими скелетами. Около сотни коней уже сдохло, часть из них валялась тут же, остальные без клочка сена были обречены на гибель.

Сердце мое сжалось до боли от такой картины. Эх, думаю, кони, кони, не носить вам лихих буденновцев в огневые атаки!

Из полутысячи я не мог выбрать ни одного коня. Возмущенный до глубины души преступным отношением к коню, я возвращался с базы. Придется ехать к Буденному с голыми руками.

Работники инспекции кавалерии на мои упреки беспомощно разводят руками.

— Мы бессильны. Нет ни клочка сена...

Вечером я снова зашел в инспекцию. О конях, гляжу, никто и не вспоминает, а мне говорят:

— Хотите пойти на политпросветработу? Все равно нечего делать.

— А что это, спрашиваю, такое?

— А вот увидите. Страшно весело!

Я никогда до этого в больших городах не бывал. Никакого представления не имел о „страшно веселой" политработе. Обязательно, думаю, надо сходить. Приеду, расскажу ребятам.

Приходим в какой-то большой дом. Входим в зал. Гремит музыка. Народу, как сельдей в бочке. Барышни расфранченные. Сотня пар закручивается в вальсе.

Я растерялся. Мои провожатые нырнули в народ и сразу потерялись. Сел я в уголок и наблюдаю. Подожду, думаю, когда начнется политпросветработа, и пойду.

Проходит час, другой. Уже близится рассвет, а люди непрерывно кружатся в сумасшедшем вальсе.

И тут разобрала меня великая злоба. Сучьи вы, думаю, дети. Рядом с голоду дохнут полтысячи замечательных коней, а они с ума посходили от танцев. В шести верстах от города за Волгой огромные стога сена, а рядом полтысячи коней и клочка не имеют.

Эх, думаю, взять бы плетку ременную да выгнать бы всех танцующих за сеном! Заставить бы их выходить всех коней...

Слезы на глаза навернулись.

У буденновцев кони от сала лопаются. Красноармейцы, усталые после боя, заботливо разыскивают корм для своих коней. А тут...

Приехал к Буденному и доложил.

— Ничего не вышло. Кони — одна падаль, ни одного не доведешь. Лошади дохнут как мухи, и некому о них позаботиться, все заняты „политпросветработой".

Я — КОМБРИГ.

Воспользовавшись ослаблением левого фланга царицынской группы войск, белые 11 января повели стремительное наступление и оттеснили нашу бригаду к колонии Сарепта.

Слышу, почью кто-то будит. Спросонок отчаянно ругаюсь, норовлю, повернувшись на другой бок, снова уснуть. Двое суток не слезал с седла. Чувствую, кто-то настойчиво тормошит.

— Городовиков! Да вставай же! Ехать надо, быстро...

По дороге Семен Михайлович рассказал мне, что бригаду потрепали. Комбриг Тимошенко сильно заболел. Затем он повернулся ко мне, посмотрел в лицо и сказал:

— Так-то вот, Городовиков. Придется тебе командовать бригадой.

Мы приехали в Райгород, село на Волге, где стояла в это время вторая бригада.

Нам отвели квартиру в поповском доме. Тов. Буденный собрал командиров и сделал доклад о международном и внутреннем положении и наших задачах. На собрании был и поп. После доклада Буденного он выступил со словом, заявляя, что согласен с программой большевиков. Его выступление вызвало у нас улыбку, а затем долгое время было предметом смеха.

Утром я вступил в командование 2-й бригадой. Сейчас легко сказать „вступил в командование", а тогда сколько волнений пережил. Ведь я почти не умел писать, а тут— три полка, артиллерия, обоз, люди доверены. Думаю—партия доверила, она и поможет.

День был морозный, мела пурга. Я приказал командиру Крымского полка Сердичу выслать вперед разъезд, достать языка и узнать намерение противника.

Разъезд захватил в плен двух белых казаков. Комполка задал им несколько вопросов, затем в сеннике порубил. Я вызвал Сердича.

— За что рубал?

— Староверы они, по-русски не говорят.

В действительности же сам Сердич плохо понимал русский язык—он был серб.

Этот случай ярко отражает тогдашние настроения. Белые наших в плен не брали, и поэтому наши отдельные товарищи считали, что и мы не должны брать в плен. Момент в борьбе был крайне напряженный. Бойцы говорили: „Мы живыми в плен не сдадимся, но и их брать не будем."

После боя у озера Сарпа, который длился до темноты, наши части не ем.пались с противником. Трудно было понять, кто и куда стреляет. Мы расположились вместе с Семеном Михайловичем во дворе недалеко от церкви, в селе Дубовый Овраг. Вдруг, слышим, скачет кто-то. Товарищ Буденный окликает:

— Кто идет?

— Свои! Штаб ищем.

— Штаб здесь, — спокойным голосом говорит товарищ Буденный, — заезжайте.

Во двор въехали всадники. Оказывается, белогвардейцы везли донесение в штаб полка. За ночь мы перехвата-

ли около 30 всадников противника. Коноводы встречали их на улице, затем приводили к нам. Мы разоружали...

На другой день первая бригада под командой товарища Буденного вышла на правый фланг армии в район Котлубань, разгромила донские части белых, захватив в виде трофеев 4 орудия, 12 пулеметов и 600 человек пленных. 2-я бригада оставалась в районе Дубового Оврага.

19 января создается тяжелое положение. Сгруппировав крупные силы, белые обрушились на 2-ю бригаду, жмут на Сарепту со стороны озера Сарпа и начинают перебрасывать свои части на левый берег Волги, грозя отрезать пути отхода на единственную переправу через Волгу в этом районе. Видя поспешный отход 37-й стрелковой дивизии, я посылаю ординарца к командиру 3-го крымского полка товарищу Сердичу с приказанием немедленно отходить на переправу Сарепты. Сердич, не зная общей обстановки, ответил, что перед ним очень незначительные силы и отходить не следует. Видя, что полку отрежут отход, я поскакал к Сердичу, приказав немедленно отходить. Полк поэскадронно, на быстрых аллюрах двинулся к переправе. Наш броневик — звали его буденновцы „Жгучий", — находился у переправы, сдерживал огнем белых, наступавших на восточную окраину Сарепты.

Под градом пуль и снарядов проскакал Крымский полк через Волгу. За ним двинулся броневик. Лед трещал и гнулся. Броневик дал полный газ и проскочил основное русло Волги. Впереди разветвление Волги, лед не выдержал — машина провалилась, к счастью, недалеко от берега...

Переправу закончили в темноте. Вышли на берег, местность незнакомая. Карт, как полагается, нет.

Мороз...

ЦЕ ТИЛЬКО ПОГОВОРКА...

В период организации и сколачивания конной армии у нас было еще немало элементов партизанщины. Партизанские замашки особенно резко проявлялись, когда приходилось сталкиваться с чиновничьим равнодушием к нуждам бойцов.

Вот один такой пример.

Был у меня начальник снабжения украинец Цветлиско. Как он ни старался и все — никак не мог достать для бойцов обмундирования. Ребята зюрово относились. А тут слухи поползли, что кто едет в Царицын и умеет нажать на снабженцев, то обмундирование получает.

Бойцы ворчали:

— Люди, вон, получают, а у нас босы, голы.

Вызываю я Цветлиско и говорю:

— Слушай, начснаб, бери один эскадрон с пулеметами и езжай в Царицын к начснабарму, проси обмундирования.

Цветлиско обрадовался. Взыграл в нем партизанский дух.

— Слухаю, товарищ начдив!

Приехал он в Царицын. Эскадрон разместил в палисаднике около дома начснабарма, а сам пошел в отдел снабжения. Подходит к одному столу, к другому, — всюду один ответ: „Нет, не можем. Ничего нет".

Не вытерпел Цветлиско, вошел в кабинет какого-то начальника да как ударит плетью о стол.

— Що ты яка бисова холера. Мы на хронте голи, боси, бьемся за совитскую власть, а ты сидишь тут и ничого не робишь!

Начальник поднялся:

— Какое ты имеешь право оскорблять меня в государственном учреждении? Да я тебя под суд...

Цветлиско хитро улыбнулся.

— О, це в мине ни оскорбления, це тилько поговорка. Оскорбления в мене сзади, ось подывись в окно.

Начальник глянул в окно и видит: против окон расположились кошармейцы, да к тому ж с пулеметами. Тут у него пропал всякий пыл.

— Садитесь, — говорит, — товарищ. Ну к чему горячиться? Поговорим по душам. Может, что-нибудь и достанем...

Цветлиско привез обмундирование и долго после этого хвастал:

— О и перелякався же снабженець...

СЛУЧАЙ С ГРАНАТОЙ

Настроение у красноармейцев невожное. Жлобинцы бузят, они открыто ведут разговоры об уходе к Астрахани.

Обстановка тревожная. Отведя полк к правому флангу, я с группой всадников выезжаю вперед на разведку местности. Возвращаясь мимо сторожки лесничего, мы неожиданно наткнулись на засаду белых. С крыши дома застрочил пулемет. Мы повернули коней, за нами—с гиком полсотни казаков. Бешеная гонка. Привстав на стременах, я ору во всю глотку:

— Занимай лесок!

Руки окоченели от холода. Вижу, с правой стороны настигает меня всадник с вытянутой кверху рукой, в руке граната. Выхватываю наган, стреляю — промах. Всадник кричит:

— Что делаешь, товарищ командир?

Я посмотрел на него и узнал матроса, бывшего когда-то моим ординарцем...

Бойцы доскакали до леса, открыли огонь...

Как выяснилось потом, спаслись мы совершенно случайно, и спасителем нашим был матрос. Не умея владеть шашкой, он всегда возил ее притороченной к седлу. Когда белые внезапно атаковали, он выхватил из кармана ручную гранату без капсуля и, погоняя ею лошадь, во весь дух удирал от казаков. Белые, видя в руках матроса гранату, боялись подскочить к нему слишком близко.

Вспоминая этот случай с гранатой, мы от души хохотали, а матрос улыбался.

— Хоть не нарочно, а здорово вышло, ребята...

„КАК ЖЕ ВЫ ВОЮЕТЕ?"

Вернувшись в бригаду, я узнал, что 4-й полк, состоящий из жлобинцев, снялся и пошел в направлении на Астрахань.

— Пишлы шукать Жлобу, — заявили мне бойцы, отставшие от полка.

Обескураженный последними событиями, я поехал в штаб армии. По пути в Царицын много всяких дум переду-

мал. Нужно доложить командующему, что левый фланг армии в опасности, что необходимо усилить фланг ввиду ухода Жлобинского полка, снабдить бригаду продовольствием и обмундированием, ибо люди ободрались и устали чертовски.

К этому времени генерал Краснов двинул к подступам Царицына группу войск генерала Фицхелаурова — десять тысяч штыков и сабель, многочисленные отряды Мамонтова и генерала Попова. Это была конница, состоящая из донских казаков, хорошо вооруженных и обученных.

... Адъютант пригласил меня к командарму. Товарищ Егоров сидел перед большой картой, погрузившись в раздумье. Когда я вошел, командарм показал мне рукой на стул и спросил:

— Ну, рассказывайте, что у вас произошло?

Я доложил командарму о создавшейся обстановке и уходе 4-го полка жлобинцев. Выслушав меня внимательно, товарищ Егоров попросил подойти к карте, размеченной флажками, и указать место, где шел бой. Впервые видя такую карту, смущенный обилием разноцветных флажков, я совсем неточно показал на карте.

— Как же вы воюете, когда в карте разобраться не можете? — сказал командарм.

Водя пальцем по карте, товарищ Егоров рассказывал мне обстановку. Я чувствовал себя неважно: лучше ходить в атаку, чем по карте лазить.

После беседы со мной командарм отдал приказ о переброске дивизии Буденного на правый берег Волги. Взамен 4-го полка в мою бригаду дали сборный отряд курсантов царицынских пехотных курсов и батарею Первой донской дивизии.

Товарищ Егоров отдал приказание о выдаче бригаде теплого обмундирования. В конце нашей беседы он пожал мне руку и, тепло улыбнувшись, пожелав успеха, сказал:

— Действуйте решительней, Городовиков! Партия требует, чтобы победа была обеспечена,—сделал паузу и добавил:— Главное, не падайте духом...

Уходя от командарма, я почувствовал себя очень бодро.

По замыслу командарма мы должны были сосредоточить мощный кавалерийский удар, чтобы предотвратить продвижение белых к Царицыну.

Через несколько дней из района Прямой Балки наша дивизия повела спешное наступление, стремясь выйти в тыл белым, продвигавшимся на Царицын. 23 января, накануне решающего наступления казаков на Царицын, дивизия берет в плен 600 всадников, захватывает 4 орудия и 12 пулеметов.

Боевые качества нашей конницы растут с каждым днем. Излюбленным тактическим приемом, приносившим неизменный успех, были ночные набеги в тыл и поиски противника всей бригадой. Обычно на дневки и ночлеги мы располагались километрах в 30 от белых, высылали разведку и охранение. В полночь, соблюдая полную тишину, снималась бригада с места и шла в ночной налет.

Дело развертывалось так. Ночь. Двигаемся без шума. При обнаружении белых мгновенно, всей бригадой обрушиваемся на противника, который, как правило, ночью спал.

Действие в поле, в открытом встречном бою тоже имело свои излюбленные приемы. Мы подпускали противника на дистанцию прямого пулеметного огня, орудия и тачанки вихрем вылетали на открытые позиции, обрушивая на врага огненный шквал. Огонь ошеломлял противника, а в это время конные группы немедленно переходили в атаку. Товарищи — Буденный, командиры бригад и полков — всегда лично водили свои части в атаку. В момент атаки, которая всегда была стремительной, пулеметчики и артиллеристы — у них были прекрасные лошади — не отставали от атакующих эскадронов. Часто, бывало, орудийный расчет врубался вместе с нами в ряды белых.

25 января у села Лозное мы разгромили начисто 9-й казачий полк и большую часть 15-го конного полка взяли в плен. 6 февраля заняли станцию Иловля, здесь трофеями были вагоны с продовольствием и снарядами. 18 февраля, зайдя в тыл, в районе станицы Карповская, дивизия разгромила части 7-го донского корпуса, захватив 19 орудий, 50

пулеметов, бронепоезд, штаб 41-го полка вместе с обозом и до 2 тысяч пленных.

Используя успешные действия нашей дивизии, 10 февраля на правый берег Волги вышел заволжский отряд Погребова и 16 февраля после ожесточенных боев взял Сарепту.

В белых станицах кулачье и офицерство вели бешеную агитацию за формирование все новых и новых частей. Так был сформирован отряд старых казаков в 500 всадников. Это были матерые бородачи. Этот отряд белых мы назвали „отрядом снохачей". Не один бой мы имели с бородачами и как то однажды, захваченные врасплох на берегу Дона, они погибли бесславной смертью.

В бою со „снохачами" был убит наш общий любимец, бесстрашный комполка Мирошниченко.

В ту же ночь мы провели налет на станицу Баклановскую, захватили врасплох военного прокурора генерала Попова. Не успев убежать, он оказывал отчаянное сопротивление. Заперев дом, он бросал в нас из окон ручные гранаты, находящаяся с ним группа офицеров отстреливалась.

Дом подожгли.

Удачные действия буденновской дивизии совпали с третьим наступлением белых на Царицын. Больше двух месяцев белые держали Царицын в кольце. 16 февраля 1919 года удачным маневром буденновской конницы и боями 10-й армии, донская армия белых начала откатываться на юг.

За беспримерно героический четырехсотверстный рейд дивизия награждается красным знаменем, а ее командир Семен Буденный — первым орденом Красного знамени.

Я ВСТУПАЮ В ПАРТИЮ.

В незабываемых боях за незыблемое утверждение советской власти, за полный разгром врага на поле боя, росла, крепла и закалялась Красная армия. В неодолимую силу выростала ставшая легендарной конница Буденного.

В боях воспитывалась лихая отвага, невиданный героизм, бесстрашное мужество, беспредельная преданность партии Ленина-Сталина и неугасимая ненависть к вра-

там революции. Миллионы людей, рапее чуравшихся слова „политика", по-новому стали смотреть на жизнь. Они неразрывными узами связывались с партией большевиков и приобщались к политике.

Толчком для моего вступления в партию послужил, казалось бы, совершенно незначительный случай и последовавший за ним разговор с военкомом.

Дело было так. В марте 1919 года, когда мы разгромили под Царицыным армию генерала Краснова и добивали ее остатки в процессе преследования, я задумал организовать технический эскадрон. Название, по меньшей мере, странное. Никакой техники в этом эскадроне не было, это был просто эскадрон связи, причем связи живой. В то время обычно все управление боем и связь с частями осуществлялись исключительно посредством конных ординарцев.

Ну, так вот. Проходя по Дону до Сальских степей я набрал в эскадрон связи около двухсот добровольцев. Народ прямо наподбор. Грамотные ребята, развитые, исполнительные. Любуюсь своим эскадроном, — сердце радуется. Гвозди, думаю, а не народ.

Подходит однажды ко мне военком и говорит:

— Ока Иванович, а ты заметил, что эскадрон связи у нас здорово засорен?

Я посмотрел на комиссара с удивлением:

— Как это засорен?

— Да так вот. Чужого народу много.

— Кто это тебе набрехал?

— Особый отдел...

Я снова в недоумении.

— Скажи, пожалуйста, — говорю военкому — что это за особый отдел?

— Ну, как тебе сказать. Особый отдел, это, ну, товарищи, которые наблюдают за всем.

Как это наблюдают?

— Да так. Изучают людей, следят за контрой...

Военком преподал мне элементарный урок политграмоты. Он сказал, что в эскадрон просочились белые офицеры, урядники, прапорщики. Рассказал, что некоторые

из них ведут соответствующую работенку, а другие хотят просто отсидеться у нас до лучших времен.

Беседа с военкомом показала, что в политике в ту пору я был младенцем. После этого я стал пристально изучать людей. Стал чаще беседовать со своим комиссаром.

Комиссаром у меня был Детистов, Александр Митрофанович. В одну из бесед он мне говорит:

— Как это так, Городовиков, воюешь ты против белых с первых дней революции, командиром большим стал, а в партию не вступил?

Такой оборот речи для меня был неожиданным, да, признаться, в те дни и непонятным.

Я подумал немного и говорю:

— А скажи, комиссар, какая мне разница? Воюю я за советскую власть и за свободу. Разве я не большевик?

Он отвечает:

— Большевик-то большевик, да не совсем.

— Почему?

— Да вот, Ока Иванович, с политикой у тебя слабовато.

— Ну, что ж. Я, братец мой, человек малограмотный. А политика—дело трудное...

После этого Детистов стал все чаще и чаще беседовать со мной о политике. Однажды я ему говорю:

— Александр Митрофанович, я вступаю в партию. А ты запиши меня в ячейку. Только, смотри, насчет политики помогу оказывай.

Комиссар обрадовался:

— Ну, вот и хорошо, Ока Иванович!

СЛОВО ИМЕЕТ ШОЛОХОВ.

Весной 1919 года под давлением Антанты, вооруженные силы контрреволюции Юга, Донская добровольческая армия объединяются под общим командованием генерала Деникина.

Атаману войска Донского генералу Краснову, имевшему гетманскую ориентацию, выражено недоверие. Краснов ушел в отставку.

При подходе красноармейских частей южного фронта к Ростову, Новочеркасску, в тылу 9-й армии вспыхнуло восстание в казачьих станицах, расположенных по верхнему течению Дона. Кулаки и зажиточное казачество, используя отдельные перегибы местных органов власти, подняли восстание. Началось оно в станице Вешенской и быстро распространилось по верхнему Дону.

Красочное описание казачьего мятежа дано у Шолохова в книге „Тихий Дон". Вот небольшой отрывок из его романа:

„Только что завязался разговор, один из казаков начал рассказывать, как выбили из Вешенской решетовцы, дубровцы и черновцы Фомина, но в это время в конце улицы, упиравшейся в белый лобастый скат горы, показались двое верховых. Они скакали вдоль улицы, останавливались около каждой группы казаков, поворачивая лошадей, что-то кричали, махали руками. Григорий жадно ждал их приближения.

— Это не наши, не рыбинские... Гонцы откель-то, — всматриваясь, сказал казак и оборвал рассказ о взятии Вешенской.

Двое, миновав переулок, доскакали. Передний, старик в зипуне нараспашку, без шапки, с потным красным лицом и рассыпанными по лбу седыми кудрями молодецки осадил лошадь, до отказа откидываясь назад, вытянул вперед правую руку.

— ... Что же вы, казаки, стоите на проулках как бабы? — плачуще выкрикнул он. Злые слезы рвали его голос, волнение трясло багровые щеки.

— ... Чтоже вы стоите, сыны Тихого Дона?! — еще раз крикнул старик, переводя глаза с Григория на остальных. — Отцов и дедов ваших расстреливают, имущество ваше забирают, над вашей верой смеются жидовские комиссары, а вы лузгаете семячки и ходите на игрища? Ждете, покель вам арканом затянут глотку? Докуда же вы будете держаться за бабьи курняки?

Весь Еланский юрт поднялся с мала до велика. В Вешенской выгнали красных... а вы, рыбинские казаки! Аль вам жизнь дешева стала? Али вместо казачьей крови мужицкий квас у вас в жилах? Встаньте! Возьмитесь за оружию! Хутор Кривской послал нас подымать хутора. На конь, казаки, покуда не поздно! — Он наткнулся осумасшедшевшими глазми на знакомое лицо одного старика, крикнул с великой обидой: „Ты-то чего стоишь, Семен Христофорович? Твоего сына зарубили под Христофоровым красные, а ты на пече спасаешься?!

... Пути казачества скрестились с путями безземельной мужичьей Руси, с путями фабричного люда. Биться с ними насмерть, рвать у них из-под ног тучную донскую, казачьей кровью политую землю! Гнать их, как татар, из-под пределов области! Тряхнуть Москвой, навязать ей постыдный мир!.. На узкой стежке не разойтись, — кто-нибудь кого-нибудь, а должен свалить. Проба сделана: пустили на войсковую землю красные полки, испробовали? А теперь — за шашку!

Об этом, опаляемый слепой ненавистью, думал Григорий, пока конь нес его по белогривому покрову Дона. На миг в нем ворохнулось противоречие: „Богатые с бедными, а не казаки с Русью.. Мишка Кошевой и Котляров тоже казаки, а насквозь красные“... Но он со злостью отмахнулся от этих мыслей.

В Татарском в день приезда Григория уже сформировались две сотни казаков. На сходе постановили мобилизовать всех способных носить оружие от шестнадцати до семидесяти лет. Многие чувствовали безнадежность создавшегося положения: на севере была враждебная, ходившая под большевиками Воронежская губерния и красный Хоперский округ, на юге — фронт, который, поверпувшись, мог лавиной своей

раздавить повстанцев. Некоторые, особенно осторожные казаки, не хотели брать оружия, но их заставили силой. Наотрез отказался воевать Степан Астахов.

— Я не пойду. Берите коня, что хотите со мной делайте, а я не хочу винтовку брать! — заявил он утром, когда в курень к нему вошли Григорий, Христоня и Аникушка.

К вечеру из Вешенской привезли два воза оружия — восемьдесят четыре винтовки и более сотни шашек. Многие достали свое припрятанное оружие. Хутор выставил двести одиннадцать бойцов, полтораста конных, остальные пластуны. Еще не было единой организации у повстанцев хутора действовали пока резонно: самостоятельно сформировали сотни, выбирали на сходках командиров из более боевых казаков, считаясь не с чинами, а с заслугами, наступательных операций не предпринимали, а лишь связывались с соседними хуторами и прощупывали конными разведками окрестности. Командиром конной сотни в Татарском еще до приезда Григория выбрали, как и в восемнадцатом году, Петра Мелехова. Командование пешей сотней принял на себя Латышев Батарейцы во главе с Иваном Томилиным уехали на Базки. Там оказалось брошенное красными полуразрушенное орудие с разбитым колесом. Его-то и отправились батарейцы починять.

На двести одиннадцать человек привезли из Вешенской и собрали по хуторам сто восемь винтовок, сто сорок шашек и четырнадцать охотничьих ружей. Пантелей Прокофьевич, освобожденный вместе с остальными стариками из моховского подвала, вырыл пулемет. Но лент не нашлось, и пулемета сотня на вооружение не приняла.

На другой день к вечеру стало известно, что из Каргинской идет на подавление восста-

ния карательный отряд красных войск в триста штыков под командой Лихачева, при семи орудиях и двенадцати пулеметах. Петро решил выслать в направлении хутора Токина сильную разведку, одновременно сообщив в Вешенскую.

Учитывая создавшуюся обстановку, кавалерийская дивизия Деникина начинает действовать на обоих своих флангах. Левая группа должна была наносить удар по прямому направлению к Вешенской станице, другой удар был направлен на восток. Активные действия белых начались наступлением Кавказской армии генерала Врангеля на Царицын.

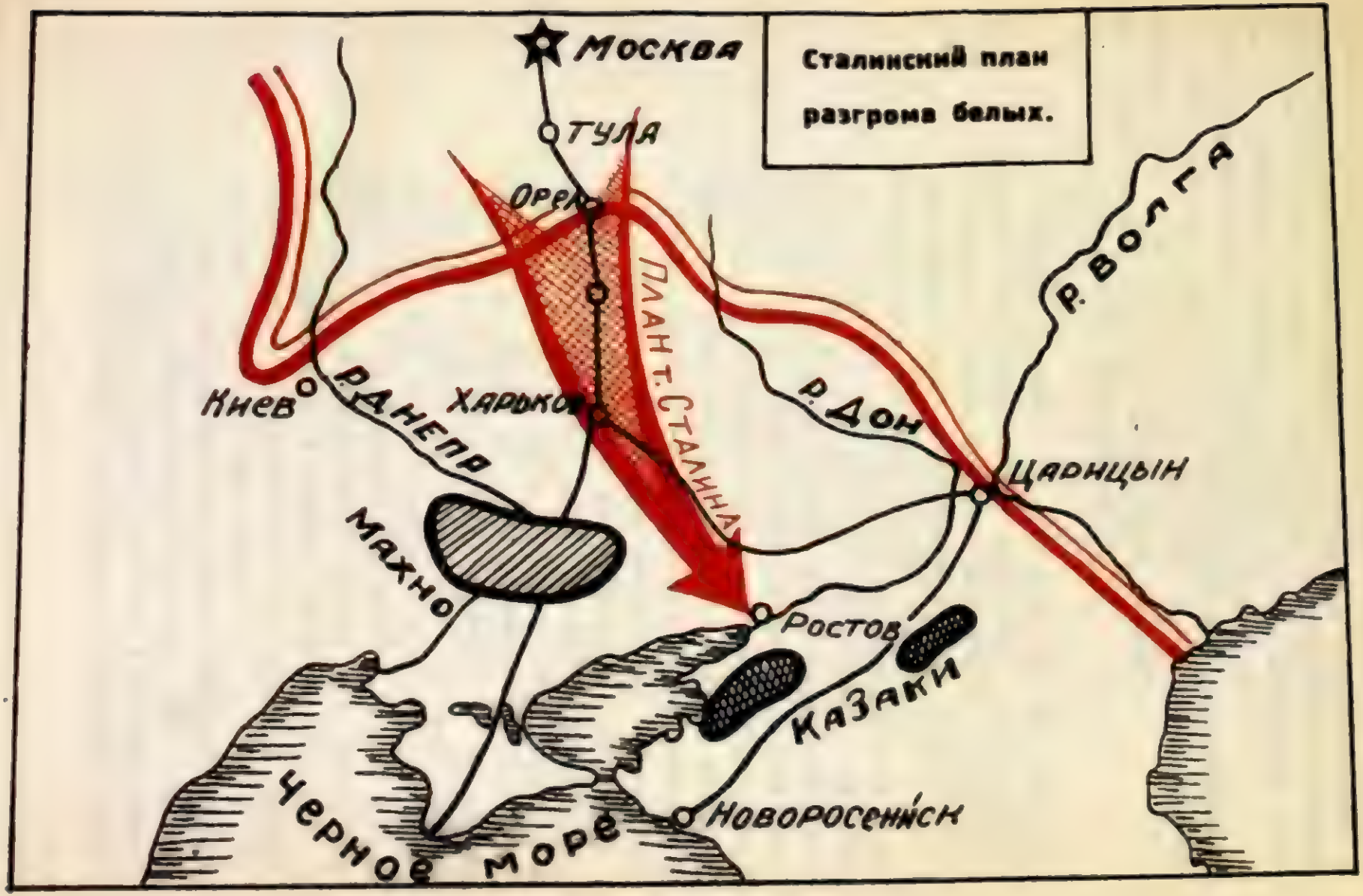
Главное направление белыми было избрано на Харьков, на армию же генерала Врангеля возлагалась задача отбросить к северу и разбить 10-ю красную армию, захватив левый берег Волги и войти в боевую связь с армией адмирала Колчака, который в апреле 1919 года подходил к Волге, в общем направлении на Саратов. В случае захвата белыми Царицына для них создавалась возможность овладеть всем нижним и средним течением Волги и объединенными силами с юга и востока наступать на Москву. На пути осуществления белыми этих задач попрежнему стоял Красный Царицын и защищавшая подступ к нему 10-я красная армия."

СТАЛИНСКИЙ ПЛАН РАЗГРОМА БЕЛЫХ

Деникинцы, общей численностью до 9000 всадников и 12000 пехотинцев, прорвали фронт 10-й Красной армии у Царицына и повели преследование отступающих к Саратову.

Противника надо было разбить во что бы то ни стало, — это определяло характер предстоящей борьбы.

Создавшаяся угроза продвижения белых на южном фронте была настолько серьезной, что со стороны ЦК


Сталинский план
разгрома белых.
МОСКВА
ТУЛА
ОРЕЛ
ПЛАН Т. СТАЛИНА
Р. ВОЛГА
Киев
Р. ДНЕПР
ХАРЬКОВ
Р. ДОН
ЦАРИЦЫН
МАХНО
РОСТОВ
КАЗАКИ
НОВОРОСЕЙСК
ЧЕРНОЕ МОРЕ

партии потребовалось принятие исключительных мер для предотвращения надвигавшейся опасности. Партия и рабочий класс в этот период ставят на главнейшем боевом участке товарища Сталина и на его плечи возлагают всю тяжесть руководства борьбой против Деникина.

Замечательную оценку этой гигантской и выдающейся работы тов. Сталина мы находим на страницах книги К. Е. Ворошилова „Сталин и Красная армия".

Вот что пишет тов. Ворошилов:

„Надо спасать положение. И на южный фронт ЦК посылает в качестве члена РВС т. Сталина. Теперь уже нет надобности скрывать, что перед своим назначением тов. Сталин поставил перед ЦК три главных условия:

1) Троцкий не должен вмешиваться в дела южфронта и не должен переходить за его разграничительные линии, 2) с южного фронта должен быть немедленно отозван целый ряд работников, которых тов. Сталин считал непригодными восстановить положение в войсках и 3) на южный фронт должны быть немедленно командированы новые работники по выбору тов.Сталина, которые эту задачу могли выполнить. Эти условия были приняты полностью.

Но для того, чтобы охватить эту громадную махину (от Волги до польско-украинской границы), называвшуюся южным фронтом, насчитывающую в своем составе несколько сот тысяч войск, нужен был точный оперативный план, нужна была ясно формулированная задача фронту. Тогда эту цель можно было бы поставить перед войсками и путем перегруппировки и сосредоточения, лучших сил на главных направлениях нанести удар врагу.

Тов. Сталин застает очень неопределенную и тяжелую обстановку на фронте. На главном направлении — Курск — Орел — Тула нас бьют, восточный фланг беспомощно топчется на ме-

сте. Что же касается оперативных директив, ему предлагается старый план (сентябрьский) нанесения главного удара левым флангом, от Царицына на Новороссийск через донские степи.

„Основной план наступления южфронта остается без изменения; именно, главнейший удар наносится особой группой Шорина, имеющей задачей уничтожение врага на Дону и Кубани“ (из директивы главкома, сентябрь 1919 г.).

Ознакомившись с положением, тов. Сталин немедленно принимает решение. Он категорически отвергает старый план, выдвигает новые предложения и предлагает их Ленину в следующей записке, которая говорит сама за себя. Она настолько интересна, настолько ярко рисует стратегический талант тов. Сталина, настолько характерна по самой решительности постановки вопросов, что мы считаем полезным привести ее полностью.

„Месяца два назад Главком принципиально не возражал против удара с запада на восток через Донецкий бассейн, как основного. Если он все же не пошел на такой удар, то потому, что ссылался на „наследство“, полученное в результате отступления южных войск летом, т. е. на стихийно-создавшуюся группировку войск юго-восточного фронта, перестройка которой (группировки) повела бы к большой трате времени, к выгоде Деникина... Но теперь обстановка и связанная с ней группировка сил изменились в основе: 8-я армия (основная на бывшем южфронте) передвинулась в районе южфронта и смотрит прямо на Донецкий бассейн; конкорпус Буденного (другая основная сила) передвинулась тоже в районе южфронта, прибавилась новая сила — латдивизия,— которая через месяц, обновившись, вновь представит грозную для Деникина силу...

Что же заставляет Главкома (ставку) отстаивать старый план? Очевидно, одно лишь упорство, если угодно, — фракционность, самая тупая и самая опасная для республики, культивируемая в Главкоме состоящим при нем „стратегическим" петушком... На-днях Главком дал Шорину директиву о наступлении на Новороссийск через донские степи по линии, по которой, может быть, и удобно летать нашим авиаторам, но уже совершенно невозможно будет бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать что этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде, вражеской нам, в условиях абсолютного бездорожья, грозит нам полным крахом. Не трудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, т.е. может лишь усилить Деникина. Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара через Харьков — Донецкий бассейн на Ростов: во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот, симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение; во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, линию Воронеж — Ростов...; в-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих: добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл; в-четвертых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который (Деникин), в случае нашего успешного продвижения, постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большин-

ство казаков не пойдет...; в-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля... С принятием этого плана нельзя медлить... Короче: старый, уже отмененный жизнью план ни в коем случае не следует гальванизировать, — это опасно для республики, это наверняка облегчит положение Деникина. Его надо заменить другим планом. Обстоятельства и условия не только назрели для этого, но и повелительно диктуют такую замену... Без этого моя работа на южфронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право, или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на южфронте.

Ваш Сталин."

Комментарии к этому документу излишни. Обращает на себя внимание, какою мерою Сталин измеряет кратчайшее оперативное направление. В гражданской войне простая арифметика бывает недостаточна и часто ошибочна. Путь от Царицына до Новороссийска может оказаться гораздо длиннее, потому что он проходит через враждебную классовую среду. И, наоборот, путь от Тулы до Новороссийска может оказаться гораздо короче, потому что он идет через рабочий Харьков, через шахтерский Донбасс. В этой оценке направлений сказались основные качества тов. Сталина, как пролетарского революционера, как настоящего стратега гражданской войны.

План Сталина был принят Центральным комитетом. Сам Ленин собственной рукой написал приказание полевому штабу о немедленном изменении изжившей себя директивы. Главный удар был нанесен южным фронтом в направлении на Харьков — Донбасс — Ростов. Результаты известны: перелом в гражданской войне был достигнут. Деникинские полчища были

опрокинуты в Черное море. Украина и Северный Кавказ освобождены от белогвардейцев. Тов. Сталину во всем этом принадлежит громадная заслуга[1]".

КОРПУС БУДЕННОГО

В момент четвертого наступления белых на Царицын значение нашей конницы сильно возросло. Она парировала фланговыми ударами энергичное наседание белых на отходящие части красной пехоты.

Маневренный характер войны, обширность театра действий, слабо развитая сеть железных дорог, наличие крупных кавалерийских соединений у белых, борьба с которыми была не под силу нашей, в то время слабо вооруженной и плохо обученной пехоте, — все это заставило объединить все части нашей конницы в один мощный оперативный кулак.

Инициатором организации крупного кавалерийского соединения был товарищ Сталин; под его руководством, при его живом участии, был сформирован первый конный корпус.

Мне лично довелось слышать, как товарищ Сталин по телефону поздравлял С. М. Буденного с назначением на должность командира корпуса.

26 июня 1919 года дивизии вошли в состав корпуса, и товарищ Буденный принял командование. Этот знаменательный день надо считать днем фактического рождения Первой конной, днем начала ее славных победоносных боев.

Организация и численность корпуса к этому времени была, примерно, следующая: в его состав входили 2 кавалерийские дивизии (четвертая и шестая). Комдивы: 6-й дивизии тов. Апанасенко, 4-й — я. Четвертая состояла из 6 полков, конно-артиллерийского дивизиона (12 орудий) и до 200 станковых пулеметов; 6-я дивизия была слабее

[1] К. Ворошилов, — „Сталин и Красная армия". Гиз. 1929 г.

и имела в своем составе только 4 полка и конно-артиллерийский дивизион. Общая численность корпуса достигла шести с половиной тысяч сабель. Конский состав был вполне удовлетворительный и притом непрерывно пополнялся. В районе немецких колоний оказалось громаднейшее количество вполне пригодного высококачественного конского поголовья. Таким образом ведя непрерывные бои, корпус пополнялся и усиливался, в то время как противник, наступавший от самой Кубани, не имел возможности менять и пополнять свой конский состав, выматывался и не мог двигаться быстрей.

В составе отходящей 10-й армии были 2-я, 37-я и 3-я стрелковые дивизии, состоявшие из выходцев из Сальских степей, Донской области, Кубани, Ставрополя. Многие из них хорошо умели ездить верхом и по своему желанию шли в конный корпус, частенько являясь со своими седлами и оружием. Обилие коней давало возможность немедленно их ставить в строй. Поэтому конный корпус комплектовался, как бы на ходу, из боеспособных добровольцев.

За корпусом тянулось колоссальное количество беженцев, также служивших в известной мере людским резервом. Мужчины пополняли ряды бойцов, женщины несли санитарную службу, нередко принимая участие в боях. Обоз с беженцами, несмотря на свою громоздкость, представлял некоторую ценность, выполняя роль службы снабжения. Для того времени это было важно, т. к. регулярного снабжения не было, а сбор фуража и продовольствия непосредственно самими бойцами отвлек бы их от непосредственной боевой работы.

При отходе от Царицына тов. Буденный, не имея работников для формируемого штаба корпуса, взял к себе всех сотрудников штаба дивизии, оставив меня в довольно неприятном одиночестве. Убедившись в тщетности ругани и угроз, я решил подойти к Семену Михайловичу ласково, но, как ни просил и ни убеждал вернуть хоть несколько штабников, ничего не вышло.

— Хочешь,—проси, хочешь—ругайся, а никого не получишь обратно, — так ответил Буденный.

Семен Михайлович со свойственным ему умением и энергией подобрал людей и справедливо считал, что я смогу найти штабников среди бойцов дивизии. Впоследствии так и вышло. Люди нашлись и неплохо справлялись с делом.

Вначале весь мой штаб состоял из 12 ординарцев, коменданта, коновода и повара. Но вскоре меня выручил командир Иловлинского полка тов. Колесов, порекомендовав для работы в штаб своего адъютанта — Ивана Дмитриевича Косогова, ныне зам. инспектора кавалерии.

Косогов хорошо справлялся с работой начальника штаба дивизии. В труднейших условиях он начал формировать штаб в селе Топовка, Саратовской губернии. А подобрать работников для штаба было действительно очень трудно. К примеру, писаря пришлось искать долгое время — бойцы были в массе полуграмотны.

Стрелковые части 10-й армии отходили по шоссе на север вдоль Волги, примыкая левым флангом к самой реке. На правом же фланге находился наш корпус, двигавшийся от Царицына по маршруту Котлубань—Большая Ивановка — Ольговка — Верхний Кабаюковский, все время держась вблизи пехоты.

Конница Деникина, преследуя слабые части отступающей пехоты, упивалась легким успехом, занимаясь грабежом населенных пунктов.

Нашему корпусу противник уделял слабое внимание, избегая ввязываться в бой, вероятно желая сначала покончить с пехотой, на которой и сосредоточивал свое внимание. Это развязывало нам руки и дало возможность выбрать удобный момент для нанесения чувствительных ударов с фланга.

Кроме наступающего противника с фронта, мы имели в своем тылу несколько казачьих отрядов, сформированных из восставших казаков, с которыми нам пришлось выдержать несколько ожесточенных боев.

Одно из наиболее крупных формирований восставших казаков—отряд полковника Голубинцева—был ликвидирован в районе станицы Островской.

ЗА ДВУМЯ ЗАЙЦАМИ...

Казачья повстанческая дивизия полковника Голубинцева, состоявшая из четырех кавполков, болталась у нас в тылу и творила там много бед.

Товарищ Сталин дает указание:

„Ликвидировать Голубинцева"...

И вот, когда я появился со своей дивизией около Островской, в первую бригаду, где я в то время был, приезжает Семен Михайлович и говорит:

— Городовиков, ты должен достать языка. Надо точно узнать, где же эта чертова дивизия Голубинцева и шлепнуть ее, чтоб мокрое место осталось...

Выслушал я приказание Буденного и, взяв с собой эскадрон, поехал на разведку за языками в направлении Островской.

Выехал на восточную окраину Островской, вдруг вижу вытягивается какая-то конная колонна... Выскочил вперед узнать — кто. Вижу, голубинцы. Смотрю: влево группа всадников. Я скачу на них. Они повернули. Я догнал одного и ударил шашкой плашмя.

— Бросай, — говорю, — оружие, сукин сын, и не отставая скачи за мной!

Я поскакал за другим всадником, — уж очень хотелось привезти Буденному двух языков, оглянулся, смотрю — мой пленный повернул и дает деру к своим, а тот, за которым гнался, ускакал.

Я повернул обратно, нещадно ругая себя вслух:

— Погнался за двумя зайцами, ни одного не поймал...

Да, собственно говоря, „зайцы" были уже не особенно нужны. Дивизия Голубинцева была найдена. Оставалось только ее ликвидировать.

Я сообщил Буденному о встрече с белыми. Он послал мне бригаду. Уходя от преследования, Голубинцев сделал было попытку проскочить в стык между бригадами, но неудачно. Дивизия была ликвидирована.

Ряд сильных фланговых ударов, сопровождавшихся большим уроном для белых, заставил их убедиться в своей

ошибке, которая выразилась в увлечении отступающей пехотой красных. Командование белогвардейских сил не обращало должного внимания на наш конный корпус, действовавший все время на фланге и причинявший белым немало неприятностей. Белые признали свою ошибку, повидимому, только после крупного поражения у села Грязнуха. По приказанию главнокомандующего они создают сильную кавалерийскую группу в составе 3 кавалерийских корпусов — Улагая, Покровского и Шатилова.

Первая схватка с конной группой произошла у села Грязноватка, примерно 80 верст севернее Камышина. Здесь впервые за последнее время энергичное содействие нам оказала пехота, в особенности два батальона из моряков под командой тов. Кожанова.

Конница белых наседала на наш правый фланг, стремясь прорваться в тыл. Непрерывно отбивая атаки, мы продолжали медленно отходить, тем самым оттягивая на себя все конные массы белых. Это дало возможность отступавшей пехоте восстановить свое положение. При подходе к реке Карамышка фронт уже был прочно занят нашими стрелковыми частями от села Верховья до колонии Карамышская и далее на восток, где упирался в село Бабановка у самого берега Волги.

В районе села Верховье-Топовка наш корпус выдержал десятидневный бой с конной группой белых. Этот бой сыграл решающую роль в действиях 10-й армии. Разгромленные корпуса генерала Улагая, Шатилова начали отступать, сея панику среди белогвардейцев.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ПРИКАЗ

Дивизия моя к тому времени уже окрепла окончательно, хотя и были свои „семейные“ неприятности, в особенности в первый период формирования. Командиры бригад и полков были людьми исключительной смелости. Комбриг Мироненко, еще недавно рубивший уголь в шахтах Донбасса, был не только храбр, но и по тем временам исключительно дисциплинирован. Его бригада всегда вы-

ступала в точно назначенное время и также точно приступала к действиям. Две другие бригады имели свои „маленькие слабости", выраженные в одном из моих приказов, который в свою очередь, интересен и как документ, показывающий нашу тогдашнюю грамотность.

„Слабость" комбрига 1 Маслакова была та, что после победы в бою и захвата у противника трофеев, любил посидеть с бойцами, поговорить, а иногда и распить „могарыч".

Храбрый молодой комбриг 3 Тимошенко засиживался по ночам за работой, в результате поздно вставал. Он и его 24-й кавполк, организованный недавно из состава отступивших ревкомов Донской области, в большинстве служащих и казаков, любили иногда беспечно поспать.

Надо было написать приказ, коротко освещающий действия бригад и предъявить к ним свои требования. Я отдал такой приказ. Привожу дословно со всеми грамматическими подробностями:

„Противник наступает. Вторым бригадам дерется, первым бригадам пьянствует, третьим бригадам спит. Приказываю всем трем бригадам драться".

Приказ писался под мою диктовку полуграмотным комендантом штаба.

Этот документ характерен для той поры. Ведь не секрет, что в дивизиях всю письменную работу под диктовку выполняли ординарцы, руки которых больше привыкли к шашке и поводу, чем к карандашу.

Матерые генералы, прошедшие с конницей империалистическую войну, диву давались: как это — неучи, быдло колотят превосходные силы белогвардейской конницы.

В боях сколачивая и оформляя конный корпус, С. М. Буденный своей личной храбростью, чутким, заботливым отношением к бойцам и командирам сумел так поставить дело, что боеспособность буденновцев возрастала с каждым днем.

Мне вспоминается случай, когда Семен Михайлович был взбешен до неузнаваемости, узнав, что бойцы и кони одного из полков целые сутки оставались без пищи

и корма по вине командира. Не хотел бы я никогда, да и не пожелал бы врагу своему попасть в такую „баню", какую устроил комкор для провинившегося.

Вспоминается вместе с этим начальник штаба корпуса Зотов, С. А., бывший сверхсрочный вахмистр, для которого составление письменного распоряжения или приказа было большой трудностью. Писал он медленно и малограмотно, но, взявшись за это, ни при каких обстоятельствах не бросал.

Бывало так — составляя приказ по указанию товарища Буденного, он доводил его до конца, хотя бы надобность в нем давно отпадала из-за изменившейся обстановки. Рвутся снаряды, свистят пули, а он, расположившись на кургане, животом на земле, спокойно и невозмутимо продолжал писать.

Как-то в такую минуту к нему прибыл командир с докладом и перебил его работу, тот вспылил:

— Вы идете в атаку — я не мешаю вам. Прошу не мешать и мне, когда я пишу приказ по приказанию комкора!

ИЗМЕНА МИРОНОВА

Действуя в направлении Усть-Медведицкой станицы, мы получили неожиданное известие об измене командира 14-й дивизии 10-й армии бывшего полковника Миронова, организовавшего в городе Саранске смешанный корпус. В этот же день, при мне С. М. Буденному был вручен приказ о немедленном выступлении в Воронежскую губернию для ликвидации прорвавшегося в тыл белогвардейского конного корпуса генерала Мамонтова.

Вот вдали раскинулась станица Анненковская. Навстречу едет несколько казаков. Опросив их, я узнал, что Мироновская дивизия движется нам навстречу для соединения с 14-й стрелковой дивизией, которой ранее командовал Миронов.

Вскоре показалась колонна мироновцев, только что вышедшая из станицы. Надо предпринимать решитель-

ные меры. Встречу с мироновцами мы ожидали, но мы не предполагали, что это случится так скоро. Выставив 20 пулеметов и развернув бригаду, мы приготовились ко всем случайностям. Мироновцы подошли и также развернулись шагах в двухстах.

Спрашиваю:

— Куда двигаетесь?

Отвечают:

— Соединяемся с 14-й дивизией!

— Где Миронов?

Ответило несколько голосов враз:

— А он сзади двигается на повозке!..

Вижу—скачет Миронов. Осадив коня, он зло выкрикнул:

— Что, вы нас за врагов считаете?!

Вокруг Миронова сгрудились солдаты. Он начал было митинговать.

Стараясь говорить спокойно, объявляю ему, что он объявлен изменником, и митинги разводить не имеет права.

Разъяренный Миронов предложил разойтись за четыре версты и „удариться".

Ответив ему, что готов это сделать с удовольствием хоть сейчас, я подал команду пулеметчикам — приготовиться.

В мироновском отряде зашумели:

— Со своими драться не будем!

Воспользовавшись суматохой, я приказал арестовать Миронова, а мироновцам сдать затворы от винтовок.

Захваченных у мироновцев лошадей, около полутора тысяч, мы распределили между бригадами. Это дало возможность увеличить дивизию на 1.500 сабель, доведя ее численность до 5 тысяч всадников.

АНГЛИЙСКИЙ ЛЕТЧИК.

... Не доходя до Бутурлиновки, в районе станции Таловая, появился на горизонте самолет. Покружив над дивизией, самолет внезапно снизился и пошел над самой землей. Летчик сел около проезжавшей невдалеке сани-

У летчика оказались важнейшие оперативные документы

тарной линейки, на которой сидел вихрастый казак. Вылезший из самолета летчик спрашивает у повозочного:

— Казаки?

Тот отвечает: Казаки!

В это время я подскакал к самолету и на вопрос летчика подтвердил — „мамонтовцы".

Переспросив еще раз и получив подтверждение, летчик, обрадовавшись, произнес:

— Слава богу!

Оказалось, самолет вылетел из Воронежа и послан генералом Шкуро для связи с корпусом Мамонтова, находящимся неподалеку от нас.

Летчик — английский офицер, с акцентом, но довольно хорошо говорит по-русски. Каково же было его удивление, когда он узнал, что попал не к мамонтовцам, а к буденновцам.

Извещенный о происшедшем, быстро прискакал Буденный, чтобы рассмотреть захваченные документы и лично допросить пленного.

У летчика оказались важнейшие оперативные документы. Среди них письмо Шкуро к генералу Мамонтову с приглашением соединиться и действовать вместе.

Офицер здорово перетрусил. Но когда ему сказали, что его не собираются расстреливать, он быстро оправился, затем очень наивно стал доказывать, что ему все равно — белые или красные.

— Британский офицер нейтрален. Он только выполняет службу!

Самолет мы использовать не могли за неимением летчика.

Запрягли лошадей и, к великому удовольствию бойцов, торжественно отвезли его в ближайшее село, где сдали на хранение кузнецу — как самому технически грамотному человеку. Кузнецу строго настрого приказали хранить машину до прихода красной пехоты.

Впоследствии этот самолет сослужил нам большую службу.

Нагнать Мамонтова удалось под самым Воронежем, в районе Усмапа-Собакино, где он успел уже соединиться с конницей Шкуро.

Находясь под Воронежем и ведя активную разведку на широком фронте, Семен Михайлович Буденный, к большому удовольствию бойцов, завел „переписку“ с генералом Шкуро.

Когда к Буденному приводили пленных, он давал им письмо и говорил:

— Вот, ребята, отнесите письмо самому генералу Шкуро. Только смотрите, больше против нас не воевать, второй раз попадетесь — расстреляю.

Вот текст одного письма, который приводит тов. Буденный в своей статье „Боевые эпизоды“, напечатанной в „Правде“.

„Двадцать четвертого октября, в 6 часов утра, прибуду в Воронеж. Приказываю вам, генералу Шкуро, построить все контрреволюционные силы на площади у круглых рядов, где вы вешали рабочих. Командовать парадом приказываю вам лично.“

В ночь с восемнадцатого на девятнадцатое октября Шкуро отдаст приказ разбить конницу Буденного по частям. Это в то время, когда наш корпус был собран в кулак.

Встретившись с первой колонной белых, мы стремительной атакой смяли их, опрокинули и погнали в Воронеж.

Глубокая осень вступала в свои права. Октябрьские ночи становились все холоднее. Буденновцы были измучены последними боями и дрались из последних сил.

Защищая город, Шкуро мобилизовал всех: офицеров, гимназистов, чиновников, купцов, торговцев и даже престарелых полковников и генералов, бывших в отставке.

Был сформирован этакий „буржуйский“ батальон. Даже попы были включены в этот батальон.

Рассказывают, что генерал Шкуро, провожая на фронт это „почетное войско“, наставительно говорил отставным седовласым генералам:

— Итак, господа, вы—надежда Великой России. Народ у вас отборный, поэтому я назначаю вас командирами отделений. Разобьете Буденного, получите продвижение.

„Отборный народ“ генерала Шкуро оказался сборищем отчаянных трусов. Во время бегства из Воронежа они учинили в городе такую панику, что, заняв город, нам приходилось, как говорят, „днем с огнем“ разыскивать живого человека.

Воронеж был взят нами в ночь на двадцать четвертое октября. Генерал Шкуро спасся бегством. Он бросил свой поезд и ускакал на коне...

Помнится, после взятия Воронежа, в числе пленных оказались три попа — вояки из „буржуйского батальона.“ Я долго думал, что с ними делать, куда их приспособить, и решил назначить их в обоз воловщиками. Дали им по паре волов, и они усердно возили сено.

Буденновцы, заезжая в обоз, добродушно посмеивались:

— Любуйтесь, ребята, кто не видел, опиум народа в живом виде.

— У попа паства была, а осталось два вола!

Иногда, в редкие минуты досуга, красноармейцы-обозники заводили с попами беседы о боге и святых:

— Скажи, батя, по совести, сам-то ты веришь в бога?

— А чем ты докажешь, что бог есть?

Попы сначала несли всякую околесицу, а однажды один из них чистосердечно сказал:

— А черт его знает, есть бог или нет! Вероятнее всего, выдумка.

— Амба, — говорили красноармейцы, — попы растрясли на волах весь свой опиум и стали разлагаться.

Разложение попов завершилось тем, что однажды они попросили бойцов достать им какое-нибудь обмундирование. Бойцы достали им трофейное обмундирование. Попы переоделись и остриглись.

Рясы свои и подрясники обменяли у казаков на продукты.

Через пару месяцев мы отпустили их по домам.

Отдых в Воронеже был непродолжителен. В погоне за Шкуро мы под сильным артиллерийским огнем переправ-

лялись через Дон, у села Ново-Животинска, через деревянный мостик, который местные крестьяне называли „мост на куриных ножках".

По нему переправлялся обоз из повозок с личным имуществом бойцов, без лошадей, тянули сами бойцы. Такие повозки были положены на каждый взвод по одной. В разгар переправы мост не выдержал и свалился в Дон. По реке поплыли мешки, бойцы стали гоняться за ними.

Строевым бойцам было дано через броды переправить по одному снаряду. Некоторые, попадая в более глубокое место, отрывались от лошадей, плыли, но снарядов не отпускали. Орудия с противоположного берега тянули канатом под водой. Тотчас после переправы орудие ставилось на позицию.

Переправа была необычна. Недалеко от места переправы, для воодушевления бойцов играли два духовых оркестра. Рвались снаряды; попадая в реку, они подымали огромные фонтаны воды, глуша рыбу, которую красноармейцы тут же вылавливали.

Промокшие до нитки бойцы, переправившись через броды, с небывалой отвагой бросались в атаку. У всех одно желание — скорее выбить белых из селения и обсушиться...

„ХАТА ДВИГАЕТСЯ"...

Конница Мамонтова и Шкуро сосредоточилась на станции Касторная. Там было пять бронепоездов, двадцать два конных полка.

После переправы через Дон товарищ Буденный отдал приказ:

„Разгромить белых у Касторной".

Касторная была центром соединения Донской и Добровольческих белых армий, поэтому на Касторной были сосредоточены крупные силы.

Мы хорошо понимали, что если возьмем Касторную, то разъединим белые армии, вонзимся в них клином и будем громить и Добровольческую и Донскую, каждую в отдельности.

Единым махом занять Касторную не удалось. У белых в Касторной была сосредоточена большая махина войск: два конных корпуса под командой Шкуро, Терская и Кубанская пехотные дивизии, бронепоезда и танки.

На 4-й день боев вся пехота белых попадает в плен, мы забираем три бронепоезда.

О танках среди бойцов шли самые неправдоподобные разговоры, ведь почти никто из них не видел этого оружия. Всем хотелось посмотреть, и очень многие побаивались танков.

Помню такой случай. Я составлял с начальником штаба донесение. Вдруг с треском открывается дверь, в хату врываются перепуганные разведчики, они истошно кричат в один голос:

—Товарищ командир! Беда! Хата там какая-то двигается...

—Огромная, огромная, и стреляют из окон!..

Бросились, что есть духу, за околицу посмотреть на диковинную „хату". Когда подскакали к околице, видим, что буденновцы со всех концов устремились к танку; танкист, думая, что его атакуют, повернул и ушел обратно.

Так и не удалось нам в этот день повоевать с танком— он больше не показывался.

Касторная была окончательно взята совместным ударом конного корпуса и пехотных частей, в особенности 4-й дивизии.

Бои шли в сильный мороз и пургу.

КОННАЯ АРМИЯ

С потерей Касторной белые покатились, не имея возможности зацепиться. Буденновцы последовательно занимают Старый Оскол, Новый Оскол, Большую Михайловку. В это время в большую Михайловку приезжают тов. Сталин, командующий южным фронтом Егоров и члены Реввоенсовета конной армии Ворошилов и Щаденко.

Блестящая мысль создания конной армии, такого кавалерийского соединения, которого не было за время последних войн, принадлежит вождю партии тов. Сталину.

11 ноября Революционный военный совет республики получил от Реввоенсовета южного фронта следующее донесение:

„Реввоенсовету Республики.

Реввоенсовет южфронта в заседании своем от 11 ноября сего года, исходя из условий настоящей обстановки, постановил образовать конную армию в составе 1-го и 2-го конных корпусов и одной стрелковой бригады (впоследствии добавить и вторую бригаду).

Состав Реввоенсовета конармии: Командарм — т. Буденный и члены — тт. Ворошилов и Щаденко. Справка: постановление Реввоенсовета южфронта от 11 ноября 1919 года № 505/а.

Означенное просим утвердить„

Так была создана Первая конная армия.

Тов. Ворошилов с первого дня своей работы среди буденновцев стал душой конной армии. Его железная воля дисциплинировала и, как цемент, скрепляла бойцов.

Интересная деталь: в разговоре с красноармейцами, в первый день прибытия Климентия Ефремовича, я рассказывал им про героический путь большевика Ворошилова. Бойцы слушали внимательно, а в конце беседы высказались так:

— Парень рабочий, к коням не привычен, как-то он будет ездить верхом...

Некоторые с любопытством посматривали в сторону проходившего в это время тов. Ворошилова.

Первые бои конармии удовлетворили любопытных. Член Реввоенсовета крепко и ладно сидел на коне, он много часов непрерывно проводил в седле, с клинком и маузером участвовал в атаке.

Бойцы говорили с любовью:

— Выходит свой парень этот Ворошилов.

Стремительность и бесстрашие буденновцев быстро завоевали себе славу. Нередко одно слово „буденновцы" сеяло гибельную панику в белогвардейских рядах. Классовая ненависть к врагам, преданность делу партии Ленина—Сталина порождали беззаветный героизм красноармейцев, развивали невиданную лихость в бою.

Дисциплина и организованность не давались самотеком. Нужна была огромная работа партии, чтобы преодолеть в крестьянских парнях мелкобуржуазную анархичность и партизанские замашки.

Товарищ Ворошилов подлинно с большевистским умением быстро наладил массовую политическую работу. Его железная рука укрепляла строгий порядок и вводила суровую революционную дисциплину.

КАЛИНИН И СУХАРИ

...Как-то в конную армию приехали председатель ЦИК Михаил Иванович Калинин и тов. Петровский. Конники устроили парад, после парада—обед, и вот, на обеде Калинин и Петровский удивили присутствующих. Глядим, достают они из мешочков черные сухари и несколько кусочков сахара. Вот так, думаем, раз! Председатель Центрального исполнительного комитета ездит со своими черными сухарями, да и ест-то их эдак экономно.

Этот случай нам бросился в глаза потому, что, воюя в богатых черноземных областях, мы имели в обилии продовольствие.

Помню, очень часто после приезда Михаила Ивановича Калинина, отобрав у белых богатые трофеи, бойцы говорили серьезно:

— Надо несколько посылок в Москву наладить.

И тут же начинали перечислять адреса.

— Ленину!

— Калинину!

Ну, и прямо в ЦК!

...После разгрома у Касторной белые откатывались по всему фронту.

„ГДЕ МОЯ ТЕТУШКА?"

Отдан приказ наступать на Ростов. Моя дивизия должна была сделать налет на крупную узловую станцию

Сватово в Сватово у белых была часть кавалерийской бригады, стрелковый полк и бронепоезд. Стремительным налетом белые были выброшены со станции, частью захвачены в плен. В качестве трофеев нам досталось 25 поездов со всяким военным имуществом. Эшелоны стояли с паровозами под парами. Белогвардейцы собирались их эвакуировать, но не успели.

О Сватове вспоминается интересный эпизод. Когда мы заняли станцию, я вышел на вокзал. Гляжу — висит записка:

„Дежурный по станции Сватово военный комендант подполковник такой-то" (фамилию точно не помню, кажется, Голодовский). Дай, думаю, позвоню на станцию Купянскую от имени подполковника. Оттуда через Сватово должны были эвакуироваться отставшие эшелоны белогвардейцев.

Иду к телефону и вызываю коменданта Купянской. Отвечает какой-то ротмистр. Я называю себя подполковником Голодовским и от имени командующего передаю приказ — „Все имеющиеся на станции Купянской эшелоны немедленно отправить через Сватово".

Одураченный ротмистр ответил, что у него готовы два эшелона, и он тотчас их отправит.

Вскоре эти эшелоны прибыли в Сватово. Мы их соответствующим образом приняли. Помню, в числе груза было 55 телеграфных аппаратов „Морзе", вагон ваксы и вагон спичек.

Со станции Купянской старательный ротмистр отправил третий эшелон, но он был в пути обстрелян нашими разведчиками. Эшелон дал обратный ход и вернулся назад. Коменданту Купянской, вероятно, доложили, что Сватово занято конницей красных.

Я снова вызываю ротмистра к телефону. Говорю ему:

— Два эшелона прошли через Сватово, почему не высылаете остальные эшелоны? Задержка эшелонов падает на вашу ответственность.

Офицер, видимо, начал соображать. Слышу, отвечает мне:

— Господин подполковник, разрешите поговорить с вами на чистоту?

— Пожалуйста, —говорю.

— Скажите, господин подполковник, где живет моя тетушка?

— Какая тут, к чорту, тетушка — отвечаю ротмистру,— дело горячее, а вы с тетушкой лезете. Еще раз предлагаю выслать эшелоны.

Слышу, ротмистр начал меня крыть на чем свет стоит. „Ах, ты, — говорит, — сволочь красная."

А я ему отвечаю:

— Вы люди образованные, господин ротмистр, культурные, и ругаться вам не пристало. Это нам, сиволапым, по штату положено. Чтобы голову вам не морочить, заявляю, что говорит с вами буденновец. Станцию Сватово мы заняли и за эшелоны, что вы выслали, спасибо.

Слышу в трубке — сплошная ругань, я продолжаю:

— Давайте говорить на чистоту, господин ротмистр. Мы вас не тронем, если вы со своими частями и всем имуществом сдадитесь нам. Подумайте. Ведь, если не сдадитесь, все равно вас догоним, и никуда вам от буденновцев не скрыться.

Ротмистр еще пуще ругается, но трубку не бросает. Тогда я говорю:

— Экий вы несговорчивый человек, господин ротмистр. Что ж, если не хотите сдаваться, даю вам прямехонький маршрут — бегите, не оглядываясь, к Черному морю, примите там холодную ванну, это успокаивает нервы.

Ротмистр бросил трубку...

ПРИКАЗ ПРОВЕРЯТЬ НАДО

Заняв Сватово, я приказал командиру 19-го полка выслать сильные разведывательные отряды в направлении Купянской. Дал указание крепко занять командные высоты недалеко от мостов. Но, оказалось, приказ мой выполнен не был. Командир полка выслал лишь мелкие разъезды, а сам, заняв большое село, на радостях после победы устроил отдых.

К вечеру со стороны Купянской внезапно появился противник. Дивизия вступила в бой, но успеха не имела и отошла к поселку. Половину селения заняли мы, другую половину—белые. Всю ночь шел уличный бой. К рассвету противник был выбит. В это время близко к станции подошел бронепоезд белых и своим огнем стал разбивать составы, стоящие на станции. Чтобы избавиться от бронепоезда, я приказал пустить на него один паровоз без прислуги. Паровоз пустили, и броневик, заметив его приближение, быстро ушел от Сватова.

6-я дивизия, находившаяся всего лишь в 10 километрах, из-за плохо налаженной связи поддержки не оказала и подошла только утром.

Между мной и командиром 6-й дивизии тов. Тимошенко разгорелась ссора. Спрашиваю Тимошенко:

— Почему не оказал поддержки?

— Я откуда знаю,—горячился он,—что у вас тут творится.

Слово за слово и начали кулаками по столу стучать. В хату вошел тов. Ворошилов; быстро разобравшись, из-за чего сыр-бор загорелся, он примирил нас.

Когда Ворошилов узнал о невыполнении приказа командиром 19-го полка и, поняв, что сегодняшние потери произошли именно из-за этого, он сказал мне:

— Ну, Городовиков, чтоб этому больше не бывать...

И уже мягче добавил:

— Проверять надо исполнение приказа, тогда толк будет...

НАХИЧЕВАНЬ—РОСТОВ

Армия продолжает наступление на Донбасс, ведя крупные бои на переправах через Донец. С боями мы подходили к Ростову. В районе Генеральского моста 6-я дивизия, шедшая в авангарде, завязала бой. Загудела артиллерия. Изучая обстановку боя, ориентируясь по выстрелам, я повернул свою дивизию в полоборота направо и быстро очутился в районе Салы, на фланге и в тылу противника. Такого

Я не выдержал..., и офицера пристрелил.

благоприятного положения и не придумаешь. Дивизия нанесла стремительный удар. Мы разгромили белых, взяли 10 000 пленных, танк и броневики.

Преследуя белых, помню, как раз в рождественский праздник, часов в 11 вечера, мы приближались к Ростову. Подходя к городу, натыкаемся на глубокий овраг около кирпичного завода, сюда выходит колено железнодорожной линии Ростов—Нахичевань—Новочеркасск. Смотрим — идет поезд. Задержали. Оказывается, белые эвакуируют офицерское, генеральское имущество, домашние вещи, обмундирование и т. д. Ну, думаем, не оставлять же такое добро. Тут же ночью, без света, распределили трофеи. Красноармейцы и командиры приоделись.

Было уже поздно, когда дивизия без шума и выстрела подошла к Нахичевани. Я выслал разъезды и сам поехал на окраину. Въезжаю в улицу, смотрю: в хате огонь и раздается пьяная казачья песня. Я иду к дому, чтобы узнать, что за люди. Только подошел к двери, навстречу мне выходит офицер, видать выпивши, посмотрел он на меня и говорит:

— А, ты калмык из Сальского округа. Я тебя знаю, я тебя разделаю.

Взял он меня за грудь и замахнулся, чтоб ударить. Я не выдержал. И хотя отдал приказ избегать стрельбы и всякого шума, офицера пристрелил.

Вошел я с буденновцами в хату. Смотрим, набилось там человек 30 казаков. Оказывается, их взводный произведен в офицеры, и пьют они могарыч. Мы, конечно, их арестовали. Выйдя на улицу, встречаем большой обоз, спрашиваем — кто, отвечают: „Уполномоченный командующего фронта из военно-санитарного управления везет медикаменты в Ростов". Обоз мы забрали.

От разъездов получаю сведения, что в Нахичевани противника нет. Выслал квартирьеров. Сам еду по улице и выбираю себе дом для ночлега. Смотрю, стоит особнячок. Подхожу к двери, стучу. Долго не открывают, наконец вышла женщина. Я спрашиваю—чей дом? Говорит—коннозаводчика Мирошниченко. А, думаю, старый знакомый. Когда-то в Сальских степях я служил у Мирошниченко табунщиком и пастухом. Спрашиваю—где Антон Харито-

нович? Хозяйка отвечает—не знаю. Посмотрели мы в доме—нет, оказывается, он убежал вместе с сыном.

В столовой Мирошниченко был накрыт стол, полный разнообразных закусок и вина. Тут мы только вспомнили, что сегодня рождество, и люди, видимо, готовились к священному обряду обильной жратвы. Ужин нам пригодился кстати. Мы были страшно голодны и быстро уничтожили яства. К ужину, примерно, в час ночи пришли к нам товарищи—Буденный и Ворошилов.

Взятие Нахичевани и Ростова буденновцами для белых было полной неожиданностью. Штабы белых ничего не знали ни об отходе своей конницы, ни о разгроме пехоты и были удивлены нашим появлением. Помню, даже мальчишки, продававшие газеты, на что дотошный народ, сначала приняли нас за белых. Вышел я утром из дому, ко мне подбегает газетчик и предлагает утренний выпуск:

—Купите свежую газетку! Масса новостей! Красные разбиты под Ростовом! Фронт в 120 километрах!..

Высланные мною патрули захватывали в городе гуляющих офицеров.

Вот дежурный приводит четверых офицеров, спрашиваю:

—Откуда?

—Из станицы Аксайской. Приехали в Ростов за девочками.

—Разве вы не знали, что город большевики заняли?

—Понятия не имели! В сводке говорится, что фронт около 100 километров от Ростова. Мы и сейчас не верим, что вы взяли город.

Офицеры сильно перетрусили. Как сейчас помню, они попросили воды и пили как лошади, видать, жарко стало от неожиданной встречи.

К утру я задремал, но был разбужен артиллерийской стрельбой.

Посадив на две грузмашины бойцов с двумя станковыми пулеметами, поехал в центр города. Вижу наступающую вдоль улиц пехоту.

С колокольни стучит пулемет. Считая невыгодным принять конный бой в центре города, отвел дивизию к ст. Нахичевань, в рабочий поселок.

ПЕРЕД БАТАЙСКОМ

В оттепельные февральские дни 1920 г. белые бежали из Ростова и отошли на Дон. Впереди лежал неприступный для нас Батайск, где отлично укрепилась добровольческая армия. Все наши атаки заканчивались неудачей. На ровной, как доска, местности пулеметы противника снимали обильную жатву. Бесплодность атак была очевидна, но командарм товарищ Шорин упорно приказывал снова и снова итти в наступление.

Наступила ростепель. Дороги обмякли. Через Дон можно было пройти только через единственый мост в Нахичевани. Все это затрудняло работу крупных конных масс.

Манычское направление фронта бездействовало, армии подошли к долине Маныча и остановились, задержанные топью его болот. Части Кавказского фронта были утомлены и обессилены эпидемией тифа. И поэтому помощь их была слабой. Войска испытывали острую нужду в продовольствии, в фураже и боевых припасах.

Успешно отбивая атаки, белые усиленно готовились к решительному наступлению. Близлежащие тыловые базы подбрасывали им вновь сформированные части, обмундирование и вооружение. Тысячи подвод, автомашин, десятки поездов перевозили теплое белье, снаряжение, снаряды, патроны, танки, аэропланы. Все это в спешном порядке выгружалось с английских кораблей, стоявших на рейде в Новороссийске.

Огражденная труднопроходимыми долинами Дона и Маныча белая армия накапливала силы и укреплялась.

Новые попытки конной армии, двинутой в наступление, без взаимодействия с пехотой, на Хомутовскую, были безуспешными. Гибли люди, кони, терялась уверенность бойцов.

Командарм тов. Буденный и член РВС тов. Ворошилов обратились в Реввоенсовет республики со специальным донесением о нецелесообразности подобного использования конной армии командующим Кавказского фронта Шорипым.

Вскоре командующим был назначен М. Н. Тухачевский. Новый командующий быстро оценил обстановку. Он пере-

группировал наши силы, после чего армии фронта, заняв исходное положение, должны были перейти в решительное наступление.

Первой конной тов. Тухачевский дал в наступлении почетную задачу — быть тем клинком, которым должна была быть разрублена на стыках Донская и Кубанская армии белых.

10 февраля Первая конная получила приказ: „Тесня и сбивая фланги Донской и Кубанской армий, прорваться в район ст. Тихорецкой к 21/II — 20".

План Тухачевского был смел и решителен. Смысл его заключался в том, чтобы охватить белых с правого фланга, сковать их силы на левом (Ставрополь—Армавир) и прорваться в центре.

ДЕВУШКА В ПЕНСНЭ

Вспоминается любопытная деталь. Трудно сказать почему, откуда это повелось, но конноармейцы очень не любили людей, носящих пенснэ.

Человек в пенснэ без всяких разговоров причислялся, как тогда выражались, к „гнилым интеллигентам".

Человеку в пенснэ исключительно трудно было добиться установления душевных отношений с конноармейцами. Помнится, что часто наши политработники, чтоб „не портить отношений" с буденновцами, сознательно воздерживались от ношения пенснэ.

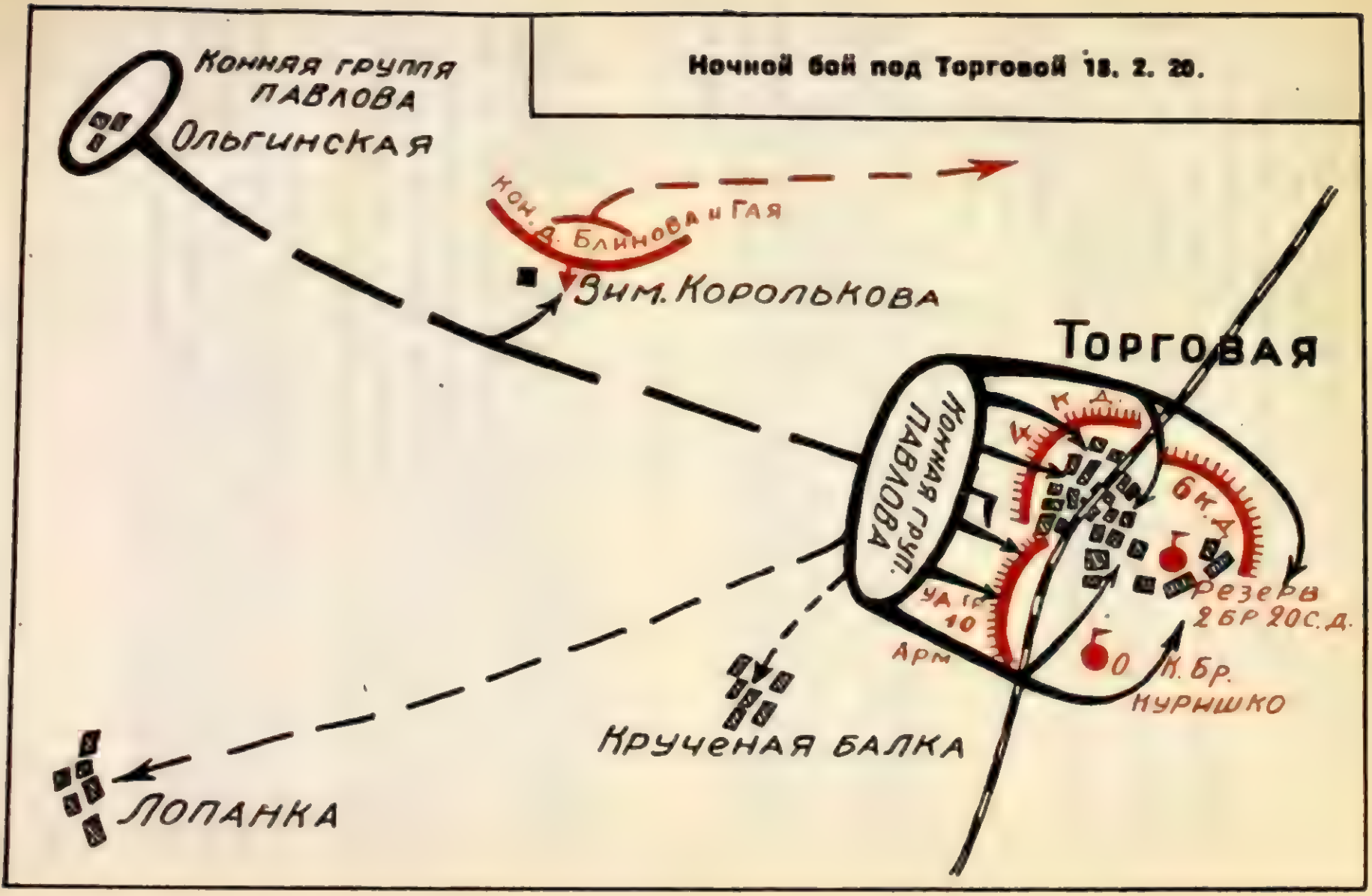
Вот пример того, как один вид человека в пенснэ вызывал ничем не оправданную злобу.

После занятия Нахичевани я остановился в одном доме. У хозяйки было три дочери, одна носила пенснэ.

И вот однажды приходит ко мне на квартиру комендант штаба дивизии, бывший донской казак, Иван Андреевич Зотов спрашивает встретившуюся ему в дверях девушку:

— Не скажете, где начдив?

Девушка надела пенснэ, посмотрела на коменданта и ответила:


Ночной бой под Торговой 18. 2. 20.
Конная группа Павлова
Ольгинская
Кон. д. Блинова и Гая
Зим. Королькова
Торговая
Конная груп. Павлова
4 к. д.
6 к. д.
Резерв 2 бр 20 с. д.
Уд. гр. 10 Арм
К. бр. Куришко
Крученая балка
Лопанка

— Не знаю.

Зотов сразу рассердился:

— Как это не знаешь!

— Да так, я не караулю вашего начдива.

Зотов начал грубить:

— Ах ты, змея очкастая. Гниль ты интеллигентная. Да я тебя в порошок сотру...

В это время я вошел в комнату. Гляжу — девушка в слезах.

— Что случилось?

Девушка обрадовалась моему приходу и попыталась замять инцидент:

— Да ничего, товарищ начдив. Так поспорили.

Я обращаюсь к Зотову:

— Ты чего тут грубиянишь?

Комендант поправил чуб, вытянулся вструнку, приложил руку к козырьку и дрожащим голосом, едва сдерживая волнение, говорит:

— Да как же, товарищ начдив. Вышла эта самая, гляжу — пенсне. Ну я не удержался и сам не знаю почему ругаться начал. Вы уж простите, вспылил из-за очков этих интеллигентских.

ТОРГОВАЯ

14 февраля части Кавказского фронта двинулись в наступление на Манып. С боем заняли Екатериновку, Ново-Манычское, Баранниковское. Отступая, белые оставляли на пути много убитых и раненых.

Допрашивая пленных, удалось выяснить, что на участке 10-й армии действовали части 1-го и 2-го кубанских корпусов. Выяснилось, что в этот же день белые хотели перейти в наступление, но, упрежденные нами, были вынуждены обороняться.

Все попытки белой конницы прорваться в тыл наступающих дивизий закончились неудачей. Кубанская кавалерийская дивизия 2 го конного корпуса из района Ново-Манычской пыталась прорваться на ст. Великокняжескую, но была рассеяна нашей 20-й стрелковой дивизией.

Около 10 часов, в день наступления четвертая кавдивизия, имея в авангарде 3-ю бригаду, выступила на Шаблиевку. Реввоенсовет конной следовал за нами.

Поздним вечером, совершивши 50-километровый марш, мы подходили к Шаблиевке. Впереди шла перестрелка и слышались взрывы снарядов; 50-я стрелковая дивизия в 3 километрах от Шаблиевки развернулась для боя. Цепи белых и огонь бронепоездов, курсировавших по железной дороге, сильно задерживали наступление.

Выходило, что 50-я стрелковая должна заночевать под Шаблиевкой.

А день был ветреный, морозный.

Перспектива такого ночлега никак не устраивала. Командарм, вызвав комдива 50, приказал ему свернуть части дивизии, а авангардной бригаде (4-й кавдивизии) ринуться в атаку на Шаблиевку.

Помню, как сейчас, с несколькими красноармейцами я вышел на рекогносцировку к железнодорожной будке в полутора километрах севернее Шаблиевки.

Сумерки не укрыли нас. Белые открыли пулеметный огонь. Прикрываясь сугробами снега, я пытался рассмотреть расположение пехоты противника. Вдруг с северной окраины Шаблиевки бросился в атаку на нашу группу конный отряд беляков.

Удирали мы поспешно и с „потерями", — подбежав к коню, я обнаружил отсутствие галоши на левом сапоге. Это меня сильно раздосадовало: было холодно, и сапог „просил каши".

Разведка убедила, что времени терять не стоит. Тачанки 3-й бригады были брошены вперед. Конная атака завершила дело. Противник смят. Белые побежали в направлении Воронцовское — Торговая. Бронепоезда, густо дымя, ушли на Торговую.

Ночь.

Выслав сторожевое охранение, поехал докладывать командарму об исходе атаки: 150 пленных, 1 орудие, обозы. А главное — теплый ночлег.

Повара готовили ужин.

Положение сторон и идея командования Кавказского фронта по проведению Донско-Манычской операции

(охват правого фланга, прорыв в центре и сковывание правого фланга)

Отдохнув после боев, стрелковые дивизии 10-й армии в ночь на 17 февраля выбили 1-й кубанский корпус из района Торговая — Воронцовское. Здесь сосредоточились 20, 34, 50-я стрелковые дивизии, отдельная кавбригада т. Куришко; 32-я стрелковая дивизия занимала Новый Егорлык, выбив оттуда части 2-го кубанского корпуса.

С утра в Торговую подошли 4-я и 6-я кавдивизии. К этому времени подоспела и 11-я кавалерийская. Командование Первой конной решило утром 19 февраля продолжать наступление.

Совпадение осей наступления Первой конной и стрелковых дивизий 10-й армии выявило необходимость единого управления. Приказом командарма 10, 20, 34 и 50-я стрелковые дивизии, под командованием тов. Великанова, перешли в оперативное подчинение командарма конной.

Такое объединение пехоты и конницы давало большой простор для маневра.

Вскоре комдив 20 получил первое донесение о столкновениях с разъездами противника. Захваченные пленные рассказывали, что на Торговую двигаются 1-й и 4-й донские кавалерийские корпуса во главе с генералом Павловым, численностью до 15 тысяч сабель. Нам стало известно, что командование белых, узнав о нахождении в Платовской буденновской армии, сняло с фронта эти корпуса из района ст. Богаевской и бросило их на Торговую. Белогвардейцы хотели разгромить Буденного.

В итоге боя в районе станицы Королькова кавдивизия тов. Гая была отброшена на ст. Платовскую, а 23-я стрелковая была почти целиком уничтожена белыми, и комдив Азин попал в плен.

Положение становилось серьезным, стык между 9-й и 10-й армиями оказался незащищенным.

Дежурные по штабу армии телефонировали всем командирам стрелковых дивизий: „Командующий приказал срочно явиться на совещание..."

Обсуждение создавшейся обстановки было внезапно прервано. Беспорядочная стрельба началась во всех концах Торговой с 23 часов.

С [illegible]еском и шумом неслись по станице повозки.

— Белые окружили, — орали перепуганные обозники; нахлестывая коней, они мчались во весь опор, сея панику и смятение.

Действительно, со всех сторон в Торговую прорвались части генерала Павлова. На улицах, во дворах, в хатах разгорелся огневой, штыковой и кулачный бой. Тяжко ухал трехдюймовками белый бронепоезд. Снаряды били и своих, и чужих.

Белые, ворвавшись в станицу, бросились по квартирам отогреваться. Номера наших полков совпали с номерами полков противника, это было причиной ряда курьезов.

— Ты какого полка?—спрашивал буденновец неожиданно ввалившегося „гостя".

— Такого-то — отвечал „гость".

— Чего жы ты втесался в чужую дивизию—спрашивал „хозяин" и, рассмотрев погоны, хватался за винтовку или шашку или просто кулаками отстаивал свое право на квартиру — право на жизнь...

Наконец, после ожесточенных уличных боев мы окончательно вышибли белых из Торговой на двадцатипятиградусный мороз, в безлюдную степь.

Пламя неприятельских костров опоясало юго-западную окраину станицы. Окоченев от холода, белогвардейцы жгли скирды соломы, разбросанные в степи.

Так не удалось генералу Павлову заночевать в Торговой.

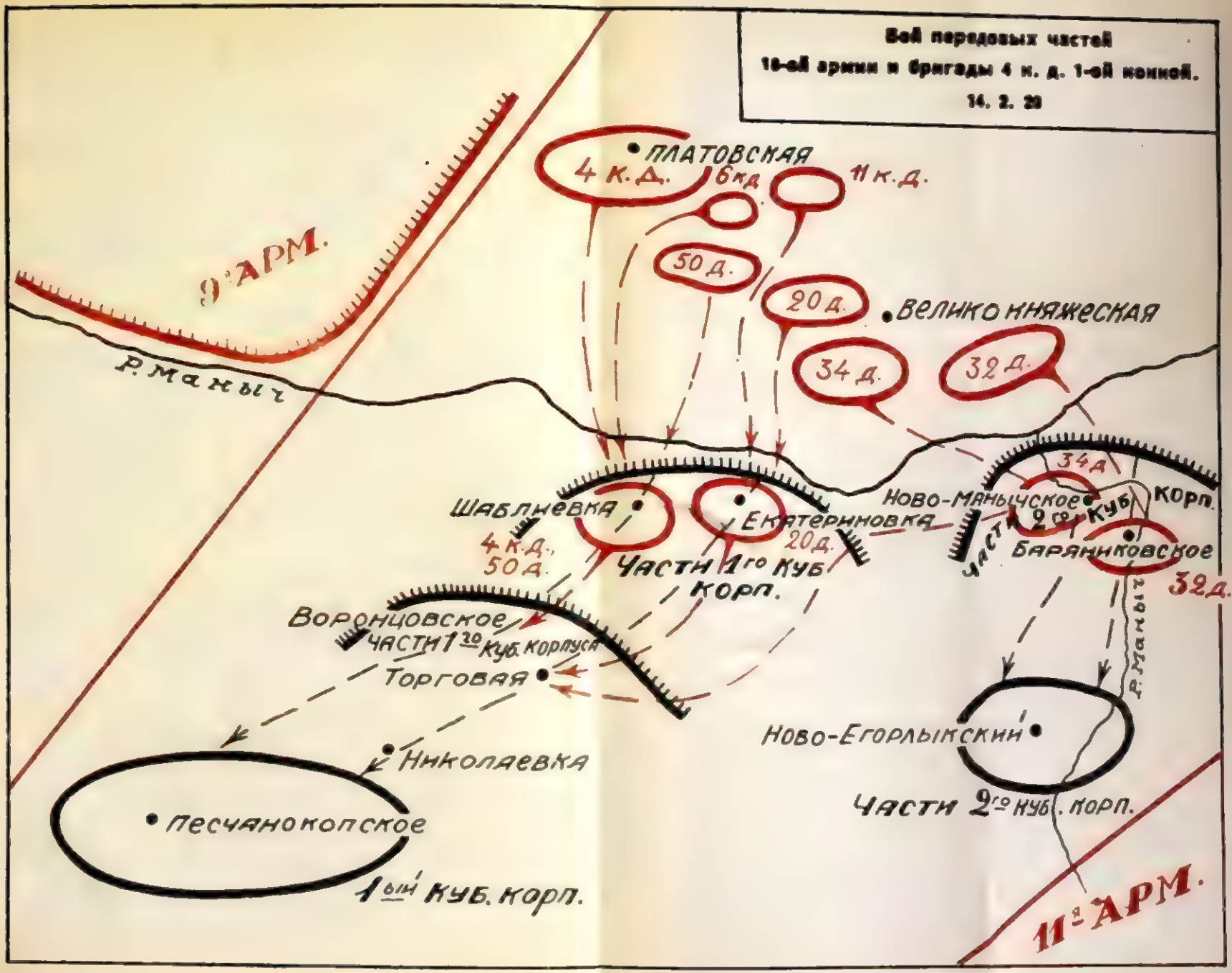
К рассвету противник отошел в направлении Крученой Балки — Лопанки.

Утром мы подвели итоги ночного боя: около 400 человек убитыми в бою, 2 тысячи замерзли в степи — таков урон белых, и до двух тысяч вышло из строя.

Бой за Торговую стоил Павлову не дешево.

СМЕРТЬ МИРОНЕНКО

Разорвав связь между Донским и Кубанским корпусами, командование Первой конной задумало операцию уничтожения 1-го кубанского корпуса. В своем приказе от 21 февраля тов. Буденный поставил задачу стрелковым диви-


Бой передовых частей
10-ой армии и бригады 4 к. д. 1-ой конной.
14. 2. 20
9-я АРМ.
Р. Маныч
ПЛАТОВСКАЯ
4 к. д.
6 кд
11 к. д.
50 д.
20 д.
ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ
34 д.
32 д.
34 д
Ново-Манычское
Части 2-го Куб. Корп.
Баряниковское
32 д.
Р. Маныч
Шаблиевка
4 к. д.
50 д.
Екатериновка
20 д.
Части 1-го Куб. Корп.
Воронцовское
Части 1-го Куб. корпуса
Торговая
Николаевка
Песчанокопское
1-ый Куб. корп.
Ново-Егорлыкский
Части 2-го Куб. корп.
11-я АРМ.

зиям сковать с фронта 1-й кубанский корпус, а конным дивизиям, выйдя на Белую Глину, решительным ударом разгромить кубанцев.

Накануне второй годовщины создания Рабоче-Крестьянской Красной армии 4-я дивизия выступила в авангарде Первой конной.

Утро 22 февраля выдалось пасмурное, мелкая изморозь густой пеленой закрывала горизонт, зябко отряхивались кони. Подскакал боец с донесением. На клочке бумаги, видать наспех, написано:

„Крупные силы конного противника занимают поселок Ново-Корсунский."

Надо принимать быстрое решение и подготовить дивизию для встречи с врагом. Узнав о нашем продвижении, белые наперерез нам ринулись в атаку. Но мы успели уже развернуться. Сокрушительным ударом с флангов разгромили четыре полка „непобедимых" мамонтовцев.

Праздник второй годовщины Красной армии мы встречали, окрыленные победами.

Рано утром горнисты играли седловку. Ночью получено донесение, что Горькая Балка занята белой пехотой. Загрохотали батареи. Бригады пошли в атаку и ворвались в станицу.

В Горькой Балке внезапной атакой 4-й дивизии была разбита гренадерская дивизия Кубанского корпуса. Мы взяли в плен около 4 тысяч человек, из них 70 офицеров, 100 пулеметов и 15 пушек. Пленные казаки были направлены в Средний Егорлык, а офицеры — в Белую Глину.

На железной дороге показались дымки — это быстро приближались со станции Белоглинской три белогвардейских бронепоезда. Конные батареи открыли огонь. Первые снаряды угодили под колеса. На минуту стрельба с бронепоездов прекратилась, и в этот момент, пользуясь замешательством, бригада тов. Мироненко пошла в атаку. Спешившиеся бойцы под пулеметным огнем бесстрашно метали гранаты в бойницы. Стремительность атаки ошеломила прислугу бронепоездов. Из вагонов выскакивали люди и, группируясь, отходили в степь.

Наблюдая за полем боя, я увидел, как подскакавший близко к бронепоезду покачнулся в седле комбриг Мироненко и свалился с лошади. Верный конь, как вкопанный, остановился рядом. Смерть бесстрашного и всеми любимого комбрига в первое мгновение ошеломила бойцов, но затем взбешенные и разъяренные они бросились в погоню за отступавшими.

Мы нагнали белых уже километрах в десяти от бронепоездов. Увидя нас, они начали отстреливаться, и мы не могли сразу их атаковать. Я, что есть силы, во весь голос крикнул им: „Сдавайтесь, будете живы, не порубаем!" Они продолжали отстреливаться. Тогда мы их атаковали, и тут многие в страхе подняли руки.

Как сейчас помню командира корпуса генерала Кржижановского. Он лежал, положив голову на новенький карабин, к нему подскакал командир моего взвода ординарцев. Генерал Кржижановский поднялся и говорит командиру взвода, глядя на его штаны с лампасами:

— Я бывший казак и ты казак — не убивай меня.

Командир взвода слез с коня, вынул шашку, подошел к генералу и, глядя прямо в глаза, сказал:

— Прими смерть от донского казака!

Голова генерала, лежавшая на новеньком карабине, отделилась от туловища...

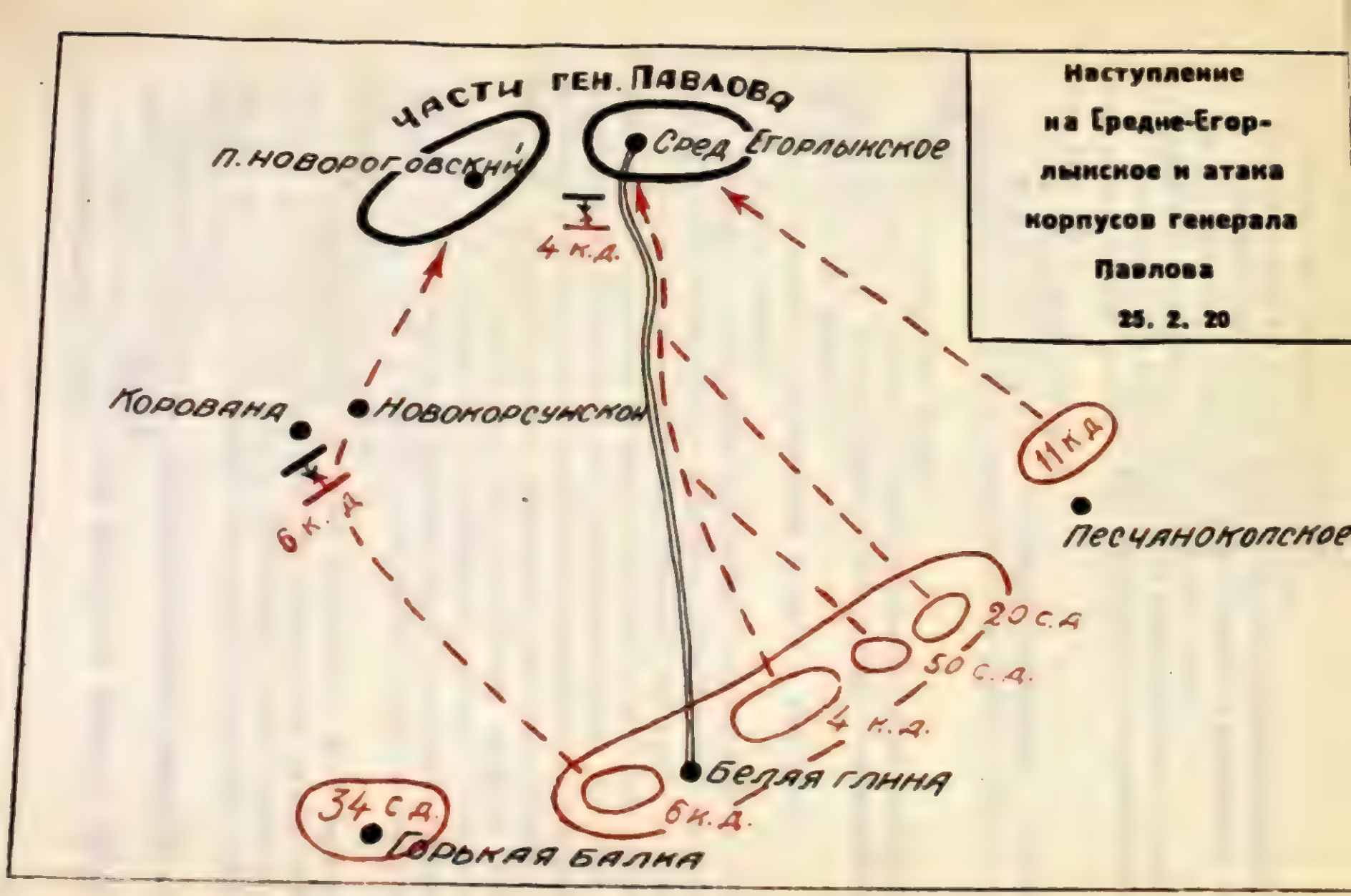
К вечеру моя дивизия подошла к с. Белая Глина.

ОПЯТЬ ГЕНЕРАЛ...

Как оказалось впоследствии, под прикрытием взятых нами бронепоездов со ст. Белоглинской отходил штаб 1-го кубанского корпуса. Офицеры и штабные команды сидели в бронепоездах, думая прорваться на ст. Ея.

По проселочной дороге на меня во весь дух мчались маленькие ковровые санки. В санках сидел закутанный в меховую шубу старик. Увидев группу всадников, седок толкнул кучера в спину и приказал остановиться.

— Здравствуйте, куда едете? — обратился я к старику. Разглядев на нем офицерскую папаху, про себя подумал:


Наступление
на Средне-Егорлыкское и атака корпусов генерала Павлова
25. 2. 20
ЧАСТИ ГЕН. ПАВЛОВА
П. НОВОРОГОВСКИЙ
Сред. Егорлыкское
4 к.д.
Корована
Новокорсунское
6 к.д.
11 к.д.
Песчанокопское
20 с.д.
50 с.д.
4 к.д.
Белая глина
6 к.д.
34 с.д.
Горькая балка

— Опять на генерала нарвался...

Старик ответил весьма приветливо:

— Здравствуйте... Штаб корпуса еще на ст. Белоглинской?

— Да, еще там. А вы куда торопитесь? — продолжал я расспрашивать старика, едва сдерживая смех.

— Вон там, — он махнул рукой на северо-восток — красные обходят мою бригаду. Еду спросить — отступать или еще драться...

— А вы знаете, кто мы?..

— Мне до вас дела нет, — сердито огрызнулся старик и, повернувшись к кучеру, толкнул его в спину. — Ну, трогай, черт!

Конем я загородил дорогу.

— Сивчук, — подозвал я красноармейца, давно мозолившего мне глаза рванью своего полушубка, — поменяйся-ка с генералом шубой.

Громко смеясь, я наклонился с седла к генералу.

— Теперь узнали?

— Узнал, — подавленно промычал старикашка и послушно стал раздеваться с помощью проворного Сивчука.

... У Белой Глины пачками сдавались кубанцы. Основные части Кубанского корпуса отходили в юго-восточном направлении. Посланные для преследования две бригады в районе хутора Христко забрали в плен последние части кубанцев. 1-й кубанский корпус прекратил свое существование.

Вечером в Реввоенсовете мы подсчитали трофеи: 6000 рядовых, 200 офицеров, 2 оставшихся в живых генерала, корпусная артиллерия, миллионные запасы патронов, снаряжение, около 1000 лошадей — достойный подарок второй годовщине Красной армии.

Товарищ Ворошилов за чаем беседовал с захваченным мною генералом. Старик плакался, уверяя, что он на войну не хотел итти, что жил в Краснодаре, имел чувячную мастерскую, трех работников... жил мирно, тихо да, вот, мобилизовал Деникин...

Климентий Ефремович приказал поместить генерала отдельно от других пленных.

— Отпустите завтра, пусть идет, куда хочет, — приказал он коменданту штаба.

СРЕДНЕ-ЕГОРЛЫКСКАЯ

Разгромив Кубанский корпус, наши дивизии 22 февраля стянулись в Белую Глину. Отдыхать после каждого крупного дела было в традициях буденновцев и, нужно сказать, делали это умело. День, два, а то и три отсыпались, чинились, начищались, откармливали лошадей.

Армия набирала новые силы.

В основе буденновской политики отдыха лежало тонкое знание психологии бойца.

— Долго ли еще стоять будем, скучно... пора бы и в дело пойти,— начинали вести разговор отдохнувшие бойцы. И чем дальше, тем настойчивей и нетерпеливей рвались в бой. Так создавался один из элементов моральной устойчивости — восстанавливались силы людей, так накапливался наступательный порыв, всегда отличавший Первую конную.

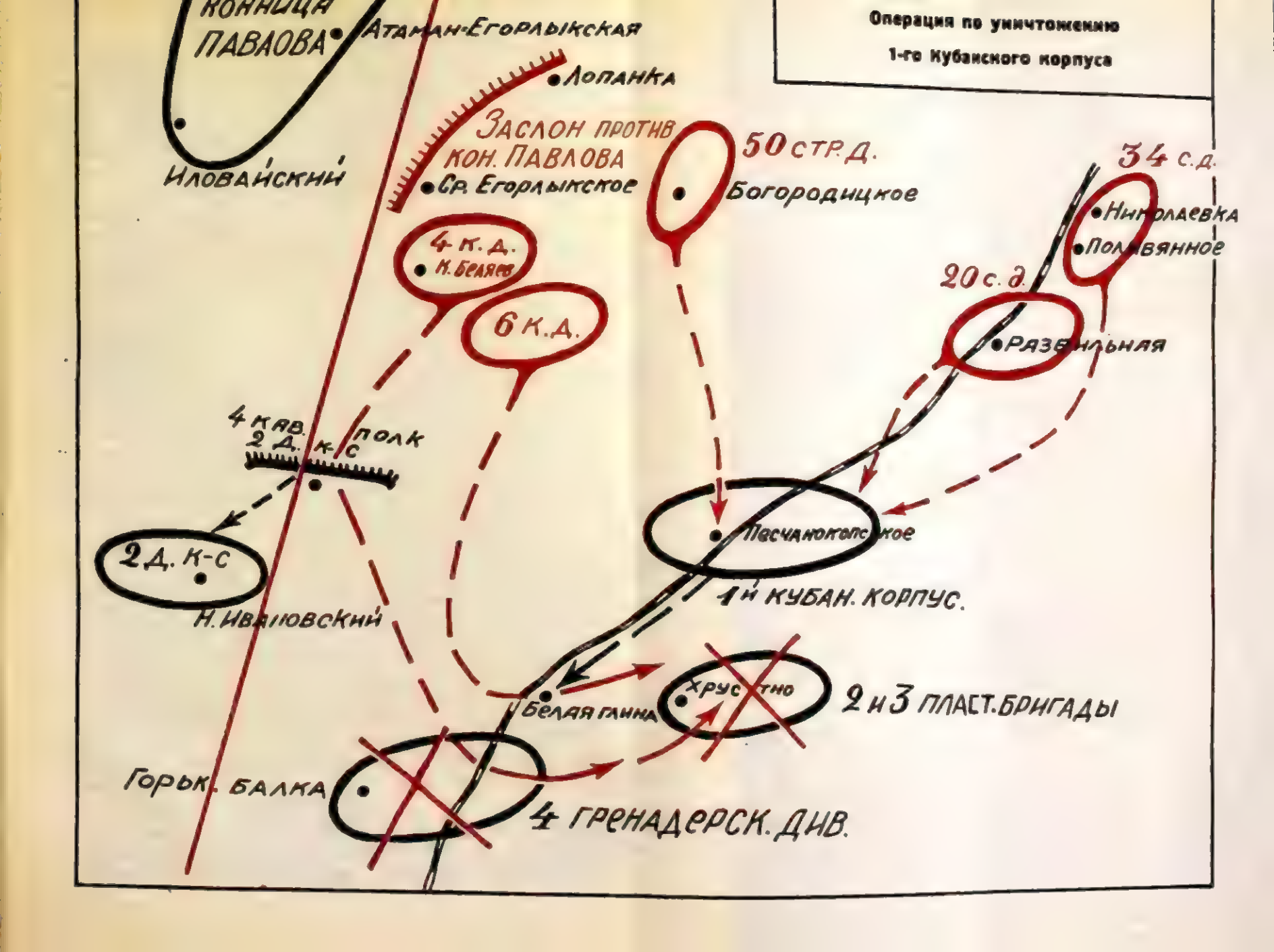
Мы отдыхали...

Конные корпуса генерала Павлова, отброшенные после боев под Торговой, занимали Атамано-Егорлыкскую—поселок Иловайский, держались пассивно, видимо подкрепляясь частями, подходившими из Ростова. Бригада 2-й кавалерийской дивизии, выделенная в заслон по линии Егорлыкская — Лапанка, имела лишь небольшие стычки с неприятельскими разъездами. Для прикрытия Тихорецкого направления в Горькую Балку — Хутор Паюровский была переброшена 31-я стрелковая дивизия и две бригады 11-й кавалерийской. Наш правый фланг опасения не внушал. 32-я стрелковая дивизия и отдельная бригада тов. Куришко держали в страхе 2-й кубанский корпус.

Отдых был прерван. Превосходные силы генерала Павлова оттеснили 11-ю кавдивизию с ее позиции.

Это меняло обстановку. Иметь у себя в 30-верстном тылу сильную конницу белых — опасно.

Ранним утром 24 февраля заработала разведка дивизии. Донесения разъездов показывали, что противник группируется в Средне-Егорлыкской—поселок Ново-Роговской, в остальных направлениях белых обнаружено не было.


Операция по уничтожению
1-го Кубанского корпуса
КОННИЦА
ПАВЛОВА
Атаман-Егорлыкская
Лопанка
Заслон против
кон. Павлова
Ср. Егорлыкское
Иловайский
50 стр. д.
Богородицкое
34 с. д.
Николаевка
Поливянное
20 с. д.
Развильная
4 к. д.
К. Беляев
6 к. д.
4 кав. полк
2 д. к-с
2 д. к-с
Н. Ивановский
Песчанокопское
1-й Кубан. корпус.
Хрустно
2 и 3 пласт. бригады
Белая глина
Горьк. балка
4 гренадерск. див.

Выходило, что, наступая на Тихорецкую, Первая конная встретит слабое сопротивление.

В тылу же оставались недобитые корпуса генерала Павлова. Наступление на Тихорецкую имело горячего сторонника в лице командира 50-й стрелковой дивизии тов. Ковтюха. Он горячо убеждал всех:

— Тихорецкую забрать надобно... Приказ комфронта читали?

— Ну, читали...

— Так вот Тихорецкая это же важная станция!

Отрежем железные дороги, нарушим снабжение, — не сидеть белым ни в Ростовском, ни в Ставропольском направлениях, а кроме того, в Тихорецкой гибель всякого имущества...

Последний довод и определял стратегию тов. Ковтюха. Дело в том, что его дивизия была наиболее плохо обеспеченной, и запасы Тихорецкой пленили комдива.

Тов. Буденный вместе с Ворошиловым совершенно правильно ставят для армии задачу:

„Уничтожение конницы Павлова составляет первоочередную задачу. Тихорецкая может подождать...“

25 февраля командование Первой конной отдало приказ о наступлении на Средне - Егорлыкскую.

Выдался скверный февральский день: туман и изморозь пронизывали тело. Рытвины и кочки на плохой, теряющейся дороге тормозили движение. В голове 4-й кавдивизии шла вторая бригада, с первой бригадой следовали Буденный и Ворошилов. Плохая видимость затрудняла разведку местности.

К восходу солнца туман начал рассеиваться.

Время от времени я выскакивал вперед на курганы, пытаясь увидеть свою разведку. Пересеченная балками, степь скрывала разъезды. Нигде ничего не видно и не слышно. По всем предположениям Средне-Егорлыкская была недалеко, но смущала подозрительная тишина, не напороться бы на неожиданный сюрприз.

В один из очередных выездов на курганы, я остановился изумленный... В трех километрах от меня, в балке, конные корпуса. Сомнений не было — конница противника.

Артиллерийский дивизион с открытой позиции молниеносно открыл огонь по скученной коннице. Не ожидавшие такого внезапного столкновения белые заметались, беспорядочно разорвав свой контур. Нельзя было упустить такого момента...

Со второй бригадой я бросился в лобовую атаку, а Буденный и Ворошилов на бешеном карьере повели за собой первую бригаду, охватывая павловцев слева, в направлении на Егорлык, отрезая пути отхода противника.

Наша стремительность окончательно деморализовала белых.

Бросив 28 орудий, 100 пулеметов, обоз, они в панике бежали. Десять километров на полевом галопе преследовали мы белую конницу. Зажатая тисками параллельного и фронтального преследования основная группа войск генерала Павлова была разбита лихим, внезапным ударом Шестая кавалерийская дивизия в районе хутора Каравана одновременно с четвертой нанесла сильнейшее поражение правофланговым частям Павлова.

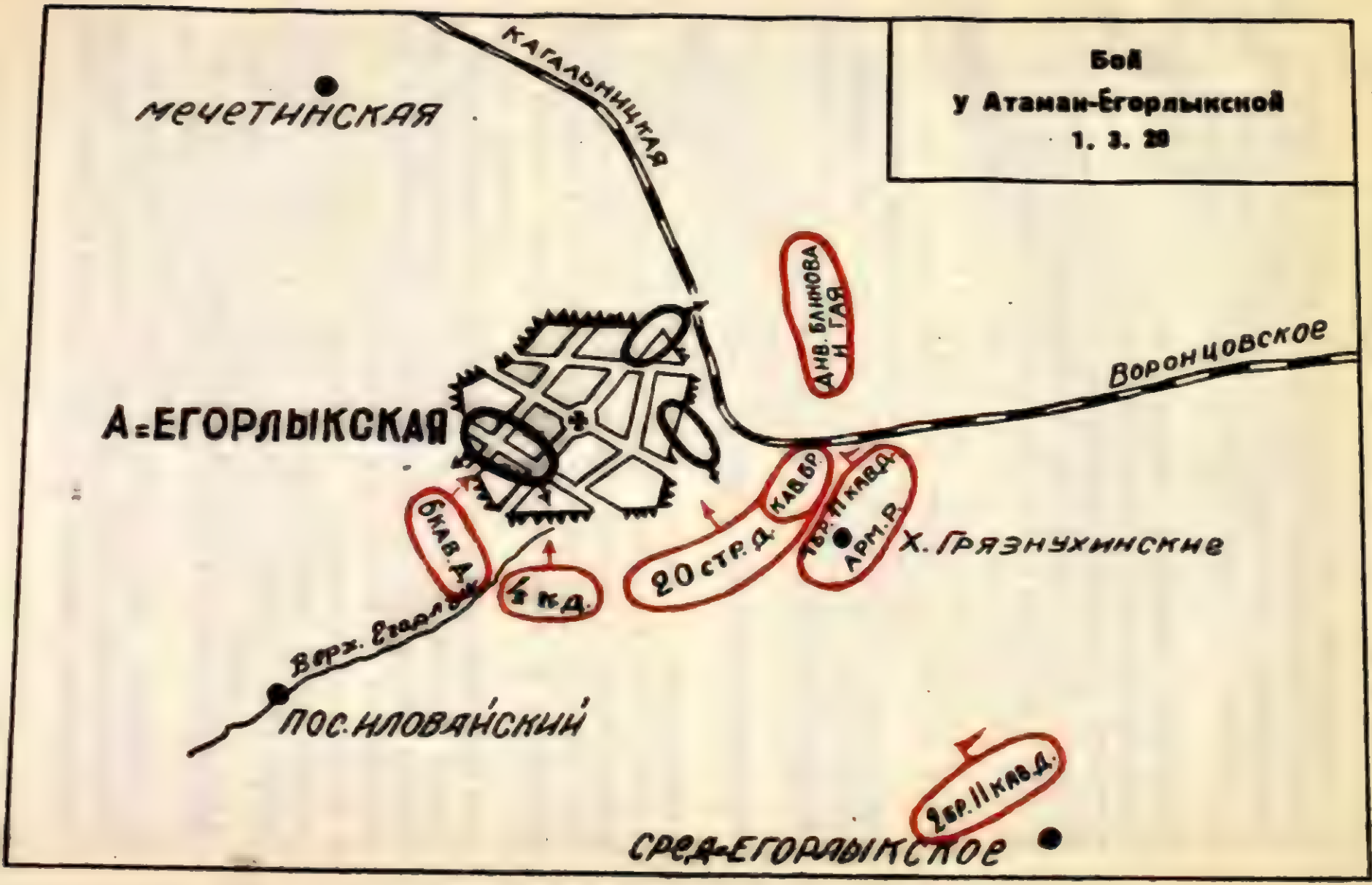
Разгром был полный, остатки белых корпусов панически уходили на северо-запад к Атаман-Егорлыкской.

АТАМАН-ЕГОРЛЫКСКАЯ

Громадные запасы боеприпасов, снаряжения и продовольствия остались нам в повозках, брошенных по степи. В запряжках бродили, брошенные белыми, испуганные голодные кони. Такая нежданная добыча пришлась очень кстати: части, в особенности стрелковые, были снабжены плохо, одежда износилась, патроны и снаряды были на исходе.

Распределение захваченного происходило следующим оригинальным способом: вызывались начальники снабжения дивизии и, получив по карте участок, организовывали сбор всего, что там находилось. А находилось не мало.

Бойцы приоделись в новенькое английское обмундирование, артиллерийские парки пополнились огнеприпасами, и домовитые начхозы ломали голову над тем, как везти собранный фураж и продовольствие.


Бой
у Атаман-Егорлыкской
1. 3. 20
МЕЧЕТИНСКАЯ
КАГАЛЬНИЦКАЯ
А-ЕГОРЛЫКСКАЯ
ВОРОНЦОВСКОЕ
ДНВ. БЛИНОВА И ГАЯ
6 КАВ. Д.
4 КД.
20 СТР. Д.
КАВБР.
1 БР. II КАВД.
АРМ. Р.
Х. ГРЯЗНУХИНСКИЕ
ВЕРХ. ЕГОРЛЫК
ПОС. ИЛОВАЙСКИЙ
2 БР. II КАВ Д.
СРЕД-ЕГОРЛЫКСКОЕ

Отдыхая в Средне-Егорлыкской, мы вели разведку в направлении Тихорецкой и Атаман - Егорлыкской. Противник, подавленный неудачами, активности не обнаруживал, но чувствовалось, что он собирает силы и готовится к решительной схватке.

На остальных участках фронта положение оставалось чрезвычайно неопределенным. Девятая и одиннадцатая армии вели разрозненные бои и не продвигались вперед. Несмотря на наши успехи, положение Первой конной и 10-й армий было изолированно: выдвинувшись на 75 километров вперед от линии фронта, у себя сзади мы имели незащищенный участок между 9-й и 11-й армиями. Каждую минуту следовало ждать, что белые используют брешь и ворвутся в тыл. И тогда нам придется драться в окружении.

Медлить было нельзя, и 28 февраля Первая конная, при поддержке малочисленных дивизий Блинова и Гая, повела наступление на Атаман-Егорлыкскую—поселок Иловайский. Эти действия успеха не имели.

Хорошо укрепившийся, численно превосходивший противник отбивал наши атаки.

Положение с каждым днем становилось напряженнее. К Атаман-Егорлыкской подошла отборная пехота добровольческого корпуса, четыре бронепоезда с дальнобойной артиллерией и из-под Батайска стягивались остатки конницы белых — корпус генерала Юзефовича и отдельные казачьи бригады.

Командование белых, видимо, главным противником считало Первую конную и потому поставило задачу — покончить с буденновской армией. Численно противник превосходил нас по количеству сабель и штыков в два с половиной раза. Баррикады и укрепления Атаман-Егорлыкской и поселка Иловайского давали ему еще большее превосходство. Наличие у белых 4 бронепоездов с дальнобойной артиллерией определяло и их артиллерийский перевес.

Мы были вынуждены развивать наступление, иначе Первой конной грозил разгром.

Артиллерийский обстрел белые начали издалека. Но укрываясь за холмами и в балках, дивизии продвигались без особых потерь. В полдень 20-я стр. дивизия подошла к юж-

ной окраине станицы, правым флангом примыкая к линии железной дороги. 4 я кавдивизия укрылась в глубокой балке реки Верхний Егорлык. Кавдивизии Блинова и Гая несколько раз безуспешно пытались подойти к северо-восточной окраине станицы — огонь бронепоездов и контратаки белой конницы отбрасывали их далеко в степь

20-я стрелковая дивизия медленно, но неуклонно продвигалась вперед, тесня белых к станице. По ее адресу раздавались возгласы бойцов и командиров - конников.

Ай, да двадцатая... жми их, гони гадов!..

За несколько дней совместных действий все успели полюбить боевую и стойкую двадцатую дивизию.

— С такой пехотой воевать не страшно, не убежит! — так характеризовали конники боевые качества действительно прекрасной 20-й стрелковой дивизии.

... Гул артиллерийской канонады и трескотня ружейной и пулеметной стрельбы, иногда заглушаемые криками, сливались в грозный шум.

Ожидая решительного момента, Первая конная готовилась к атаке.

Около 16 часов одна из бригад двадцатой дивизии овладела юго-восточной окраиной станицы. Белые начали стягивать резервы. Момент для нашей атаки был удобный, и 4-я дивизия, развернувшись, лавиной двинулась на юго-западную часть Атаман-Егорлыкской...

На одно мгновение канонада стихла, и наступила тишина, только слышно было, как мчатся кони. Но это продолжалось мгновение. Сотни снарядов, жужжащие стаи пуль вновь полетели на нас. На сильном скаку падали лошади и люди.

Линии атаки поредели, разорвались и... дрогнули.

Никогда не отступавшие 19-й кавполк и часть батареи, теряя убитых и раненых, круто повернули назад.

На свежих застоявшихся конях вынеслись в погоню конные части белых, охватывая дивизию с левого фланга. Но не оставил в беде сосед-командир 6-й дивизии, друг Тимошенко. С двумя бригадами он бросился наперерез скачущему врагу, врезался в белых и отбросил их в Иловайск.

Звенели клинки в многотысячной конной схватке

К этому времени пехота 20-й дивизии заняла станцию Атаман и успешно продвигалась вперед на северную окраину. Разгадав план нашего наступления, белые подбросили из поселка Иловайского новые конные части. От пленных, взятых в бою, стало известно, что в станицу из-под Батайска только что прибыл — гордость белой армии — офицерский кавалерийский полк.

Короткий зимний день шел к концу. Успехи пехоты, теснившей белых, опять создавали перевес для нас. И оправившийся 19-й кавполк, батареей открыв огонь, снова ринулся в атаку.

И снова шквальный огонь противника расстроил ряды атакующих. Четвертая дивизия снова повернулась вспять. Конница белых бросилась вслед, опять охватив левый фланг. На отличных донских скакунах, впереди остальных частей несся в дикой скачке офицерский кавалерийский полк...

Ветром пустил я коня, скача к 3-й бригаде, которая была в резерве, чтобы бросить ее навстречу преследующему врагу.

Бригада ринулась в атаку.

Сбоку ко мне подскочил рослый детина, заглядывая в лицо.

— Ты куда бежишь, — закричал я на него, — видишь, 3-я бригада в рубку пошла... Назад!

— Товарищ комдив, — крикнул коновод — да ведь это белый!

В руках белогвардейца сверкнул окровавленный клинок. Выстрелом из маузера я опередил его. Грузно, словно нехотя, донец сполз с коня.

Отходившие полки 4-й дивизии ринулись на белых с фронта.

Все перепуталось. Где свои, где белые — разобрать невозможно. Как косы под правкой косарей звенели клинки в многотысячной конной схватке.

Наконец обозначился исход боя — мелкими разрозненными кучками белые бежали в Атаман-Егорлыкскую. Поле сплошь было усеяно трупами. Носились без седоков кони, кое-где продолжали рубиться отдельные группы.

Офицерский кавалерийский полк был вырублен начисто.

20-я стрелковая дивизия в это время вступила в Атаман-Егорлыкскую. Лишь северо-западная окраина, забаррикадированная и усиленная отошедшими частями, продолжала упорно обороняться.

В сумерки мы вошли в станицу. Ночь была беспокойно тревожной: отдельные сотни белых просачивались в наше расположение и поднимали стрельбу.

На рассвете белые оставили станицы и, отступая, потянулись на юг. Иловайский — Гуляй Борисовку — ст. Мечетинскую.

К Атаман-Егорлыкской были стянуты лучшие силы белой армии, и здесь конная армия окончательно их разгромила.

Оголенный фронт других участков способствовал переходу 1,1 и 2-й армий в решительное наступление, увенчавшееся крупными успехами на всех направлениях.

БЕГСТВО „ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ"

Белой армии Юга в бою под Атаман-Егорлыкской был нанесен сокрушительный и непоправимый удар. 2 марта, с занятием Тихорецкой, отступление белых превратилось в паническое бегство. Разбившись на три основные группы, они отходили так: Донская армия и часть оторвавшихся кубанцев — на Екатеринодар — Новороссийск; Кубанская армия — на Майкоп — Туапсе; Добровольческий корпус — на нижнее течение реки Кубани, через станицу Тимашевскую.

По непролазному от мартовских дождей кубанскому чернозему гнали наши дивизии жалкие остатки „вооруженных сил Юга России".

О сколько-нибудь серьезном сопротивлении белогвардейцы и не помышляли. Моральное разложение охватывало белую армию. Сотнями сдавались в плен донцы и кубанцы, множество дезертиров оседало среди местного населения, с единственным желанием отсидеться до лучших времен и вернуться домой.

Очень яркую характеристику этого периода дает генерал Деникин в своих исторических мемуарах.

„И десятки тысяч вооруженных людей шли вслепую, шли покорно, куда их вели, оказывая повиновение в обычном распорядке службы, отказываясь только итти в бой.

А вперемежку между войсками шел народ, — бездомный, бесприютный, огромными толпами, пешком, верхом и на повозках, с детьми, худобой и спасенным скарбом. Шел неведомо куда и зачем, обреченный на раззор и тяжкие испытания“ [1]

Кубанцы беззастенчиво грабили донских беженцев. Воззвания и резолюции большого донского круга, звавшего к единению Кубани, Терека и Дона, призывавшие к единению против „грабителей“—большевиков, — все это шло насмарку. От непрочно сшитого „единения“ не осталось ничего.

Мне вспоминается следующий случай.

Во время преследования встречались тянущиеся назад донцы, имущество которых было ограблено домовитыми кубанцами. Одного такого кряжистого старика, шедшего с кнутом под мышкой, я остановил.

— Здорово, станичник!

Здравия желаю... — старик остановился, видимо подбирая для меня титул — Господин дивизионный генерал.

— Домой двигаешь?

— Так точно.

— А где же худоба, имущество?

Безнадежно махнул рукой станичник и прослезился.

— Присвоили недобрые люди...

Усмехнувшись, я спросил донца:

— Видно забыл свои обещания „младший брат“ (младшим братом донские атаманы называли Кубань и Терек)?

Осмелевший и расстроенный воспоминаниями о потерянном имуществе донец расхрабрился и начал пушить „младшего брата“ в самых отборных выражениях...

---

[1] Деникин. „Поход на Москву“ стр. 240.

Командование белых, изверившись в возможность привести в порядок деморализованные части, питало тщетную надежду задержать наше преследование у реки Кубани, надеясь на поголовное восстание кубанского казачества. Но насколько верили в осуществимость такого плана его создатели, свидетельствует высказывание того же генерала Деникина.

„Представитель союзных держав, обеспокоенный стратегическим положением Юга, просил меня высказаться откровенно относительно предстоящих перспектив.

Мне нечего было скрывать:

— Оборонительный рубеж — река Кубань? Подымется казачество? Наступление на север? Нет, — эвакуация в Крым!“ [1]

17 марта 20-я стрелковая дивизия заняла город Екатеринодар — ныне Краснодар, 20 марта Первая конная овладела районом Майкопа, 27 марта передовые части вступили в Новороссийск. Белогвардейские заправилы удирали вместе с пожитками в солнечный Крым, куда сбегались остатки белых армий.

Первая конная, победно закончив донско-манычскую операцию, расположилась на отдых и для ремонта конского состава в Майкопе.

Я хочу остановиться вкратце на выводах по донско-манычской операции.

ОШИБКА ШОРИНА

Применение командующим Кавказского фронта тов. Шориным дивизии Первой конной для фронтальных атак Батайска, где конница несла большие и ненужные потери, следует признать неудачным и несоответствующим природе конницы.

Командование фронтом, казалось, забыло о способности конницы к гибкому маневру и сокрушающему удару при ее массированном применении.

---

[1] Деникин „Поход на Москву“, стр. 244.

В то время белая армия, ограждённая водным рубежом Дона и топью низин реки Маныча, искусно маневрировала своей конницей по внутренним направлениям.

Конные резервы белых внезапно появлялись в „узких" местах нашего наступления и, нанеся короткий, энергичный удар, уходили в другие районы с такими же задачами. Примерами отличного использования белой конницы в то время могут служить наши крупные неудачи под Батайском и Хомутовской.

Первая конная, теряя свои лучшие силы, терпела поражения. Командование Первой конной, в лице товарищей Ворошилова и Буденного, неоднократно предлагало командующему фронтом использовать Первую конную в другом оперативном направлении, с другими родственными для конницы задачами. Командующий упорно отмалчивался. Это понудило РВС 1-й конной телеграфировать председателю Реввоенсовета республики следующее донесение:

„С 12 января последними директивами командующего Кавказским фронтом, конная армия была брошена одна в бой без общего наступления всех армий. В ожесточенных боях, между 12 января и 2 февраля, конная армия потеряла 3000 кавалеристов и лошадей. Необходимы срочные меры по усилению пехотных частей в районе Манычская и немедленный переход в наступление по всему фронту. Красная кавалерия истекает кровью в неравных боях. Конский состав уменьшился вдвое и приходит в полную негодность. Только безотлагательные экстренные меры смогут спасти положение. Все мои обращения командующему фронтом остались без результата. Жду срочных распоряжений".

Буденный. Ворошилов.

РИСК ТУХАЧЕВСКОГО

Смена командующего фронтом принесла и смену оперативных замыслов. Вновь назначенный командующим М. Н. Тухачевский решил перейти в наступление с ударом

на правом фланге, сковыванием на левом и прорывом в центре в направлении Тихорецкой. Это было смелое и умное решение задачи в тот напряженный момент.

Тов. Варин, разбирая в своей книге этот план тов. Тухачевского, пишет:

„Выбранное командующим фронтом для удара направление от Великокняжеской на Тихорецкую было бесспорно решающим, но имело рискованную сторону, причем риск здесь был не относительный, а безусловный.

Правда, при сложившейся обстановке только ценою риска можно было добиться победы, но зато при неуспехе нас ожидало полное поражение. Дело в том, что лучшие и наиболее сохранившиеся части противника были сосредоточены к юго-востоку от Ростова, причем противник достаточно ясно обнаружил свои намерения прорвать наш фронт в районе Новочеркасска. Удача в этом направлении выводила противника в тыл нашим главным силам, которые — надо им отдать справедливость — были очень слабы (не более 40 000 бойцов), и тем не менее кавказское командование еще ослабляло это направление, снимая отсюда конницу Буденного, направляемую на главное направление..."

Подтверждая удачно выбранное направление и момент прорыва, генерал Деникин так оценивает обстановку того периода:

„Успехи на главном направлении окрыляли наши войска надеждами. Казалось, далеко еще не все потеряно, когда „разбитая армия" в состоянии наносить такие удары лучшим войскам Северо-Кавказского большевистского фронта... 26 января я отдал директиву о переходе в общее наступление северной группы армии, с нанесением главного удара в новочеркасском направлении и захватом с двух сторон Ростово-Новочеркасского плацдарма. Наступление должно было начаться в ближайшие дни, и к этому

времени ожидался выход на усиление Кубанской армии пополнения новых дивизий. В эти предположения вторгнулись два обстоятельства:

1) 30 января получено было сведение, что Первая конная советская армия перебрасывается вверх к Манычу на тихорецкое направление.

2) Неустойчивость Кубанской армии: центр ее был прорван, и неприятельская конница 10-й армии пошла вверх по реке Б. Егорлыку в тыл Торговой, угрожая сообщением с Тихорецкой. Советское командование, изверившись в возможность опрокинуть наш фронт с северо-востока, изменило план операции, перенеся главный удар по линии наименьшего сопротивления от Великокняжеской на Тихорецкую силами 10-й и 1-й конной армий. Приходилось разрубать узел, завязавшийся между Великокняжеской и Торговой — разбить там главные силы противника. Генерал Сидорин выделил наиболее сильную и стойкую конную группу генерала Павлова (10 — 12 тысяч), которому была дана задача, следя вверх по Манычу, совместно с 1-м корпусом ударить во фланг и тыл конницы Буденного[1a].

Отрицать рискованность намеченной тов. Тухачевским идеи прорыва не приходится. Вспомним, что к концу февраля между 9-й и 11-й армиями образовался 75-километровый ничем не защищенный участок. Но здесь и надо сказать о чрезвычайно правильной оценке положения командованием Первой конной. Вместо того, чтобы итти от Средне-Егорлыкской на Тихорецкую, армия быстро повернула и неожиданно обрушилась на недобитые конные корпуса Павлова и, разгромив их, ликвидировала и опасность прорыва в промежутке между 9-й и 11-й армиями.

Сомнения тов. Варина за новочеркасское направление, как мы знаем, не оправдались. Временное занятие Ростова 20 февраля 1920 года было локализовано событиями у

---

[1] Деникин „Поход на Москву", стр. 237 — 238.

Торговой и у Белой Глины. Генерал Деникин свидетельствует это так:

„Между тем, для отвлечения силы и внимания противника, направлявшего удар конной и 10-й армий в тихорецком направлении, началось наступление наших войск на северном фронте — на Ростовском участке (7 февраля старого стиля). Добровольческий корпус, нанеся поражение 8-й советской армии, стремительной атакой овладел городами Ростовом и Нахичеванью.

Успех, вызвавший большое впечатление и взрыв преувеличенных надежд в Екатеринодаре и Новороссийске. Так же удачно было наступление Донского корпуса генерала Гусельщикова, захватившего на путях к Новочеркасску станицу Аксайскую, порвав железнодорожное сообщение между Ростовом и Новочеркасском и взяв такие богатые трофеи. Еще восточнее, в низовьях Маныча дрались успешно против конницы Жлобы и Думенко конная группа генерала Старикова, дошедшая до станицы Богаевской.

Это были последние светлые проблески на фоне событий на фронте. Движение на север не могло получить развития, потому что неприятель — Первая конная армия Буденного и части 10-й — выходил уже в глубокий наш тыл к Тихорецкой. Добровольческий корпус оставил по приказу Ростов и отошел на Дон."

Таким образом становится совершенно очевидной правильность идеи прорыва Первой конной на Тихорецкую. Прорвавшись в глубокий тыл, громя и уничтожая противника, Первая конная создала успех на главном направлении Кавказского красного фронта.

Нужно сказать, что без поддержки стрелковых дивизий 10-й армии, переданных 18 февраля в оперативное подчинение тов. Буденного, эффект действий Первой конной был бы незначителен. Хоть и немногочисленные, но стойкие 20, 34 и 50-я стрелковые дивизии, в особенности

двадцатая, вместе с ее геройским командиром тов. Майстрах, были центром круга, от которого исходили маневры Первой конной.

Стрелковые дивизии развязывали нам руки от мелочных забот, 20-я стрелковая дивизия не раз поддерживала нас в бою, являясь надежной, сковывающей группой. Это гармоничное сочетание конницы и пехоты пришло, правда, в результате боев по одному и тому же направлению, но применение его в таком крупном масштабе впервые за гражданскую войну блестяще себя оправдало.

РОКОВАЯ ОШИБКА ГЕНЕРАЛА ПАВЛОВА

Сидевшая на отличных конях, отдохнувшая и численно нас превосходящая белая конница представляла серьезного врага. Удачно нацеленная для ликвидации нашего прорыва на Тихорецкую, она в последующих боях наделала много ошибок, буквально стоивших ей жизни.

Первую оплошность допустил генерал Павлов, совершавший со своей группой форсированный марш из района станицы Богаевской на Торговую для уничтожения Первой конной. Свою 12-тысячную группу всадников, желая опередить Первую конную, генерал повел через безлюдные Сальские степи, считая, что в обозначенных на карте хуторах коннозаводчиков он найдет жилье, продовольствие и фураж.

Павлов совершил роковую ошибку: хутора были разрушены, запасы сена или сожжены или израсходованы, и в трескучие морозы его конница оставалась 4 дня без продовольствия и фуража, ночуя в степи.

Белогвардейские летописцы так описывают этот неудачный марш оскандалившегося вконец генерала:

> „4 февраля из штаба Донской армии Павлову была послана телеграмма с приказанием дать дневку частям, причем в штабе предполагали, что Павлов, отправляясь от хутора Веселого, где он находился, к Торговой, пойдет на Манычи воспользуется для дневки станицей Платовской, чтобы не морозить казаков в степях.

Но Павлов, стремясь как можно скорее столкнуться с Буденным, нашел необходимым итти по необитаемому левому берегу Маныча, по безлюдным степям, без дорог, по компасу.

4 февраля (старого стиля. О. Г.) атаковал Торговую, где чуть было не захватил в плен самого Буденного, но атака была, благодаря мятели и морозам, разрозненной, а поэтому и неудачной. Павлов принужден был отойти к станице Егорлыкской. Во время этого похода, благодаря сильному морозу и ветру, благодаря полному отсутствию жилья, половина корпуса в буквальном смысле слова вымерзла 4 дня шла донская конница по безлюдным степям. В 24-градусный мороз с сильным ветром буквально негде было остановиться и укрыться от холода. Ночевали в необитаемых зимовниках донских коннозаводчиков.

Вместо 10 тысяч шашек после этого рейда, по строевому рапорту, в отборной группе осталось 5 с половиной тысяч шашек. Это был колоссальный удар для „вооруженных сил юга России". Правда, 7 февраля добровольцами был взят Ростов, но какое это могло иметь значение, когда не была разбита живая сила противника, и конница Буденного заходила далеко в тыл со стороны Торговой на Тихорецкую, когда фронт и тыл были потрясены тем уроном, который понесла от морозов донская конница. Из разговоров с участниками рейда создалось вполне определенное убеждение, что казаки, с яростью, с вполне понятным озлоблением ругавшие комсостав, особенно генерала Павлова, заморозившего тысячи человек, все же не теряли бодрости.

Этот форсированный марш был одной из важнейших причин, погубивших конную группу. Стояли жестокие морозы и мятели. Донские степи по левому берегу Маныча, которыми

решил идти Павлов, были безлюдны, редкие хутора и зимовники не могли дать крова и обогреть такую массу людей. Страшно изнуренная, потерявшая без боя почти половину своего состава замерзшими, отмороженными, больными и отставшими, угнетенная морально, конница Павлова 6 февраля (старого стиля. О. Г.) подошла в район Торговой. Попытка захватить этот пункт не удалась, и генерал Павлов отвел свой отряд в район ст. Егорлыкская — сел. Лежанки.

Совершенно иное мы наблюдаем в Первой конной. Здесь забота о сохранении сил людского и конского состава заставила командование несколько уклониться от направления, данного как ось, для наступления Первой конной. Первая конная прошла по наиболее жилым местностям и сохранила свою живую силу перестроенной, сытой, готовой к бою. 60 километров „крюка" истории не создали.

ГЕНЕРАЛ ПРОСЧИТАЛСЯ

Вторая грубая ошибка Павлова заключалась в том, что он допустил полное пренебрежение к разведке, ограничиваясь теми данными, которые получил от агентуры и пленных.

Как выяснилось впоследствии, бой под Средне Егорлыкской Павлов проиграл из-за чрезмерной уверенности в превосходстве своих сил, также во многом и благодаря тому, что легкомысленно оценил обстановку и свой удар направил на наши пехотные части.

Имея сведения о том, что Первая конная двинулась на Тихорецкую, в этот день Павлов приказал своим корпусам двинуться в наступление на Белую Глину. Свой приказ обосновал так:

> „Буденный, по полученным сведениям, сегодня пойдет на Тихорецкую, а если двинется за конницей, то во всяком случае отстанет. Наша задача сегодня — разбить пехотные части в районе

Белая Гвина, а потом завтра всеми силами ударить в хвост конницы Буденного в Тихорецком направлении."

Ученый генерал со своим штабом основательно просчитался. Неожиданной атакой с флангов Первая конная вдребезги разбила конницу Павлова.

ВСЕГО ЛИШЬ УНТЕР-ОФИЦЕР..

Последнее замечание относительно использования белой конницы в решающем бою под Атаман-Егорлыкской.

Сидевшая в станице и ограниченная задачами контратак (численно в два с половиной раза превосходившая) белая конница могла сыграть большую роль, если бы командование белых взяло на себя труд подумать о возможности выйти на наш фланг и тылы. Укрепленная и забаррикадированная Атаман-Егорлыкская возможность такого маневра без излишнего риска безусловно допускала.

Так, учась в боях, на своих и чужих ошибках, выковывала Первая конная армия свою боевую и тактическую выучку.

Вчерашние рабочие, батраки, крестьяне, командовавшие эскадронами, полками, дивизиями и армией, в целом крепко сплоченные вокруг партии, умно и бесстрашно громили генеральские корпуса и армии.

Донско-манычская операция, стяжавшая неувядаемую славу для Первой конной, как и последующая борьба показали, на что способны руководимые партией революционные массы и их командиры в дни отчаянных и решающих схваток с врагами революции.

Ведь не секрет, что в свое время иностранцы были очень удивлены искусным решением С.М. Буденным стоявших перед ним тактических и стратегических задач. Разбирая его действия, неизменно именовали тов. Буденного генералом. Этот „титул" так укоренился за рубежом, что потребовалось официальное сообщение Народного Комиссариата по военным и морским делам, в котором указы-

валось, что „хотя товарищу Буденному приходилось и приходится бить русских, польских и французских генералов, сам он — бывший унтерофицер, член коммунистической партии.

МАЙКОПСКАЯ ПЕРЕДЫШКА

Преследуя белых, мы дошли до Майкопа. Противник был разбит, и сдался, жалкие остатки его разрозненными группами рассыпались в горах. Наша конница преследовала их мелкими отрядами.

После разгрома вооруженных сил Юга — Первая конная расположилась в районе городе Майкопа, штабы сосредоточились в самом городе.

Реввоенсовет Первой конной, в лице товарищей Ворошилова, Буденного и Щаденко, решил устроить торжественный обед в честь ликвидации деникинской армии.

Город Майкоп был по преимуществу купеческим. В нем находились магазины: гастрономические, кондитерские и пр., принадлежавшие до нашего прихода купцам. Узнав о приближении красных, „отцы города" бежали с белыками — сынки их служили в белой армии. В магазинах сидели купчихи.

Им и было предложено „обеспечить" этот обед помещением и продуктами, на 100, примерно, человек.

Договорились об оплате за наличный расчет под расписку.

Купчихи, затая в душе злобу и ненависть к нам, с лицемерной готовностью и любезностью взялись за приготовления.

Обед был устроен в роскошном зале одного из крупных купеческих домов.

Хозяйки дома — их было трое — пожилые (лет сорока и старше) важные и тучные (пудов этак по 6 — 7) „гостеприимно" прислуживали нам.

Буденный начал знакомить нас.

— Позвольте представить, — сказал он, указывая на меня. — Японский генерал Окамма.

Я с преувеличенной вежливостью расшаркался.

Лица женщин просветлели: вот это желанный гость! Настоящий генерал! Но почему он с красными? Стали рассаживаться.

Торжественный обед открыли Ворошилов и Буденный. Они выступили с речами, в которых поздравляли нас с крупной победой над врагом, угнетавшим пролетариев юга России, Деникиным. Они говорили о том, что нужно быстрее привести себя в порядок, что этот успех не прекращает дальнейшей борьбы, что каждую минуту мы можем ожидать в иных районах новых выступлений контрреволюционной своры.

Пожелав нам успеха в будущем, командование предложило приступить к обеду.

Когда застучали ножи и вилки, хозяйки дома подсели ко мне.

— Ах, генерал!—сочувственно воскликнула одна из них.— У вас такая прекрасная цветущая родина! „Страна Восходящего Солнца" — ведь так называют Японию?

Такое название я слышал впервые, но тем не менее утвердительно кивнул головой.

— Что же вас привело сюда в страну нищеты, разорения и ужасов? — продолжала купчиха.

— Видите ли, — ответил я, — во время русско-японской войны я попал в плен, так и остался здесь. Привык. А теперь воюю вместе с красными, хочу уничтожить контрреволюцию.

Я плохо говорил по-русски, а мой калмыцкий акцент свободно сошел за японский.

Женщины с изумлением посмотрели на меня и всплеснули руками.

— Ах зачем, зачем вам это нужно, генерал!

На минуту все замолкли. Воспользовавшись паузой, я занялся жирной белой рыбой, лежавшей передо мной на тарелке.

Купчихи, оправившись от неожиданного расстройства, стали атаковать меня с другой стороны.

— У вас, наверно, на родине осталась жена, дети, да?

Жена моя и две дочери находились в это время в Сальских степях, Донской области, занятой белыми, где я жил раньше, — и я тут же, не сморгнув глазом, „перебросил“ их в „Страну Восходящего Солнца“.

— Да, в Японии у меня осталась жена и две дочери. Вот я и решил, как покончу с беляками здесь, пойду отвоевывать свою семью у японской буржуазии.

Этот довод окончательно расстроил хозяек, но они примирились с тем, что я все-таки генерал, да еще иностранный.

Разговор наш переключился на географию.

— А скажите, генерал, у вас там есть такие острова...? (Последовали названия трех японских островов).

Признаться, в то время я не знал географии Японии.

Ну, думаю, попал в историю! Но тут же сообразил: если я мог свою семью так быстро „перебросить“ в Японию, почему же я не могу сделать географической „переброски“? Есть же у нас на Дону целый ряд калмыкских названий местностей, где я жил. Почему я не могу их выдать за японские?

— Э! ответил я, подняв указательный палец (вместе с вилкой). — Это они, острова-то эти, по-русски, так называются.

А по-нашему, по японски, они называются так: остров Бургуста, остров Эльмута, остров Шарабулук.

Кучихи, очевидно, были не сильны в географических познаниях.

— Ах вот оно что!... протянули они, с уважением глядя на меня.

— А правда ли, генерал, — обратилась ко мне самая молодая из хозяек, лет этак сорока, правда ли, что очень жарко на острове (опять последовало какое-то жуткое японское название)...?

— По-японски он Хатамбулак называется, — вежливо и с достоинством поправил я. О, да! Там очень жарко! Невозможная жара! Там с 1 июля по 1 сентября нельзя даже за женщинами ухаживать.

— Почему? — заинтересовались кучихи.

— Да потому, — невозмутимо ответил я, — что женщины в такую жару страшно потеют.

Купчихи совсем смутились: японский генерал, воспитанный человек и говорит такие вещи! Но преклонение перед иностранцем заставило их перебороть свое смущение, и наша беседа продолжалась...

Две недели стояли мы в Майкопе.

Расквартированные по станицам отдыхали бойцы и командиры. Армия получила возможность привести себя в порядок. Спешно ремонтировался конский состав; тысячи лошадей, брошенных деникинцами при отступлении и бездомно шатавшихся по Черноморскому побережью, вылавливались по станицам, лучшую часть мы отбирали для пополнения конского состава дивизий.

Часть сдавшихся в плен под Новороссийском донцов и кубанцев изъявили добровольное желание служить в Красной армии.

Какие соображения ими руководили? Нужно полагать, что большинство преследовало шкурнические цели, надеясь службой в рядах революционной армии заслужить себе прощение советской власти и обеспечить беспечальное существование по окончании войны.

После незначительной фильтровки около 3 тысяч солдат (деникинцев) влились в Первую конную. Офицерский состав, более тщательно пропущенный через мандатную комиссию, пополнил недостаток в командном составе[1].) Имея такие резервы, армия получила возможность увеличить количество своих соединений. Была вновь сформирована 14-я кавалерийская дивизия, в составе, примерно четырех тысяч всадников.

Дни передышки проходили быстро. Международная обстановка, особенно на польской границе, внушала серьезные опасения.

---

[1] На польском фронте мы за это поплатились. Было два случая перехода к полякам частей, составленных из военнопленных. (О. Г.).

Политработники, командиры, развернув карту Польши, обсуждали вопрос...

ПОЛЬСКИЕ ПАНЫ РАЗЖИГАЮТ КОСТЕР ВОЙНЫ

Политработники, командиры, собираясь вечерами, раздобыв карту Польши, возбужденно обсуждали вопрос:

— Будет война или нет?

Газетные сообщения были тревожны. Бойцы забрасывали политработников вопросами — что будем делать, если грянет война?

Наиболее смелливые и прозорливые предугадывали, что дело явным образом идет к войне, — об этом свидетельствовали действия польского правительства, стягивавшего к границе свои войска.

Советское правительство проводило по отношению к польскому народу последовательную политику мира. Даже в критический момент начала 1920 года, когда у советских границ усиленно шло накопление польских войск, эта политика продолжала оставаться неизменной.

В своих нотах польскому правительству 28 января и 6 марта правительство РСФСР заявляло о своем желании мирным путем разрешить все территориальные и экономические вопросы сторон. 2 февраля ВЦИК обратился с воззванием к польскому народу, в котором заявлял: „Стремление к миру с Польшей есть искреннее и глубочайшее желание рабочих и крестьян советской России" — и призывал польский народ „покончить с кровопролитной войной, дабы оба народа могли начать войну с гнетущими их последствиями: холодом, голодом, тифом и безработицей„.

Польское правительство выжидательно и таинственно молчало, и только лишь 27 марта от него поступило предложение начать переговоры в г.Борисове. Дело в том, что за этой, казалось бы деловой нотой, крылась коварная дипломатическая игра. Борисовское направление, богатое сетью железных и грунтовых дорог, по мнению польской стратегии, могло служить местом сосредоточения наших крупных вооруженных сил. Рассчитывая на успех этой провокации, польское командование на противоположном украинском направлении готовило свой удар. Эта игра была разгадана, и советское правительство предложило

перенести переговоры на территорию одной из нейтральных стран. Польское правительство по вполне понятным причинам это предложение отклонило.

Неизбежность войны с Польшей определилась еще до этих переговоров. 11 марта В. И. Ленин телеграфировал члену РВС западного фронта тов. Уншлихту:

> „Поляки, видимо, воевать будут, мы все возможное делаем для усиления обороны, надо также усилить агитацию на польском языке. Поможем вам, если надо, людьми, деньгами, бумагой".

Развязка приближалась с катастрофической быстротой. Мирное предложение советского правительства со стороны Польши поддержки не получило. В ноте от 8 апреля наше правительство, снимая ответственность за нарастание дальнейших событий, вынуждено было „перед печальной необходимостью признать крушение переговоров из-за вопроса о месте переговоров".

22 апреля глава польского государства Иосиф Пилсудский и вождь украинских мелкобуржуазных шовинистов, политический авантюрист Петлюра, самозванно носивший звание „головного атамана Украины", заключили соглашение об освобождении Украины от „произвола советской власти" совместными вооруженными действиями.

Итальянский посол в Польше Толмазини приводит в своих мемуарах текст этого договора:

> 1. Польша признавала народную украинскую республику, т. е. правительство Петлюры, и заявляла, что не признает украинского коммунистического правительства, возглавляемого Раковским.
>
> 2. Польша обязывалась уступить Украине области, принадлежавшие ей в 1772 году и расположенные между реками Припять, Днепр, Днестр, Сбруч и Горынь.
>
> 3. Польша обязывалась оказать Украине военную помощь для освобождения областей, расположенных на правом берегу Днепра, дальше которого ее войска не должны были переходить.

4. Польша обязывалась вывести свои войска из Украины как только правительство Петлюры будет в состоянии обеспечить оккупацию своими силами.

5. Украина, со своей стороны, отказывалась от всякого притязания на территории, расположенные к западу от Сбруча (т. е. восточной Галиции) и Горыни (Холмщина, Полесье и Западная Волынь)[1].

Банды Петлюры, насчитывающие всего 3 — 5 тысяч вооруженного сброда, конечно, „союзниками" считаться не могли. Но не в том было дело. Этот маневр давал польской дипломатии ореол „освободительницы" украинского народа. Шовинистическая польская печать, расписывая великодушие Польши, пыталась замазать истинную цель войны, направленной к удушению советской власти.

В. И. Ленин писал о характере этой войны следующее:

„Мы прекрасно знаем, что тот неприятель, который стоит перед нами сейчас, не страшен нам после того, что мы уже пережили, но он может потребовать новые тяжелые жертвы со стороны рабочих и крестьян, может затруднить нам во много раз наше хозяйственное строительство, привести к разорению, разрушению десятки, сотни и тысячи крестьянских хозяйств, а также своим временным успехом воскресить потухшие надежды разбитых нами империалистов, которые, конечно, не преминут примкнуть к нему"[2].

НА ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Во второй половине апреля[3] Первая конная получила приказ о выступлении в поход:

---

[1] Ф. Толмачинн — „Возрождение Польши", стр. 300 — 301.
[2] В. И. Ленин, том XXV, стр. 260.
[3] Вопрос о переброске Первой конной на юго-западный фронт был предрешен Главкомом в середине марта 1920 года (О. Г.)

„Следуя походным порядком, с попутной ликвидацией очагов бандитизма, к 1 мая сосредоточиться в районе Бердичев-Винница".

Восторженно встретили бойцы приказ о походе.

Кузнецы и их кузни работали непрерывно, тщательно ремонтируя тачанки, повозки и весь походный инвентарь.

Каждый боец старался из всех сил как можно лучше подкормить коня, подогнать снаряжение. Шутка ли сказать, какой путь предстоял Первой конной.

Со всем своим ск рбом выстроилась армия. Перед выступлением в поход провели летучие митинги и с песнями, под гармоники, с шутками, прибаутками четыре дивизии двинулись в путь через Майкоп, Ростов. Екатеринослав...

Развернутым фронтом (примерно до 100 км) по четырем направлениям Первая конная спешила туда, где панская Польша угрожала Советам.

Незабываемы дни этого исторического похода Красной конницы.

Минуя станиц ы, села, города, очищая местность от бандитов, ликвидируя кулацкие мятежи, бойцы Первой конной жаждали скорее добраться к месту назначения.

24 апреля во всей стране на страницах газет, плакатов Роста пестрели призывные лозунги:

„На западный фр нт!"

„Республика в опасности!"

Трудное это было время. Молодая неокрепшая республика организовывала все силы. Два реальных противника были у нас в то время: Врангель и панская Польша, но главным являлась последняя.

Какое значение придавалось сосредоточению сил на этом участке войны, можно судить по телеграмме В. И. Ленина РВС Кавказского фронта от 12 мая 1920 года.

Ленин писал:

> „Дивизии, которые Главком приказал отправить на Запад, должны пойти без задержек, без промедления, сами лично следите за этим. Примите меры, чтобы дивизии по дороге не уменьшались в числе и чтобы фронт их не ограбил перед отправкой. Если считаете возмож-

ным выделить дополнительно части, поднимите вопрос перед Главкомом, надо энергичнее помочь западному фронту".

Двигалась быстро буденновская армия. Вступая в города, проходя мимо крупных железнодорожных станций, наиболее рьяные „политики", а их среди бойцов было не мало, рыскали в поисках газет.

„ДЕРЖИСЬ, АНТАНТА!"

Объезжая располагавшиеся на почлег части, мое внимание привлек всадник, полскакавший к группе бойцов. Соскочив с коня и размахивая газетой, он, задыхаясь от волнения, кричал радостный и возбужденный:

— Братики, товарищи, да ведь за нас весь мировой трудящийся класс! Послухайте, что пишет газета..

Отдав ординарцу лошадь, я незаметно подошел к сидевшим у костра бойцам.

С трудом разбирая буквы на сером листе газеты, боец читал и после каждой точки добавлял почему-то про себя:

— Вот это факт!..

„Заграничные рабочие во Франции, Англии, Германии, — читал боец, — открыто выступают против войны, затеваемой Польшей против советской республики..."

Читал он медленно, и сидевшие все время поторапливали.

— Да ты быстрей, быстрей!

И когда было прочитано, что грузчики во французском порту и в Гамбурге отказались грузить оружие для отправки в панскую Польшу, не выдержал чтец и радостно заорал во все горло:

— Держись, Антанта!

Заговорили все враз, обсуждая международную политику.

На привалах, стоянках политаппарат проводил большую агитационно-разъяснительную работу как в самой армии, так и среди населения. И чем ближе к Киеву, тем восторженней встречали трудящиеся Первую конную. В городах, в рабочих поселках партийные организации проводили субботники, „неделю западного фронта", день всеобуча...

Юноши, взрослые рабочие приходили к нам, и многие со слезами просили принять добровольцами в армию.

И часто приходилось уговаривать людей:

— Да ведь ты на коне не ездил...

Но никакие доводы не помогали, и трудно было иным отказывать, но армии некогда было заниматься новым формированиями, и мы двигались вперед.

Ночами изучали будущий театр военных действий. И здесь уже карта была незаменимым моим спутником.

Линейным протяжением польского фронта можно считать его границы на севере — реки Западная Двина и Днестр. Проходящий почти в средине этой линии лесисто-болотистый район реки Припяти (Полесье) естественной границей делит эту территорию на два различных участка с присущими им своеобразными особенностями.

Весь польский фронт командованием был разделен на два театра: западный (белорусский фронт), простиравшийся от Западной Двины до северных берегов реки Припяти, и юго-западный (украинский фронт) — от южного берега реки Припяти до реки Днестра. Пространственно западный театр уступал украинскому.

Естественно, нас больше интересовал юго-западный фронт, где и должна была развернуться Первая конная армия. Степные просторы, перерезаемые реками, позволяли действовать коннице, как и в степях Северного Кавказа. Серьезную опасность внушала нам политическая обстановка, создавшаяся к тому времени в районе наших действий.

В противоположность белорусскому фронту — украинский имел чрезвычайно неспокойный, враждебно настроенный тыл. Кулацкое повстанчество, руководимое контрреволюционными национал-шовинистическими партиями, свило себе прочное гнездо на громадной территории правобережной Украины. Начиная от железнодорожной линии Слободка-Винница, бандитизм рассеял свои очаги до правого берега реки Днепра. Руководство этим движением сосредоточивалось в руках „головного атамана" Петлюры. Банды имели продуманный план действий, и борьба с ними была кровопролитная и длительная.

В первом ряду (слева направо): Сердюк, Горячев Е. И; второй ряд (слева направо): Городовиков О. И., Буденный С. М, Апанасенко И. Р. Снято в 1934 году.

Конная армия продвигалась двумя группами. В направлении Сквира шла 4-я кавалерийская и к Погребище остальные дивизии. Четырнадцатая кавдивизия, составляя армейский резерв, двигалась за 4-й.

5 бронепоездов, приданных армии, должны были действовать на участке железной дороги Умань-Казатин. До первых столкновений с польскими войсками дивизии бились с повстанческими бандами. Банды были крупные, отлично вооруженные и действующие, главным образом, в наших тылах. Надо было во что бы то ни стало обеспечить свой тыл. Поэтому наш поход проходил замедленно: бандитам давались настоящие бои. Естественно, что польское командование за это время имело все возможности установить направления нашего движения и соответственно подготовиться.

ПИЛСУДСКИЙ НЕ ВЕРИТ В КОННИЦУ

Но этого сделано не было. Главнокомандующий польскими вооруженными силами Пилсудский в то время имел ошибочное мнение относительно боевых свойств конницы и, в частности, Первой конной, в чем и пришлось польскому командованию раскаиваться. Вот что писал Пилсудский впоследствии в своих воспоминаниях о польско-русской войне 1920 года.

„Правда, к нам приближалась конница Буденного. О ее движении я имел довольно точные и верные сведения. Она совершала большой поход откуда-то из-под Ростова-на-Дону в составе 4 дивизий, причем все данные относительно их состава казались мне сильно преувеличенными. Как мною уже отмечалось, я в то время пренебрегал этим новым противником. Как известно, военное значение конницы, даже до 1914 года, в понятиях многих падало все ниже. Ей предназначалась вспомогательная роль, как например разведка или охранение флангов. И никогда не предполагалось поручать ей само-

стоятельные решающие задачи. Вместе с развитием силы огня в период огромных боевых запасов в Европе роль конницы попросту упала до нуля. Лошадей передали в артиллерию, кавалеристов поспешно переучили в пехотинцев.

Поэтому-то мне казалось просто невозможным, чтобы мало-мальски хорошо вооруженная пехота с приданной ей артиллерией и пулеметами не могла справиться с конницей при помощи своего огня. Впрочем, у меня имелось и личное воспоминание, когда в 1916 году моя бригада легионеров, стоявшая почти изолированной на фронте, уже прорванном вокруг меня, была атакована многочисленной русской конницей на полях под Костюховкой и Волочецком. Почти без артиллерии, ибо стреляла всего лишь одна батарея, ружейный и пулеметный огонь пехоты в каких-нибудь десять минут попросту смел атаковавшую конницу, пытавшуюся помешать нашему спокойному отходу. Я не мог себе представить в те времена, чтобы могли иметь место случаи, свидетелем которых мне пришлось быть впоследствии. С равным недоверием приглядывался я к методу использования конницы, чуть ли не по способу номадов, способу, сильно напоминающему старые времена, так хорошо известные нашим праотцам времена татарских набегов.

Конница, проходящая, если можно так сказать, большие пространства, не имея организованных тылов, продовольствующая людей и лошадей единственно уничтожением, подобно саранче, того, что находит на месте, влекущая с собою огнеприпасы на долгие сроки, чего не требовалось возить татарам, вооруженным дротиками и луками, — такая конница, сформированная в отдельную армию, мне казалась и кажется и теперь некоторой стратегической нелепостью. Повторяю, что я не придавал ей большого значения, и ее успехи на других советских фронтах, о чем

я имел данные общего характера, я приписывал более внутреннему разложению сражающихся с нею войск, чем действительной ценности этого способа ведения войны».

Эти „расчеты" Пилсудского дали нам возможность подходить спокойно, широким фронтом нащупывая противника.

По нашим сведениям, в войсках польского государства насчитывалось до 750 тысяч человек.

В состав вооруженных сил Польши входили:

1. Отряды польских легионеров, сформированные во время империалистической войны Пилсудским на территории Австрии.

2. Польские части из состава австро-венгерской армии.

3 Бригада легионеров, сформированная германцами во время оккупации Польши.

4. Польские части старой русской армии, созданные в 1917 г.

5. Армия генерала Галлера, сформированная во Франции из военнопленных европейских и американских поляков.

Пестрота методов тактической подготовки армейских кадров, происходящая от разных школ обучения (русской французской, германской, австрийской), исключали единство тактической мысли среди офицерского состава польской армии. Несмотря на эти погрешности, армия была вполне боеспособной и технически оснащенной. Наиболее стойкими частями были формирования из „кровных" поляков и армия генерала Галлера. Слабой боевой устойчивостью обладали 1-я и 2-я пехотные дивизии, сформированные из литовцев и белоруссов.

Тыл армии, глубоко вклинившийся в Белоруссию, из-за враждебного отношения населения оккупированных районов был ненадежным и внушал польскому командованию серьезные опасения.

Политическая работа в армии покоилась на раздувании национально-шовинистических чувств и шла под лозунгом создания польского государства в границах 1772 года, „освободительной "войны для Украины и „обороны" польского государства и западной культуры от „красного империализма.

Недостаточно развернутая военная промышленность Польши не могла удовлетворить всех заявок армии. Антанта усиленно снабжала армию всем необходимым, — втечение одного только 1920 года в Польшу было отправлено 1494 артиллерийских орудия, 290 самолетов, 2600 пулеметов, 327 тысяч винтовок. Кроме того в Польшу эшелонами экспортировались запасы обмундирования, снаряжения, военно-технического имущества.

„ПЛЕННЫЙ УЛЫБНУЛСЯ И НИЧЕГО НЕ ОТВЕТИЛ“

Закончен тысячеверстный поход, и конная армия, что называется, не слезая с коней, вступает в первые бои. По плану командования нам предстояло прорвать фронт в направлении Житомира.

Участок фронта (примерно 70 — 75 километров протяжения), на котором должна была действовать Первая конная, ограничивался на правом фланге деревней Шамраевка, Сквиры и на левом — селением Липовец. Части противника сильно укрепились в этом районе. Засев в окопы, опоясались проволочными заграждениями, минировали местность и тщательно подготовили огневую оборону.

Против нас была выставлена 13-я пехотная дивизия; по свидетельству полковника французской службы Клеберга, она являлась лучшей в польской армии. На рассвете 26 мая Первая конная двинулась в наступление в общем направлении на Казатин. Командование армии в первую очередь задалось целью определить группировку сил противника, так как имевшиеся сведения не были исчерпывающими.

Первая встреча с поляками выпала на долю 4-й дивизии.

Выслав разведывательный отряд, я вскоре услышал, как после короткой ружейной перестрелки ввязались в бой пулеметы, загрохотали орудия. Сильный отряд поляков бросился на разведчиков. Но вырвались из лощины на выручку подоспевшие эскадроны 19-го полка и сокрушающей атакой смяли польскую кавалерию.

Надо сказать, что даже для меня, не раз видевшего лихие атаки буденновцев, была удивительной та бешеная атака и рубка, с какой обрушились буденновцы на польскую кавалерию. Бойцы, видимо, хорошо понимали, какое устрашающее впечатление произведет на нового противника первый удар.

Мы столкнулись с авангардом кавалерийской дивизии генерала Карницкого, направленного польским командованием для действий на правом фланге и в тылу у Первой конной.

Разгром авангарда и устрашающее впечатление первой атаки буденновцев действительно поколебали уверенность поляков в конном бою.

Припоминается допрос пленного поляка. Пленник, молодой вылощенный офицер, прекрасно говорил по-русски. Он с нескрываемым удивлением и растерянностью наблюдал за нашими командирами, приходившими в комнату.

При допросе он говорил:

— Мы знали давно, что конная армия прибудет на Украину, но этому не придавалось значения, ходили упорные слухи, что у русских плохая конница.

— Плохая? — переспросил я. — Ну, а как сегодня работала эта конница?

Офицер смущенно улыбнулся и ничего не ответил...

Тремя повторными конными атаками мы отбросили польские полки на северо-восток. Наступившая темнота помешала преследовать отступавших, и мы расположились на ночлег в районе Березно—Гайвори—Белявка. Выставив боевое охранение, все время держались настороже.

Первое столкновение с новым противником было удачным уже по одному тому, что за сегодня мы насчитывали очень незначительные потери.

Обычно, запись итогов каждого боя я в то время вел весьма своеобразно. Записывал на одной бумажке потери противника, а на другой — количество убитых и раненых бойцов своей дивизии и рассовывал всю эту „бухгалтерию" по карманам.

В это время 11-я кавалерийская дивизия вела огневой бой с противником, занимавшим деревню Дзиньков.

Конные атаки против пехоты, засевшей в окопах, были отбиты сильным огнем. Наличие проволочных заграждений не давало возможности ударить противника в лоб. Начдив решил направить первую бригаду в обход Дзинькова с севера, а с фронта повел в наступление две бригады в пешем строю. Непривычен для бойца пехотный бой, но все же поздно вечером, после кровопролитного боя, дивизия вошла в деревню, собираясь заночевать.

Поляки с большими потерями отошли на вторую линию своих позиций.

Удачнее всех действовала 6-я кавалерийская дивизия. Ранним утром у селения Животов она буквально столкнулась лбом с польской пехотой, шедшей беспечно в колонне без всяких мер охранения. Головная бригада с места ринулась в рубку.

Донесения разведчиков свидетельствовали о большом скоплении пехотных частей в этом районе. Развернув дивизию на большом широком фронте и усилив органы разведки, начдив поступил совершенно правильно, уничтожая на своем пути пехотные части противника, не ожидавшего, что так скоро наша кавалерия продвинется вперед.

Продвигаясь дальше на Спичницы, дивизия у западной окраины Меловка своими раз'ездами обнаружила большую колонну польской пехоты. Первые две атаки были отражены стойким дисциплинированным огнем, но неожиданные действия двух эскадронов по флангам и в тылу заставили противника отходить на Андрусово. Отход поляков превратился в беспорядочное паническое бегство.

В результате боев за 29 мая шестая дивизия, сломив сопротивление правофланговой бригады 13-й пехотной дивизии поляков, открыла на польском фронте ничем не защищенную брешь от Нападовки до Анновки включительно (12 километров). За день боя было захвачено у противника 8 орудий различного калибра, до 90 пулеметов, много боеприпасов и продовольствия. Зарублено было свыше тысячи человек, при незначительных собственных потерях.

В течение двух дней 6-я дивизия продолжала успешно вести бой, уничтожая силу противника.

Отход волков превратился в беспорядочное, паническое бегство

НЕУДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Ночь с 29 на 30 мая прошла для дивизий неспокойно, обособленное положение армии, „воткнувшейся в главную оборонительную полосу противника", частая и временами бесцельная стрельба заставляли все время быть на чеку.

Полевой штаб армии только к концу дня прибыл в Тетиев. К этому времени командарм имел возможность сгруппировать, сопоставить и оценить разведывательные данные, полученные в результате напряженных боев за день.

Из донесений разведок можно было судить, что на участке Первой конной действуют 13-я и 7-я пехотные дивизии и кавалерийская дивизия генерала Карницкого.

К концу дня командарм принял решение: захватить к 1 июня важный железнодорожный узел Казатин — Бердичев. Эта операция преследовала цель разгрома ближайших тылов 2-й и 3-й польских армий, отвлечения внимания противника к своему тылу.

Успех действия первой конной обеспечил значительную помощь группе войск тов. Якира, которая успешно продвигалась в направлении Белая церковь и 14-й армии, ожесточенно дравшейся с правофланговыми частями у Гайсин.

По замыслу командарма, действия конной армии должны были развернуться следующим образом: 3-я дивизия наносит удар в направлении Казатина, 1-я дивизия отвлекает внимание противника в районе Липовец, 4-я и 14-я дивизии, действуя совместно, прорывают фронт северо-восточнее Ново-Хвастова и выходят на линию Марьяновка - Молчановка...

6-й кавдивизии с приданными бронепоездами ставилась задача демонстративных действий в районе ст. Липовец с целью отвлечь внимание польского командования от нашего главного удара и облегчить положение правого фланга 14-й армии.

Почти 20-километровый прорыв на фронте Нападовка — Анновка, непрекращающиеся активные действия 6-й кавдивизии заставляют польское командование без промед-

лений сформировать ударную группу, возглавляемую полковником Шиллингом, для борьбы с 6-й кавдивизией и восстановления нарушенного очертания фронта.

Шиллинг получил задачу 31 мая перейти в наступление, отбросить части 6-й кавдивизии и выйти в тыл конной армии, взаимодействуя с частями 13-й и 18-й пехотных польских дивизий.

В середине дня было получено сообщение о появлении на участке Первой конной частей 5-й пехотной дивизии, до этого здесь отсутствовавшей. Польское командование, видимо, подтягивало резервы. Еще одно непредвиденное обстоятельство прибавилось к обстановке.

Небо к вечеру затянулось грозовыми тучами, и несдержимый ливень, начавшийся вечером 30 мая, с короткими промежутками бушевал до 5 июня, превратив дороги в непролазные трясины, а мелкие ручейки — в бурлящие реки.

Напуганное успехами 6-й кавдивизии, сосредоточением ударного кулака на Казатин и решительными действиями групп войск тов. Якира, польское командование спешно стягивает свои резервы. Вечером 31 мая в Казатин была подвезена одна бригада 5-й пехотной дивизии. В район Ружин - Загрудницы подошли два батальона пехоты с артиллерией и два кавалерийских полка (бригада генерала Савицкого).

Белополяки день и ночь вели работы по укреплению позиции.

День 31 мая для правофланговых 4-й и 1-й кавдивизий прошел спокойно. Под проливным дождем мы готовились к прорыву. На участках же 6-й и 11-й кавдивизий шли серьезные бои.

Ранним утром, в предрассветной мгле, группа Шиллинга атаковала первую бригаду 6-й дивизии, занимавшую деревню Синчицы. Бдительное охранение своевременно известило отдыхавшие части.

Польская пехота была встречена сильным ружейно-пулеметным огнем. Заговорила приданная бригаде конная батарея, и белополяки были прижаты к земле.

К этому времени подоспела польская артиллерия, численно превосходившая нашу. Беглый огонь польских ору-

дий ободрил наступающих. Польские цепи быстро поползли вперед.

Наступил решающий момент. Комбриг с беспокойством оглядывал ряды немногочисленных бойцов — „дрогнут или удержатся?„

„Надо выдвигать в бой единственный резерв", и ординарец карьером помчался с приказанием — „Броневотряду атаковать правый фланг поляков"...

Неслышно и проворно выбрались броневики на окраину деревни, развернулись и двинулись вперед, обстреливая правый фланг наступавших. Польские цепи дрогнули от неожиданности и потерь, остановились... и быстро начали откатываться назад. Но спохватились и исправили дело их артиллеристы: чуть ли не десяток орудий обрушилось огнем на бронеавтомобили. Медленным задним ходом машины пошли назад. Подбитый метким снарядом свернулся на бок броневик, а вслед за ним и второй.

Отходившая пехота повернула и, под прикрытием артиллерии, во весь рост пошла в атаку. На левом фланге разгорелся рукопашный бой. Крики „ура", „виват" оборвали стрельбу...

Бригада очистила деревню, отступая к востоку. Неудачный день выпал для 6-й дивизии. В пешем и конном строю две бригады отошли на восток и укрылись в лесу.

К вечеру части 18-й пехотной дивизии вышли на линию железной дороги и захватили станцию Оратово, отрезав бронепоезда, действовавшие между ст. Липовец и Оратово.

Потребовалось введение всех сил дивизии, чтобы выбить зарвавшегося противника. Поздно вечером станция Оратово была очищена от поляков.

БРИГАДА РВЕТ КОЛЬЦО

Удачнее сложились бои для 11-й кавдивизии. На рассвете первая бригада дивизии, неожиданно для поляков, атаковала в пешем строю опорный пункт противника у деревни Быстрик, захватив его и уничтожив местный гарнизон.

Командир дивизии быстро подтягивает остальные бригады и развивает молниеносный удар на Ново-Хвастов. Не ограничиваясь занятием Ново-Хвастова, дивизия глубже вклинивается в прорыв и после полудня овладевает селением Бураковцы-Морозовка.

В это время наши соседи (группа т. Якира и 14-я армия) вели напряженные бои: первая в 10 — 12 километрах к югу от с. Белая Церковь, вторая на своем фронте и, в особенности, на правом фланге, взаимодействующем с 6-й кавдивизией.

Боевой баланс дня можно было бы считать положительным (неудача 6-й дивизии компенсировалась решительными действиями 11-й кавдивизии), обеспечившей глубокий прорыв фронта 13-й пехотной польской дивизии, если бы не случай измены, происшедший впервые за все время существования буденновской армии.

3 эскадрона 81-го кавалерийского полка, сформированные в Майкопе из бывших пленных деникинцев командиром бригады Сальниковым и наштабригом Протопоповым (бывшими деникинскими офицерами), были уведены к полякам.

В ночь на 1 июня части Первой конной были расположены в следующих районах:

4-я дивизия—Рогоза—Рубченко—Злодеевка—Татариновка.

6-я — Плисков — Очистков и Чернявка.

11-я — Старостинцы—Гайчинцы—Смажинцы.

14-я — Тетиев—Кашировка.

В то время, когда дивизия готовилась выполнять приказ командарма о наступлении на Казатин, польское командование наконец серьезно забеспокоилось и начало выдвигать меры противодействия Первой конной. Так, для борьбы с 11 й кавдивизией, вечером 31 мая в районе Зарудницы создается группа генерала Савицкого (кавалерийская бригада и один пехотный полк). В задачу этой группы входило ликвидировать успех 11-й кавдивизии, отбросив ее на восток.

Для борьбы с 4-й кавдивизией была создана группа генерала Карницкого (кавдивизия и один пехотный полк) с задачей разгрома 4-й дивизии с тем, чтобы выйти в тыл 11-й и 6-й кавалерийских дивизий в районе Зиньков—Тетиев. Че-

тыре дня не прекращались дожди, и четверо суток велись непрерывные бои. Наступательный порыв Первой конной не ослабевал.

Ранним утром 1 июня, еще в темноте, ударная группа генерала Савицкого атаковала 3-ю бригаду 11-й кавдивизии, ночевавшую в деревне Старостинцы. Пехотный полк противника, обрушившись на бригаду, своими действиями освободил кавалерийские части для свободного обхода нашей бригады с флангов и с тыла.

Нужно было как можно скорее отходить к Гайчинцам, но было уже поздно. Польская пехота отрезала Гайчинцы с востока, а преследовавшая бригаду конница обложила селение.

Окруженная превосходными силами, с патронами и артиллерийскими снарядами на исходе, бригада в продолжение трех часов геройски отражала конные и пешие атаки поляков. Наконец, видя, что держаться дальше невозможно, комбриг решил итти на прорыв.

Внезапной атакой на северные группы противника бригада разорвала удушающую петлю и, распространив коридор прорыва к западу и к востоку, вышла, потеряв батарею, к Ново-Хвастову и соединилась с главными силами дивизии

ГЕНЕРАЛ КАРНИЦКИЙ БИТ

Противник, используя все свои резервы, вел наступление, — видимо, польское командование решило одним ударом покончить с конной армией.

Кавалерийская дивизия генерала Карницкого перешла в атаку и, сбив наши сторожевые заставы, продвигалась вперед. Положение было тяжелым, так как со стороны Токаревки наступали значительные силы пехоты. Все это я сообщил командиру 4-й кавдивизии, прося его быстрее подвести дивизию в мой район для совместных действий.

Против пехоты (оказалось, что это был пехотный полк, приданный кавдивизии) были брошены вторая и третья бригада. Им была дана задача — остановить наступление

пехоты и отбросить ее за реку Березанка. 1-я бригада получила приказ во что бы то ни стало задержать конницу.

Удачными маневрами бригады, зажав пехоту, что называется в клещи, заставили ее бежать через реку Березанка. Ожидая атаки польской конницы, я был изумлен, когда дивизия Карницкого вдруг повернула на запад. У меня мелькнула мысль, что генерал задумал разделаться со 2-й и 3-й бригадами, ударив им в тыл. Я на минуту представил себе, как свежие, нерасстроенные польские полки могут навалиться на увлеченные преследованием бригады и внутренне похолодел.

Сообщение о том, что подходит 14-я кавалерийская дивизия обрадовало необычайно. Спешу навстречу комдиву, быстро знакомлю его с обстановкой и говорю о своем намерении немедленно ударить соединенными силами по коннице противника, перерезав путь ее движения.

Товарищ Пархоменко с моими доводами и решениями согласился, и мы расстались, двинувшись двумя колоннами: 14-я дивизия пошла на Татариновку, а я с 1-й бригадой — к Токаревке.

Рысью шла бригада. Минут через 40—50 мы услышали стрельбу.

— Что это могло быть? Или польские кавалеристы нагнали тылы моих двух бригад, или бригады, обнаружив польскую конницу, повернули и вступили в бой?

И в том и в другом случае нужно спешить.

С рыси бригада перешла на галоп.

Местность, шедшая в гору, начала спадать и открыла мне истинное положение вещей.

...Впереди, совсем недалеко, развертывались для атаки польские полки. В нескольких километрах на западе строилась для атаки 14-я кавдивизия, а километра 3 — 4 сзади противника группировались какие-то конные массы. Сомнений быть не могло — это части 2-й и 3-й бригад.

Думы и страх у меня разлетелись мгновенно. Такой группировки не выдумаешь и нарочно. Польская конница, имея в тылу болотистую реку Березанку, неожиданно для себя залезла в „мешок".

Скрываясь в роще и, развернув бригаду, я ждал, когда белополяки перейдут в атаку, чтобы вмешаться там, где это обещало быть наиболее выгодно. Конница противника, блеснув клинками, бросилась в атаку и на 14-ю дивизию, и на части 2-й и [illegible]-й бригад. Буденновцы перешли в контратаку.

Но... прежде чем встретились лицом к лицу атакующие, 1-я бригада хлестнула бичом клинков по тылу белополяков... Не ожидавшие такого исхода поляки не только растерялись, а как-то обмякли и опрометью бросились бежать, рассыпавшись кучами по болотистому лугу.

Скопом, беспорядочно бежали остатки дивизии Карницкого и, впопыхах переме́нувшись через реку, безудержно покатились на Шамраевку.

Заинтересованный странным для меня движением польской конницы на запад, я поручил выяснить у пленных причину, вызвавшую этот маневр. Оказалось, что Карницкий в период боя с нашими заставами получил приказание следовать форсированным маршем на соединение с группой генерала Савицкого в районе Старостинцы, Гайчинцы, Ново-Хвастов. Произведя такую группировку, польское командование намеревалось создать мощный кулак для уничтожения 11-й, 6-й дивизий, а также для ликвидации бреши, пробитой на левом участке 13-й пехотной дивизии.

„БИСОВЫ ДУШИ ЗАЛИЗЛЫ ПИД КОЛЮЧКУ"...

Разгром кавдивизии и пехотного полка группы генерала Карницкого исключал угрозу флангу и тылам Первой конной, а ведь этого хотело добиться польское командование, создавая ударные кавалерийские и пехотные группы Карницкого и Савицкого.

Соединенными усилиями 4-й и 14-й кавдивизий мы овладели долиной Березанки, — конная армия получила прекрасное исходное положение.

3 июня Буденный отдает приказ, в котором указывается ближайшая задача армии — выход в район Казатин — Бердичев не позже 6 июня.

Главный удар намечалось нанести тремя дивизиями (4, 14 и 11-я), 6-я дивизия должна была прикрывать тылы. Для обеспечения армии со стороны Липовец выделялась 3-я бригада 11-й кавдивизии. Ей придавались все армейские поезда и ставилась задача: „Приковывая внимание противника, беспокоя его широким маневрированием, не дать возможности перейти железную дорогу к востоку от Липовец".

Рассмотрим, как же польское командование расценивало создавшееся положение? Пренебрежительно оценивая боевые качества красной конницы, командование, не сделав поправок на эфект последних боев, считало, что польская оборона нанесла Первой конной такие потери, что ждать от нее (Первой конной) решительных действий не следовало. Так было задумано уничтожение Первой конной совместным наступлением 6-й и 3-й армий. Это наступление, назначенное на 6 июня, имело в виду выход 6-й армии на линию Соб—Кальник—Оратово. 3-я армия, содействуя 6-й, должна была к вечеру 4 июня выйти на линию Самгородок — Антонов и достигнуть реки Рось.

Вся конница, т. е. бригада Савицкого и остатки дивизии Карницкого, объединилась в одну кавалерийскую группу. Обе стороны готовились к решающему бою.

Вечером 4 июня тов. Буденный уточняет ранее данный приказ, назначив наступление с утра 5 июня.

Накануне 5 июня дивизии готовились к выступлению. Чуть ли не впервые за все бои с белополяками командный состав учил красноармейцев, как действовать завтра „с меньшей кровью".

Дело в том, что польские части были (по тому времени) чрезвычайно насыщены техническими средствами, а бойцу Первой конной, привыкшему к равнинным кавалерийским боям, действия на узком фронте, в пешем строю, являлись диковинными.

Положение осложнялось также и тем, что в таком необходимом подспорье, как ножницы для резки проволочных заграждений и ручные гранаты, мы были стеснены до чрезвычайности. Смешно вспомнить, на эскадрон приходилось по одной — две пары ножниц.

Поздно вечером, остановившись в расположении одного из полков дивизии, я подошел к группе закусывающих перед сном бойцов. Мое внимание привлекли обрывки разговора о завтрашнем дне.

—От, бисовы души, зализлы пид колючку, тай и кажуть — „мол, мы вояки," — сетовал боец на „хитрого", огородившегося окопами и проволокой противника.

—Ничего, Васыль, колючку мы сошками порубаем, а тоди держись, паны, шуганем, аж тошно буде, — ободрял говорившего товарищ...

Проверяя подготовленность дивизии, приходилось убеждать людей, что кавалерийским наскоком врага не возьмешь, и действовать надо умело, особенно в пешем бою.

Едва забрежжил рассвет, как части одна за другой выходили на исходное положение для атаки. Густой лес на нашей стороне, прикрывая сосредоточение, позволял незаметно подойти к проволоке первой линии окопов.

БУДЕННЫЙ БРОСАЕТСЯ В АТАКУ

Тишина и спокойствие нарушались лишь пением птиц. Изредка, по ветру доносилась польская речь...

Но тишина была обманчивой.

Лишь только показались первые цепи 14-й кавдивизии, наступавшей на Самгородок, как загремела артиллерия, и начали свою скороговорку пулеметы противника.

Бойцы, шедшие в рост, залегли, начав перебежки.

4-я кавдивизия готовилась идти в атаку. Среди бойцов пронеслась радостная весть:

„Буденный и Ворошилов приехали!"

Действительно, Ревсовет армии прибыл на участок дивизии. Это необычайно воодушевило бойцов. Присутствие любимых командиров внушало уверенность в победе.

— Что ж, пора помочь четырнадцатой,—улыбнулся, здороваясь, Семен Михайлович.

—Готовы хоть сейчас, товарищ командарм!

Ознакомившись с обстановкой и дав указания, Ворошилов и Буденный поскакали на участок 14-й дивизии.

По ней противник сосредоточил наибольшую силу огня, некоторое время позволяя более свободно продвигаться головной спешенной бригаде.

Сосед слева—11-я кавдивизия,—тоже успешно продвигалась на Снежно.

Огонь противника был значительно сильнее нашего. Особенно чувствовалось превосходство артиллерии. Артдивизионы Первой конной, получив накануне указания о строжайшей экономии снарядов, редкими залпами сопровождали наше наступление.

В полдень обозначились первые успехи прорыва. 14-я кавдивизия овладела укреплениями у Самгородка, уничтожив их гарнизоны. То же самое произошло на участке 4-й дивизии, захватившей Озерно.

И вдруг передовые цепи дрогнули.

Севернее Озерно, из-за леска, неожиданно ринулась в атаку польская конница. Части дивизии, шедшие в конном строю, несколько поотстали.

Положение было критическое, расстроенные боем и преследованием передовые части представляли легкую добычу для атакующей конницы.

Выручили два неожиданных обстоятельства. Только что перешедший на новую огневую позицию артдивизион почти в упор открыл беглый огонь. Конница поляков (как выяснилось после—это была бригада генерала Савицкого) дрогнула и приостановилась.

Этот момент и использовал бывший неподалеку С.М. Буденный.

Со своим конвоем, прихватив попутно случайно появившийся эскадрон одного из полков, он стремительно бросился через неуничтоженные еще опорные пункты в неравную схватку.

Решительность и неожиданность атаки совсем расстроили польскую конницу, она повернула коней.

Пехота противника, напуганная стремительной атакой буденновцев и бегством своей конницы, начала отступать.

К вечеру дивизии, продвинувшись в прорыв на 20—25 километров, сосредоточились так: 4-я — Игнатин, 11-я — Ружин, 14—я в Карпачаеве, а резервная — южнее Озерно.

Будённый стремительно бросился в неравную схватку.

За день боя Первая конная взяла в плен свыше 400 солдат, 20 пулеметов и одну батарею, захваченную в рукопашном бою.

Потери в живой силе в конной армии были не менее значительны, чем у противника. Много бойцов было убито перед проволочными заграждениями у окопов. Идя в атаку, передовые цепи бесстрашно рубили проволоку шашками и растаскивали ее руками. Таков был наступательный порыв буденновской армии, действовавшей в условиях окопной войны впервые.

О ЧЕМ МЫ ЖАЛЕЕМ

Разорвав оборону противника, Первая конная очутилась в узком коридоре, ограниченном справа местечком Сквира, слева станцией Казатин. Такая обстановка давала возможность противнику свободно действовать в нашем тылу.

Но поляки не воспользовались этим обстоятельством. Дерзость и стремительность действий Первой конной, успехи, ею одержанные, паника, начавшаяся в войсках противника, привели в смятение командование, и оно не использовало этот, безусловно, эфектный ход.

На следующий день Первая конная, продолжая развивать прорыв, двинулась для овладения станциями Пепельная, Черногрудка, имея ближайшей целью прервать железнодорожное сообщение Киев—Казатин, а с этим и возможность взаимодействия 3-й и 6-й польских армий.

В скоре 14-я кавдивизия, действовавшая на правом фланге, захватила эти станции, кстати и бронепоезд.

4-я кавдивизия, после короткого боя у Вчерайше, захватив там обозы и бригадный лазарет 13-й пехотной польской дивизии, к вечеру вышла в район Броки-Катовка.

11-я кавдивизия без сопротивления вышла в район Камени—Пятигорка, подорвав железнодорожный путь.

6-я кавдивизия к вечеру достигла Ружин, ведя усиленную разведку в направлении Казатин. Задача, поставленная командармом конной, 6 июня была выполнена: железнодорожное сообщение Киев—Казатин было прочно прервано.

Во время наступления нарушилась связь командарма конной с командованием юго-западного фронта. Имея данные о группировке противника только перед фронтом конной армии и не зная, что делается у соседей, Буденный решил в течение 7 и 8 июня овладеть железнодорожными узлами Житомир и Бердичев. Там находились богатейшие склады и штаб польского командования украинским фронтом.

Захват Житомира, Бердичева обеспечивал тыл Первой конной для дальнейших боев против 3-й польской армии, действовавшей у Киева.

Честь выполнения идеи командарма в занятии Житомира и Казатина выпала на долю 4-й и 11-й кавдивизий.

4-я дивизия должна была захватить Житомир, 6-я и 14-я дивизии обеспечивали тыл по линии ж. д. Фастов—Казатин.

Утром 7 июня форсированным маршем мы двинулись на Житомир и к вечеру подошли к городу. В городе и на станции захватили огромное количество боеприпасов, оружия и снаряжения. Очень кстати захватили мы большую партию ремонтных лошадей, предназначавшихся к отправке в дивизию генерала Каринцкого.

Ночью было получено сообщение и о захвате Бердичева. Единственно, о чем мы искренне жалеем,—это об удавшемся бегстве штаба украинской армии, за несколько часов до нашего прихода выбравшегося из Житомира.

Занятие нами этих двух городов окончательно нарушило управление украинским фронтом со стороны польского командования.

«ПАНЫ НАУЧИЛИСЬ УВАЖАТЬ КОННИЦУ»

В беседе с сотрудником „Укрроста", опубликованной в газете „Коммунист" 24 июня 1920 г. тов. Сталин, бывший на фронте около трех недель и непосредственно руководивший наступательной операцией красных войск, открывшейся знаменитым прорывом польского фронта конницей Буденного, так оценил положение:

ПРОРЫВ

„Говоря об операции нашей Красной конной армии на польском фронте в начале июня, многие сравнивают ее — этот прорыв фронта противника — с рейдом конницы Мамонтова в прошлом году.

Но это совершенно неправильно.

Мамонтовская операция имела эпизодический, так сказать, партизанский характер, не связанный с общими наступательными операциями армии Деникина.

Прорыв же Красной конной армии является звеном в общей цепи наступательных операций Красной армии.

Рейд нашей Красной конницы начался пятого июня. Утром этого дня свернутая в кулак красная конница ударила по второй польской армии, прорвала неприятельский фронт, рейдом прошла район Бердичева и утром седьмого июня заняла Житомир.

О подробностях занятия Житомира и захваченных трофеях уже сообщалось в печати, говорить об этом не буду, отмечу лишь кое-что характерное. Реввоенсовет конной армии доносил штабу фронта: „Польская армия питает абсолютное пренебрежение к нашей коннице; мы считаем своей обязанностью доказать полякам, что конницу надо уважать".

После же прорыва тов. Буденный пишет нам: „Паны научились уважать конницу, — бегут, очищая перед нами дорогу, опрокидывая друг друга".

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОРЫВА

Результатом прорыва явилось следующее: Вторая польская армия, через которую прошла наша конная армия, оказалась выведенной из

строя; она потеряла свыше одной тысячи человек пленными и около восьми тысяч человек зарубленными.

Последняя цифра мною проверялась из нескольких источников и близка к истине, тем более, что первое время поляки решительно отказывались сдаваться, и нашей конинце приходилось буквально пробивать себе дорогу. Это—первый результат.

Второй результат: третья польская армия (район Киева) оказалась отрезанной от своего тыла и очутилась перед опасностью быть окруженной в виду этого началось ее общее отступление в направлении Киев - Коростень.

Третий результат: шестая польская армия (район К.-Подольская), потеряв опору на своем левом фланге, из боязни быть припертой к Днестру, начала свой общий отход.

Четвертый результат: с момента прорыва началось наше общее стремительное наступление по всему фронту.

СУДЬБА ТРЕТЬЕЙ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ

Так как вопрос о судьбе третьей польской армии для большинства не ясен, то на этом я остановлюсь более подробно.

Оторванная от своей базы и потерявшая связь, третья польская армия очутилась перед опасностью попасть в плен целиком. Ввиду этого она начала жечь обозы, взрывать склады, портить орудия.

После первых неудачных попыток к отступлению в порядке она вынуждена была обратиться в бегство (поголовное бегство).

Треть армии(всего в третьей польской армии насчитывалось около двадцати тысяч бойцов) попала в плен или была зарублена; другая треть ее, если не больше, побросав оружие, разбежалась по болотам, лесам, — рассеялась.

Лишь остальная треть, и даже меньше, успела проскочить к своим через Коростень. При этом, несомненно, если бы поляки не успели своевременно подать помощь свежими частями через Шепетовку - Сарны, и эта часть третьей польской армии была бы в плену или рассеялась по лесам.

Во всяком случае надо считать, что третьей польской армии не существует; те же остатки ее, которые добрались к своим, нуждаются в большом ремонте.

Для характеристики разгрома третьей польской армии, должен сказать, что все житомирское шоссе завалено полусожженными обозами и автомобилями всех родов, причем количество последних, по донесению начальника связи, доходит до четырех тысяч. Нами взято около 70 орудий, не менее 250 пулеметов, громадное количество винтовок и патронов, еще неподсчитанное. Таковы наши трофеи!..“

ДАЕМ СЛОВО ПРОТИВНИКУ

В заключение нельзя обойти оценки действий Первой конной, данной историческим бюро польского генштаба в изложении ротмистра Берлацкого.

„а) Указания, содержащиеся в приказе НР 66/оп., отданном 3 июля, приводят к желательным последствиям. Создание сильной группы, выбор небольшого участка, само тактическое положение выбранного участка в полной мере соответствуют месту для производства прорыва: он находится на стыке двух армий (6-й и 3-й) и с обеих сторон ограничен широкими ручьями и целым рядом прудов, что в первый момент прикрывало фланги атакующей группы.

Участок наступления был выбран также целесообразно — он находился под углом оборонительной линии противника и сразу выводил

конармию после прорыва фронта на тылы польских позиций и далее прямо в район Казатина.

Как самый план наступления, так и его выполнение было удачное, последовательное и смело проводимое.

Перегруппировка и занятие походного положения было произведено искусно, с использованием ночи, тумана и природных закрытий, находящихся перед фронтом польской оборонительной линии.

Противник до последнего момента обладает полной неуверенностью и даже неосведомленностью о приготовлении наступления. Этим самым конармии удается использовать момент тактической неожиданности.

б) Поскольку замыслы командующего и действия конармии 6 июня отличаются определенностью поставленной цели и последовательностью выполнения, несмотря на трудные условия, постольку решения польского командования носят следы нервности и неориентированности в обстановке. Польские войска все время стараются восстановить прежний фронт, ища противника только в ближайших районах и не допуская, чтобы он мог рискнуть на более смелые действия по глубоким тылам. Результатом этого был удар впустую, задержка преследования кавдивизией и израсходование ее сил на ненужные марши.

Между тем, конармии в этот день удается оказаться в глубоком тылу польского фронта, прервать железнодорожное сообщение между Казатином и Киевом и занять исходное положение для дальнейших операций.

в) Действия конной армии 7 июня имеют характер необычайно смелого предприятия на тылы неприятеля в неизвестных и трудных условиях.

Выполнение этих операций так же, как и принятие подобного решения с точки зрения рискованности всей операции, служит доказательством высокого уровня командования и отличных боевых качеств самих частей.

Целью этих действий было уничтожение оснований, с которых польские части могли бы начать противодействовать конармии во время ее поворота на восток, когда она, согласно общему приказу командования юго-западного фронта, начинает свои операции для разгрома 3-й польской армии. Конармия не только совершенно дезорганизовывает всю систему управления командования украинского фронта, в самых критический момент перервав на некоторое время его связь с подчиненными частями, но и вызывает моральную депрессию в польских тылах, которая еще долгое время будет оказывать громадное влияние на события".

А вот что говорил впоследствии в своих воспоминаниях главнокомандующий польской армией Пилсудский:

„Первая моя попытка поэтому заключалась в том, чтобы объединить части для удара по коннице Буденного, пока она находилась между этими частями, в Житомире и окрестностях. План этот сошел на нет. Я отдал определенный приказ генералу Смиглому оставить излишнюю при данной обстановке стоянку в Киеве и отступить со своими главными силами вдоль шоссе Киев — Житомир, нанося таким образом удар по главным силам Буденного около Житомира. В этом случае он мог бы быть поддержан в бою левым флангом 51-й армии и сосредоточенной около Казатина нашей конницей. Даже слабая поддержка подходящих с запада частей, по моему мнению, могла бы принести пользу. По непонятным до сих пор для меня причинам моя телеграмма не дошла до генерала Смиглого, и он отвел свои войска в северо-западном

направлении вдоль линии Киев — Коростен — Сары, т.е. вдоль южного Полесья, как бы старательно избегая возможности столкновения с конницей Буденного".

Таким образом с удовлетворением можем констатировать, что мнение польского маршала о конной армии как „о некоторой стратегической нелепости", не оправдалось.

МЕНЯ ВЫЗЫВАЕТ СТАЛИН

В Житомире получил телеграмму;

„Немедленно прибыть Харьков. Явиться лично Егорову, Сталину.

Недоумевая, почему это в разгар успешных боев с белополяками меня вызывают в штаб фронта, я строил различные предположения. Сообщив, что меня направляют на фронт против Врангеля, тов. Буденный приказал срочно сдать дивизию тов. Коротчаеву и через несколько дней, что греха таить, я с большой неохотой выехал в Харьков.

Трудно было расставаться с Первой конной, с людьми, с которыми сроднился.

Добравшись до Харькова, на станции встретил эшелон буденновцев, ехавших из Сальска на польский фронт. Встреча с земляками была радостной и теплой.

Условившись зайти к ним вечером, вышел в город. С помощью прохожего добрался до Скобелевской площади. На дверях большого дома вывеска: „Штаб Юго-западного фронта". Миновав часовых и расспрашивая, где помещается товарищ Сталин (тов. Сталин в это время был членом РВС юго-западного фронта), внутренне робея, открыл дверь.

— Имею честь явиться по вашему вызову!

Поднявшись из-за стола и протянув руку, товарищ Сталин, сильно похудевший с того времени, как я видел его в последний раз, спросил:

„Почему так долго задержались?"

— Имею честь явиться по вашему вызову.

Боясь нагоняя и не глядя ему в глаза, я невнятно пробормотал о железной дороге, ссылаясь на скверное движение поездов.

— Вам нужно немедленно выехать на станцию Волноваху в Северной Таврической губернии и сформировать из Жлобинского корпуса Вторую конную армию,— немного подумал и добавил. — Надо быстро разгромить Врангеля.

И дальше коротко и понятно товарищ Сталин рассказал мне о создавшейся обстановке на Крымском полуострове...

Я выехал формировать Вторую конную армию.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Начдив 4	7
Я иду в казаки	15
Встреча с Буденным	19
„За веру, царя и отечество"	24
Февральский ветер	26
Я — красногвардеец	29
Революция в опасности	33
Снова в Платовскую	36
„Атаманом не быть"	39
Шара-Булук	41
Тревожные дни	43
„Получите в нос гранату"	48
„Я есть великий атаман"	50
Плен и побег	50
Выручка мартыновцев	54
Переправа через Сай	59
Парад не состоялся	60
Царицын или Астраханские степи	62
„Вот котел, так котел"	64
Сталин укрепляет „Красный Верден"	65
Жлобинцы	68
Политпросветработы и лошади	69
Я — комбриг	71
„Це тилько поговорка"	73
Случай с гранатой	75
„Как мне вы воюете?"	75
Тактика буденновцев	77
Я вступаю в партию	78
Слово имеет Шолохов	80
Сталинский план разгрома белых	84
Корпус Буденного	89
За двумя зайцами	92
Оригинальный приказ	93

Измена Миронова 85
Английский летчик 96
Воронеж 100
„Хата двигается" 102
Конная армия 103
Калинин и сухари 105
„Где моя тетушка?" 105
Приказ проверять надо 107
Нахичевань, Ростов 108
Перед Батайском 113
Девушка в пенсне 114
Торговая 115
Смерть Мироненко 118
Опять генерал 120
Средне-Егорлыкская 122
Атаман-Егорлыкская 124
Бегство „вооруженных сил юга России" 130
Ошибки Шорина 132
Риск тухачевского 133
Роковая ошибка генерала Павлова 137
Генерал просчитался 139
Всего лишь унтер-офицер 140
Майкопская передышка 141
Польские паны разжигают костер войны 147
На западный фронт 149
„Держись, антанта" 151
Пилсудский не верит в конницу 155
„Пленный улыбнулся и ничего не ответил" 158
Неудачный день 163
Бригада рвет кольцо 165
Генерал Карницкий бит 167
„Бисовы души зализлы пид колючку" 169
Буденный бросается в атаку 171
О чем мы жалеем 175
„Паны научились уважать конницу" 176
Даем слово противнику 179
Меня вызывает Сталин 182